

ДВОЙНАЯ ЛУНА, ИЛИ ПАЛИТРА ЧЁРНОГО

ЗОЛОТО ВЕРНОСТИ

КНИГА
ВТОРАЯ

РОМАН БАЛУЕВ

18+

Двойная Луна, или Палитра чёрного

Роман Балуев

Золото верности

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Балуев Р.

Золото верности / Р. Балуев — «ЛитРес: Самиздат»,
2020 — (Двойная Луна, или Палитра чёрного)

ISBN 978-5-532-99097-5

Мятежники нападают на королевскую семью с помощью невиданной огненной магии. Во дворце плетётся предательский заговор, на полях сражений вершатся подвиги и поражения, а из-за края мира подымается зловещая сила, жаждущая заполучить саму Вечность... Здесь каждому назначено своё: честь или глупость, дружба или предательство, отмщение или любовь. Повстанческий лагерь против элитного гвардейского подразделения. Орден беспощадных ночных убийц против труппы странствующих актёров, бегущих от войны. Где в этом безумном мире героям отыскать зыбкую правду, не утонув в пучине невежества и лжи?

ISBN 978-5-532-99097-5

© Балуев Р., 2020
© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	43
Глава 10	48
Глава 11	56
Глава 12	61
Глава 13	69
Глава 14	79
Глава 15	86
Глава 16	96
Глава 17	102
Глава 18	110
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Роман Балувев

Золото верности

Глава 1

«Не верь синим палачам, не то погибнешь!»

Столица королевства Кейл не имела названия. Вернее, в стародавние времена этот город сам звался Кейл, что на одном из местных наречий значило «Предгорье». Но история шагала своим ходом, и перипетии её сделали город Кейл престолом молодого государства. С тех пор границы стран многократно менялись, королевство росло и старело, но город так и оставался его столицей. И со временем название города перешло ко всей стране, а сам город стали именовать просто Столицей. Путаницы тут не возникало, ибо каждый житель королевства знал, где находится столица – на запад по Королевскому тракту. Иных столиц здесь не знали уж тысячу лет.

Сей город стоял на большом холме, поэтому издали он напоминал грандиозный муравейник, составленный из хаотичного нагромождения домов, что взбирались к вершине. А посреди этой каменной гряды высился величайший из гигантов – Народный храм Шамины.

Небо уже начало светлеть, когда двое всадников подошли к стенам столицы-муравейника.

Караульный на городской стене удивлённо прищурился, нахмутив лоб – ведь со стороны Закатных гор путники появлялись редко, уж точно не в такую рань. Земли к западу от столицы слыли редкой глухоманью. Там находились лишь несколько мелких деревень, живших скудным хозяйством. То ли дело восточные ворота: с востока в столицу постоянно прибывали торговые караваны из Атрии, с Никкерских просторов, и даже из Кахарского шайяната. С востока ли, с юга или с севера они шли – все перво-наперво стремились достичь Королевского тракта, потому как путь по его мощёной колее завсегда оказывается быстрее и удобней любого другого пути. Однако с запада в столицу ездить было некому – Закатные горы считались непроходимыми.

– Стой! Кто идёт! – окликнул караульный. – Западные ворота откроются с восходом!

Рослый путник, что ехал впереди, поднял капюшон, и караульный обомлел при виде лысой головы, покрытой аляповатым узором сине-стальных полос.

Увидев, что на караульного напала немота вкупе с остолбенением, путник устало вздохнул, сложил руки рупором и прокричал в ответ:

– Я Маэл, кровный слугитель Богини и посланник Синода при королевском троне Кейла. Открывай.

Стражник, которого перед дежурством никто не предупредил, что к нему под ворота заявится первый из столичных Чтецов, ещё раз протёр глаза и с изумлением осмотрел синеполосую лысину говорящего. Убедившись, что зрение его не обманывает, он шагнул к внутреннему борту стены, перегнулся, и скомандовал кому-то внизу:

– Где вы там заснули? Открывай ворота!

Оказавшись наконец внутри, слугитель Маэл направил коня вовсе не вглубь города по его узким улочкам, а куда-то вдоль стены. Йед, который всю ночь послушно брёл за ним, и теперь не стал удивляться или расспрашивать. Но его покорность и безразличие были лишь внешними. Всю дорогу его терзало чувство творящегося хаоса – хаоса в собственной голове. Будто кто-то выпотрошил его разум, искромсал на отдельные куски, все их перемешал – да и засыпал обратно как есть.

Погружённый в тяжёлые думы, Йед до сих пор пытался навести порядок в собственной смятенной душе. Вначале он винил во всём случившиеся события: ведь он в одночасье потерял всю свою прежнюю жизнь. Однако помимо скорби о погибшей от чумы семье и односельчанах, его преследовало что-то ещё. Странное ощущение, что он потерял нечто очень важное. Да так потерял, что даже и забыл, что именно. Именно это липкое чувство не давало ему покоя всю дорогу. Иногда Йеду казалось, что он вот-вот всё вспомнит, но в тот же миг что-то странное словно просыпалось у него внутри, и мягко отводило его мысли в сторону.

Когда они со служителем Маэлом приблизились к одной из башен городской стены, тот наконец заговорил.

– Башня перед нами – одна из городских темниц. Некоторое время тебе придётся про- вести здесь.

– Чтоо?! – мигом пробудился Йед. – Разве я теперь преступник?!

– О нет, конечно же нет, – помотал головой Чтец. – Но пока я не вполне уверен в твоей... безопасности для города. Ты по неизвестной мне причине пережил ту чуму в деревне и до сих пор не похож на больного, но кто знает? Пускай сестры из Ордена целительниц убедятся, что болезни точно нет. Не нужно беспокоиться: я сообщу коменданту, что ты вовсе не пленник, и к тебе будут относиться с приличием. Скажу, что тебе нужно тайное убежище на время.

– Ну, раз так... Пожалуй, ваша милость правы. Многие находят ночлег в местах и похуже этого.

Йед снова вернулся к своим думам и замолчал так, словно всё ему снова стало безразлично. На фоне того, что даже его родного дома больше нет, вопрос отбывания карантина в городской тюрьме казался пустячным.

– Ну вот и ладно, – задумчиво молвил Маэл. – Хорошо иметь дело с толковым малым! Мне ещё нужно уладить кое-какие... дела. Неотложные... А потом... потом определим твоё будущее здесь, в столице. У меня есть на тебя планы.

Про себя Йед удивился, с чего вдруг Посланник Синода проявляет такой интерес к судьбе какого-то деревенского парня. Пусть даже парень этот и оказался замешан в тревожных событиях особой важности – но уж больно подозрительна такая забота.

После недолгих переговоров с опешившим от удивления комендантом тюрьмы, служитель Маэл спешно удалился, оставив тому одного лишь Йеда. Бросив на парня подозрительный взгляд, комендант вышел за дверь и отгаркал там приказ. И вот уже какой-то смурной карлик – видать, местный тюремщик – повёл Йеда по мрачному коридору, что пролегал внутри толстой городской стены.

В камерах, что следовали впритык одна за другой, находились разномастные узники. На вид – простая столичная чернь. Вернее всего, рыночные воришки или просто бродяги. Большинство ещё спали.

«Вот с чего началась моя новая жизнь» – усмехнулся Йед сам себе.

Но тут он заметил прикованный к себе пристальный взгляд, который заставил его приостановиться. Словно бы споткнулся об этот взгляд.

Лицо за решёткой выражало живой интерес и одновременно – недоверие. Человек не выглядел обычным оборванцем, как прочие постояльцы этого сурового места. Он, скорее, походил на некоего торговца или ремесленника.

Вдруг узник резко вскочил, кинулся к решётке. От неожиданности Йед машинально отпрянул, но узник уже крепко схватил его за локоть. Глаза его светились пугающим безумием.

– Не верь им! – зазвучал дрожащий шёпот. – Не верь синим палачам, не то погибнешь!

Карлик, что шёл рядом, выстрелил в узника злым взглядом. Выхватив из-за пояса увесистый жезл тюремщика, он с такой яростью саданул по пальцам бедолаги, что тот возопил благим матом, а затем жалобно заскулил и забился назад, вглубь камеры.

Не теряя времени, карлик потащил ошарашенного Йеда дальше по коридору, но странный узник успел ещё несколько раз выкрикнуть им вдогонку:

– Не верь синим палачам!

Его блеющий от боли голос эхом прокатился по коридору туда и обратно, будто хотел выйти на свободу вместо своего хозяина и зажить там собственной жизнью. Но выхода из темницы не оказалось.

Под конец тот же голос разразился безумным хохотом.

– Да заткните уже этого склянщика – проворчал кто-то из сонных заключённых.

– Я сейчас *тебя* заткну, – немедля отозвался другой.

Наконец они дошли до пустой камеры поодаль. Тюремщика предупредили, что с Йедом не следует обращаться, как с преступником. И хотя он находил это весьма странным, но так повелел лично Посланник Синода. Наверное, думал карлик, этот юноша – какая-то важная птица, который прибыл инкогнито и хочет пока скрыться там, где его точно не станут искать.

– Вот здесь и будет ваша опочивальня, сударь, – произнёс карлик не без издёвки.

Решётка со скрипом отворилась, а карлик изогнулся в театральном поклоне.

– Не королевский дворец конечно, но чем уж богаты, – мерзко хихикнул он напоследок.

У Йеда не было никакого желания раздувать ссору с первым встречным, поэтому он пропустил колкости мимо ушей. Однако когда карлик собрался оставить его в одиночестве, Йед всё же не удержался от вопроса.

– А что за сумасшедший был в той камере? Не похож на обычного воришку...

– Ах, этот!... – оживился карлик. – Аптекарь, которого обвиняют в колдовстве. Хотя если бы спросили меня, ну какой из этого хлюпана колдун? Он здесь и так уже умом тронулся, а что его дальше ждёт, беднягу... Лучше б просто лечил людей, как раньше...

Йед лёг на солому, всё повторяя в уме слова безумного аптекаря: «Не верь синим палачам!»

И сам того не заметил, как провалился в сон.

* * *

– Неужели тот самый юноша? – игриво прозвенел девичий голос.

– Он самый, брат без сестры! – весело ответил другой такой же.

– Бедная сороконожка! – беспечно зазвучал первый.

– Несчастливая сороконожка! – едко хихикнул второй.

– Кого же он защитит, сестра?

– Кого же он спасёт, сестра?

– Сороконожка никому не поможет!

– Сороконожка споткнулась!

– По плечу ли мальчику судьба? – заговорили два голоса хором. – Сможет ли мальчик освободить Вечность?

Йед проснулся там же, где и заснул – в камере. Рядом никого не было. Насмехающиеся голоса ему просто приснились.

* * *

– Очнись!

Тревожная мысль доносилась из глубины сознания Тании, подобно внутреннему голосу. Сквозь сон этот голос казался ей до родного знакомым, будто бы она говорила сама с собой – или с собственным отражением. С чудной подделкой из зазеркалья.

– Очнись!

Тания просыпаться совсем не хотела. Вернее, не хотела возвращаться в реальный мир. Она подспудно надеялась, что и этот голос ей снится тоже.

– Проснись! *Кошмары* приближаются!

За внутренним зовом последовало нечто подобное удару, от чего Танию всю передёрнуло. Остатки сна тут же слетели прочь. Она вскочила, как ошпаренная, оглядываясь по сторонам. Внезапно всю её охватила необъяснимая паника, словно её только что мучил жуткий ночной кошмар.

В округе ничего особенного не обнаруживалось, кроме спящего неподалёку пришельца из горного подземелья, который назвался ей странным именем Линкей. Она ещё толком не знала, кем он был на самом деле, но он точно обладал даром Чтеца.

И не долго думая, она решила его растолкать.

– Что такое? – отозвался тот, распрямляясь во весь свой великанский рост.

– Меня разбудил он... Кажется... Ну, эта книга... Похоже, что–то приближается.

Поглядев на её испуганный вид и тревожное до испуга лицо, Линкей и сам встревожился. Он прикрыл глаза, призывая свой дар, и в лесном полумраке полосы на его лысой голове задрожали и зарябили бледно–лиловатым сиянием.

В тот же миг из ближайших кустов на него с лаем бросилось что–то дикое. Он даже и заметить не успел, как оказался опрокинут чёрным зверем навзничь, а клыкастая пасть угрожающе рыкала ему в лицо.

Кроме этой хищной пасти, да ещё жёлтых глаз, он не успел ничего толком разглядеть.

Лесной воздух распорол воинственный вопль. На зверюгу обрушился такой могучий удар, что воздух с противным чмоком вышел из груди животного, а Линкей ощутил брызги слюны на лице.

С жалобным визгом зверь отлетел в сторону, и Линкей смог снова вскочить на ноги. Рядом Тания размахивала обрубком толстой ветви – дровиной для ночного костра.

Пытаясь очухаться и вновь подняться на лапы, оглушенный зверь скулил, визжал, рычал и лаял одновременно, оглашая лес дикой какофонией.

Он был размером с гигантскую собаку – с волчьей мордой и треугольными ушами торчком. Однако гибкие и ловкие когтистые лапы походили скорее на кошачьи. Чёрный окрас перемежался блёклым узором серых пятен, а от холки до самого хвоста дыбом встала короткая грива.

– Давн! – выкрикнула Тания. – Откуда он тут взялся?!

Жалобное скуление тут же сменилось злым лаем. Заслышав голос своей обидчицы, зверь пришёл в лютое иступление.

С кошачьей ловкостью взмыл на ствол ближайшего дерева.

Метнулся на толстую ветвь.

И оттуда – с высоты – сиганул прямиком на Танию.

Так стремительно всё произошло, что она не успела ни уклониться, ни размахнуться своим бревном. Она видела лишь клыкастую пасть, жёлтые глаза и когтистые лапы. И всё это стремглав летело прямо на неё.

Однако со зверем было что–то не то. В полёте лапы его так и оставались безвольно раскинутыми в стороны: давн словно не растерзать жертву хотел, а собрался обнять старого друга после разлуки.

Тания и удивиться не успела такой комичности, как безвольная туша сбила её с ног.

Запоздало вскрикнув, она скинула с себя зверя, который почему–то решил притвориться мёртвым. Оторопело поглядев на обмякшую тушу, она перевела глаза на Линкея.

Тот стоял на прежнем месте, а его странные полосы на лысой голове вовсю играли весёлой свистопляской.

– Жива? – участливо спросил он. – Не пострадала?

– Это... это ты с ним сделал? Он мёртв?

– Зачем же убивать живое существо попусту, – возразил Линкей, косясь на тушу гривастой зверюги. – Он просто крепко спит. Ты назвала его «давн»? Откуда он? Он дикий?

Вопрос «откуда» как раз и беспокоил Танию сильнее всего. Родным краем давнов было Чаролесье – безбрежные джунгли на южном краю Междуморья. В тех местах и обитали дикие давны, целыми стаями. Но Чаролесье – оно за тридевять земель, а в Кейле диких давнов никогда не водилось. Старики рассказывали не очень правдоподобные истории про одичалых давнов, но если такие и впрямь появлялись, то их немедленно уничтожали, как смертельную угрозу – угрозу и людям, и домашнему скоту.

Но этот давн мог быть только из королевских питомников.

Издалека донёлся переливчатый лай. Остальная свора слышала стычку с давном–ищейкой и уже приближалась.

– Это же облава! – крикнула Тания. – На нас! Бежим!

* * *

– Ты должен их всех тоже усыпить! – выкрикнула на бегу Тания. – Как того!

– Слишком много! Это трудно! Нужна концентрация, а я могу сосредоточиться только на одном за раз!

– Но убежать от своры давнов – безумие! Они же взяли наш след! Надо что–то придумать немедленно, иначе нас сожрут живьём!

Захлебистый лай приближался, но Тании пришлось приостановиться, чтобы перевести дух. Она с удивлением отметила, что Линкей – в отличие от неё – почти не запыхался. А ведь в родной деревне она всегда бегала быстрее всех!

– Мои способности плохо работают на животных, – признался он, – но я знаю много разных трюков. Уходи в сторону, а я позабочусь, чтобы они не пошли за тобой. Я отвлеку их на себя.

– А как же ты? Что ты собираешься делать со сворой давнов на хвосте?

– Не знаю точно, но что–нибудь придумаю. Я намного выносливее людей, и смогу бежать куда быстрее!

Тании решительно не понравилась идея разделиться. Настолько не понравилась, что от бессилия она сама зарычала, подобно давну.

– Но мы же так потеряемся! А я хотела столько у тебя разузнать! Ты должен мне объяснить, что можно делать с этой книгой! Я... Я без тебя не справлюсь!

Последнее признание далось ей не без труда – Тания вообще не любила просить помощи у посторонних, да и не посторонних тоже. Сейчас, однако, помощь ей действительно была нужна. К ней, простой деревенской девушке, попала магическая серебристая книга из полумифических эпох Старого мира, однако о возможностях её Тания ничего не знала, да и пользоваться ими не умела.

А ещё Тании хотелось узнать больше о Старом мире. Больше, чем она слышала из витиеватых сказочных легенд. Она подозревала, что и Линкею одному в её мире придётся невесело. Он успел рассказать о себе только то, что жил в Старом мире десять тысячелетий тому назад. Очевидно, что он обладает могучей силой Чтецов, но при всём при том – даже не знает, кто такие эти Чтецы. Пришелец из далёкой древности, ничего не ведающий о Новом мире. Он ведь даже и языка–то местного не знает. Тания могла с ним общаться только благодаря серебристой книге, которая каким–то образом научила её понимать речь Старого мира.

– Послушай, мне всё это тоже ни капли не... – начал Линкей.

Притихшее было лаенье вновь разразилось залившимся хором – совсем уже близко. Порыв ветра донёс до давнов пьянящий запах добычи.

Линкей резко развернулся на звук, а его синеглазый взор вонзился в густую листву так, словно мог видеть сквозь неё.

– Они уже тут, – сказал он. – А следом какие-то люди. Я найду тебя! Беги и прячься!

Оттолкнув Танию в сторону, он бросился прочь.

– На востоке! – только и успела крикнуть вдогонку Тания. – Отыщи меня обязательно! На восток, в Атрию!

Она так и не поняла, услышал ли он её. Синеглазый великан уже растворился среди деревьев, как из кустов позади вывалилась желтоглазая клыкастая морда. А следом – ещё дюжина таких же. Целая свора.

У Тании душа ушла в пятки – она ведь стояла вся на виду. Даже за деревом спрятаться не успела.

Она машинально вскинула в руке свой обрубок бревна, но от вида оскаленных пастей, истекающих на ходу слюной, вся прежняя воинственность куда-то растворилась. Ноги вросли в землю и словно одеревенели.

Тания боялась давнов. Боялась и ненавидела их с самого детства – когда впервые повстречала одного такого зверя в столице. Отец взял её туда вместе с Йедом, когда сдавал очередной свой оружейный заказ – попутно он собирался показать детям дворцовый квартал. И там, случайно завидев здоровенную тварь на цепи у мимо идущего гвардейца, маленькая Тания взвизгнула от испуга и тут же нырнула за спину отца, вопя благим ором «Он хочет меня съесть!!!» Лоснящаяся чёрным шкура, грива торчком, свирепая клыкастая пасть и немигающие жёлтые глаза – ей показалось, что всё это соткано из самой лютой злобы, какая только бывает на свете.

Но отец тогда лишь снисходительно усмехнулся, увидев её испуг. Да ещё и Йед долго её потом задирает насчёт писклявого голоса, который претит гастрономическим вкусам давнов. И после такого унижения Тания решила, что впредь не будет бояться никого и ничего. Только вот на самих давнов это правило не распространялось. Напротив, весь её страх концентрировался с тех пор именно на них, и поделаться с ним она ничего не могла.

Однако эти давны даже не обратили на неё ни малейшего внимания. Один за другим, они с дружным перелетом промчались мимо остолбеневшей Тании – словно она была для них пустым местом.

Неслышимый и неодолимый зов тянул зверей в чащу. И ничто их больше не интересовало, кроме источника этого зова.

Последний давн скрылся за деревьями, махнув чёрной кисточкой на хвосте, и многоголосье звериной погони быстро утихло. В воздухе внезапно воцарилась оглушительная тишина – только сердце тяжело стучало: «бух–бух».

Тания вдруг осознала: она спасена. План Линкея сработал.

Однако не успела она свыкнуться с этой счастливой мыслью, как послышались новые голоса. Следом за сворой давнов приближалась свора людей, и кто знает, что окажется хуже.

Тания быстро метнулась в ближайшие кусты.

– Дали лиху твои гончие, егерь, – зазвучал запыхавшийся до хрипа солдатский голос. – И как мы, пешие, их теперь догоним?

– Да разве может человек так нестись? – вторил ему другой. – Не иначе за дичью погнались. Но мы-то сюда не поохотиться явились, а разыскать ту девчонку.

– Прошу меня извинить, – отвечал им третий голос, слегка гнусавый, но не менее запыхавшийся. – Всё проходило в суматохе, и меня не поставили в известность о точных целях предприятия. Служитель Маэл лишь повелел: «Наберите свору давнов и обыщите лес». Боевые давны почти все уже отправлены в королевское войско, а эти – охотничьи. Вполне нормально, если они погнались за дичью. Их на дичь и натаскивали.

– А почему нам не дали лошадей? – продолжал задыхаться солдат. – Вначале от самой столицы пёхом до той проклятой деревни, а теперь ещё по лесам и горам забеги устраиваем!

– Ты сам всё прекрасно знаешь, – отвечал ему третий голос, грубоватый и явно привыкший отдавать команды. – Война на носу. Король–регент формирует войска для подавления атрийского мятежа. Все ресурсы и снабжение уходят туда, а столичный гарнизон обескровлен. Даже знай я заранее, что нам тут предстоит за местной девчонкой гоняться – у нас сейчас и людей не хватает, а не то что коней.

Тания догадалась, что обсуждают её. Но кому и зачем она так сильно понадобилась, что на её поиски выслали целый отряд солдат со сворой давнов?

К досаде, из–за плотной листвы она так и не смогла никого толком разглядеть. Раздираемая страхом и любопытством, она была бы рада оторваться от собственного предательского тела, оставив его позади, за кустами.

И едва её постигла такая мысль, как случилось нечто необъяснимое. На глазах у Тании листва вдруг посерела и поблёлкла. От веток и деревьев остались лишь смазанные контуры, словно выписанные небрежным художником на замызганном холсте. Внезапно весь мир вокруг преобразился, сделался каким–то ненастоящим, будто завял и высох.

А сквозь марево мутной реальности ей засияли яркие огни.

Тания вытаращила изумлённые глаза и поняла: это сияние – люди. Те самые люди, которых она хотела разглядеть. Вернее не они сами, а что–то внутри них словно бы светилось, мерцая небывалыми красками. И каждый – по–своему. Каждый – как драгоценный камень под солнечными лучами. Вон егерь светится, словно лиловый аметист, а мечник, что брюзжал насчёт коней, подобен сизому топазу, а тот...

– Сэр Тарбис! – выкрикнул подоспевший солдат с турмалиновым багрово–бирюзовым сиянием. – Там за деревьями человек прячется!

Предводитель – с рубиновым пламенем в груди – резко обернулся.

Сердце Тании ушло в пятки. От испуга странное наваждение вмиг как ветром сдуло, а мир вокруг вновь стал обычным, даже обыденным.

На неё в упор глядело суровое лицо командира отряда.

Очарованная явившимся ей видением, она и сама не заметила, как выступила из своего укрытия.

Глава 2

«Ты лжёшь, Чтец, кровный служитель Богини!»

Тания со всех ног неслась по лесу, преследуемая не только отрядом сэра Тарбиса, но и собственной горькой досадой. Как так вышло, что она высунулась напоказ? Ведь из укрытия её предательски выманил тот самый неведомый дух серебряистой книги, который только недавно поклялся верно служить ей.

«Зачем было посылать мне чудные видения?» – подумала Тания на бегу. – «Без предупреждения, как нарочно!»

Поначалу Тании казалось, что ей не составит труда уйти от нескольких не особо поворотливых мужчин, облачённых к тому же в тяжёлую амуницию. Но вскоре оказалось, что это не так просто. Солдаты столичного гарнизона были выносливыми бойцами, закалёнными в каждодневных тренировках. Подгоняемые короткими приказами сэра Тарбиса, они, казалось, вовсе не отставали.

Внезапно перед Танией возникло нечто такое, из-за чего последняя надежда ушла в небытие. Едва успев затормозить, она чудом удержалась на краю широкого оврага, на дне которого грохотал бурный горный поток.

Поток этот находился в самом сердце местного леса, питая его влагой. Беря начало высоко в горах, речка текла в сторону столицы, по пути поглощая все мелкие ручьи, что также стекали с гор.

Так или иначе, но путь к спасению был отрезан. Овраг не перепрыгнуть, а сигать в бурлящую воду – и вовсе безумие. Потерять сознание, стукнувшись головой о булыжник на каменистом дне, – верная гибель.

Даже и не подумав сдаваться, Тания рванула вдоль края оврага.

– Правый фланг, отрезай ей путь! Бери в кольцо! – донеслись команды капитана Тарбиса.

И вот уже Тания стояла на краю оврага, окружённая полукругом усталых тяжело дышащих солдат. Она машинально вскинула в руке то единственное оружие, что у неё имелось – ветку-дубинку, которой раньше собиралась защищаться от давнов.

В ответ солдаты повыхватывали из ножен свои клинки.

– Спокойно, девочка, – заговорил командующий. – Надеюсь, ты не думаешь, что с куском дерева сумеешь одолеть дюжину вооружённых парней?

Он дал знак солдатам опустить оружие.

– Давай-ка лучше не будем всё усложнять. Ты не преступница пока что и нам не враг. Нам не велено причинять тебе вред, но это только если ты сама нас не спровоцируешь.

– Чего вам от меня надо? – процедила Тания.

– Нам? Лично нам совершенно ничего, пожалуй. Посланник Синода приказал тебя разыскать, потому что кроме того мальчика ты единственная, кто выжил в деревне...

– Выжил?... – прошептала Тания. – Где Йед? Что с моим братом?!

Командир отряда замешкался – он и сам толком не знал, что с Йедом случилось после того, как видел того в последний раз – ещё у сожженной деревни.

Он так и не успел ответить ничего внятного, как из-за его спины вдруг раздался приятный уху вкрадчивый голос.

– Вот где вы все! Наконец я вас нашёл, сэр Тарбис! Признаюсь, даже мой конь за вами не попевал!

Позади капитана показалась высокая фигура ездока в плаще с капюшоном. Когда странный всадник спешил, Тания увидела, что ростом он не уступает Линкею.

Сомнений быть не могло: перед ней стоял Чтец. И на этот раз – самый настоящий.

– Так–так, поистине филигранная работа! – восхищённо произнёс великан. – Обещаю, капитан, что по возвращении в столицу вас ждёт заслуженная награда!

Он снял капюшон и посмотрел на окружённую беглянку глазами, полными чистой небесной синевы.

– Моё имя Маэл, – сказал он. – Я кровный служитель Богини, о чем ты наверняка уже догадалась, а также я Посланник Синода при королевском троне Кейла. А ты, верно, Тания? Как приятно наконец тебя встретить!

– Ты Чтец? – бросила Тания без малейшего уважения. – Откуда ты знаешь моё имя?

– Не нужно нас так бояться, девочка. – дружелюбно запел Маэл. – Мы совсем не желаем тебе зла. Так жаль, что наше знакомство происходит при столь удручающих обстоятельствах! Я бы и сам предпочёл более дружелюбную обстановку без всех этих гонок и прочих неудобств... Но ты носишь при себе вещицу, которая тебе не принадлежит.

Маэл указал на серебряную книгу у Тании на поясе.

– Эта книга, – продолжил он, – очень опасна. На самом деле она и не книга вовсе. Её следует уничтожить, ибо она принадлежит Старому миру, и никогда не должна была попасть в Новый мир. Если этого не сделать, то рано или поздно она разбудит Чёрное Чудовище из древних веков. Ты погибнешь сама, а заодно погубишь и многих.

Тания продолжала смотреть в синеглазое лицо Маэла, даже не покосившись на книгу. Это лицо не внушало ей ни малейшего доверия, а елейный тон и вовсе вызвал у неё рвотное отвращение.

– Откуда ты знаешь моё имя? – повторила вопрос Тания. – В деревне все умерли от чумы. Кто сказал его тебе?

Лицо Маэла изобразило выражение монашеского терпения, как у матери, которая разъяряет нашкодившему ребёнку причину его наказания.

– Мне рассказал о тебе твой брат Йед. Он просил передать тебе, Тания, что приносит извинения за вчерашнее недостойное поведение и очень хочет увидеться с тобой вновь.

Услышав новости о брате, Тания начала колебаться. Может, зря она так поспешно посчитала этих людей за врагов?

– И где же он сейчас? – спросила она с подозрением. – Почему он не с вами?

– Твой брат уже давно в столице, Тания. И тебе следует вернуться к нему как можно скорее. Ведь он твоя семья. А это порождение чёрных эпох, – Чтец снова указал на книгу, – не принесёт тебе ни счастья, ни удачи. Просто отдай её мне, и на сём наш нелепый конфликт будет исчерпан. Мы с капитаном Тарбисом проводим тебя в столицу к твоему брату. Путешествовать тут в одиночку опасно – на тракте, говорят, видели разбойников!

Тания дерзко глядела в синие глаза Маэла, словно сама хотела проникнуть в его мысли. Словно это она здесь обладала даром Чтеца, а не синеглазый служитель Шашины.

– Ты лжёшь, Чтец, кровный служитель Богини! Ты держишь меня за наивную деревенскую дурочку, которую легко обмануть, но ты ошибся. Я знаю своего брата лучше, чем саму себя. Без меня он никогда не ушёл бы в город по своей воле. А если бы и ушёл, то не остался бы там, а пошёл бы разыскивать меня вместе с вами. Но что самое главное – никогда, никому и ни за что на свете он не позволил бы травить меня сворой давнов, аки лесную дичь! Только не с давнами! Отвечай, Чтец, что ты сделал с Йедом?

Тут Маэл не вытерпел. Маска благодушия слетела с его лица, подобно сухому листу, что срывает с ветки порывом ветра.

– Нахальная девочка! Ты забыла, что говоришь со служителем Святой Владычицы! Твой брат всего лишь обрёл душевный покой, которого ему так не доставало. Я бы предпочёл провести всё мирно, но раз ты этого не хочешь, то придётся действовать иначе...

Чтец угрожающе поднял руку, а Тании в этот миг показалось, будто глаза его залучились, как две синих звезды.

– Не бойся, девочка, теперь ты просто уснёшь, – произнёс Маэл голосом словно из другого мира.

В голове странно загудело. Ноги стали словно ватные. Её, кажется, пошатнуло, а лес вокруг начал двоиться и плыть, словно ненастоящий.

– Даже не думай противиться, – гудел голос Маэла словно издалека, – ибо мой разум сильнее человеческих желаний.

С Танией пытались проделать тот же трюк усыпления, что Линкей недавно проделал с давном. И хуже всего, она никак не могла этому помешать. Само её сознание отказывалось слушаться. Она словно бы повалилась в пропасть, где зацепиться просто не за что.

В беспомощном отчаянии, собрав остаток сил, она попыталась вновь призвать то недавнее видение, где все люди представились ей подобными сияющим самоцветам. Она не знала, чем это смогло бы ей помочь, просто это единственная магическая способность, которую она до сих пор сумела призвать. Ведь против магии Чтецов заведомо не сработает ничего, кроме другой магии.

На этот раз всё случилось иначе. Видений с поплёкшим миром больше не появилось – вместо них у Тании вновь возникло неуютное чувство присутствия кого-то за спиной, незримой тени, которая словно дышит ей в затылок. Однако теперь эта тень не просто дышала. Тании показалось, что та словно бы вошла в её тело – или, скорее, она сама спряталась в собственную тень, позволив ей окутать себя с ног до головы.

И в тот же миг сознание её прояснилось. Синие глаза Маэла уже не светились звёздами – похоже, то была лишь иллюзия. Теперь вместо звёздного света в них сквозило недоумение и тревога.

Однако в следующий миг случилось нечто такое, от чего Тания вся остолбенела.

– Боевые условия, – услышала она собственный голос. – Щит искажён. Зеркало... Отражение. Маска.

Мало того, что исходил голос из ниоткуда, словно упал с самих небес, так ещё и не чей-то там голос, а её собственный. Притом, что сама она и рта не раскрыла. Голос сам собой прозвучал у неё в голове, словно где-то там возникла ещё одна Тания – уже вторая. Как если бы её образ в зеркале вдруг ожил и начал с ней разговаривать.

От такого поворота Тания перепугалась до жути. Первая её мысль была – она сходит с ума, наверное из-за чтецовских трюков Маэла.

Но тут лес огласил сокрушительный вопль. Без всякой видимой причины Посланник Синода осел, бухнулся на колени, а синие глаза выпучились, как у рыбы.

Он выглядел так, словно приложился лицом к наковальне. Солдаты недоуменно переводили взгляд то на него, то на Танию.

Только теперь она догадалась: её собственным голосом с ней говорил никто иной, как неведомый дух из серебристой книги. Его слов про зеркало и прочее она толком не поняла, но ясно, что он создал для неё некую защиту от дара Чтеца.

– Наконец хоть какая польза, – прошептала она, победно глядя на поверженного ею служителя Маэла.

Изумлённый капитан Тарбис подбежал к Чтецу и рискнул взять его за плечо, чтобы удержать от падения.

– Служитель Маэл?! Что случилось, ваша милость?

– Ведьма! – простонал Чтец. – Убейте ведьму! Её книга на поясе... проклятая... Отберите книгу! Это... это её ведьмовской фамильяр!

Тревожно переглянувшись, солдаты подняли оружие наизготовку и стали угрожающе обступать Танию, постепенно сжимая полукруг. Атаковать в лоб они пока побаивались, так как не знали, что она ещё выкинет при опасности.

Однако выкинуть ей было нечего – она просто не знала, что может выставить против стальных клинков. Ей оставалось только пятиться, пока нога не ощутила позади пустоту. Тания обернулась – внизу бурлил прежний горный поток.

Загнанная в угол, она с воплем бросилась на одного из солдат, замахнувшись дубинкой ему по шлему – но тот с лёгкостью парировал удар.

Выпускать Танию из окружения никто не собирался.

И тогда в голове у неё вновь раздался её же собственный голос. Голос мистического духа из Старого мира.

– Их слишком много, – сообщил он. – Нужно отступить. Нужно прыгать!

Тания с опаской глянула вниз. Бурная вода бесновалась между раскиданными там и сям валунами.

– Причин для страха нет, – вновь заговорил Фамильяр. – В воде нет давнов. Всё прочее нам не страшно.

– Эй, что ты там заду... – услышала она тревожный голос капитана Тарбиса.

Он запнулся на полуслове, потому что у Тании в глазах сверкнула пугающая решительность.

– Не дури! Тебе не сбежать! Лучше просто отдай книгу!

– «Не сбежать?» – ядовито передразнила Тания. – Ну так поймай меня, рубиновый капитан!

И мысленно распрощавшись с миром живых, она упала за край обрыва – на глазах у оторопевших солдат.

Сэр Тарбис стремглав бросился к оврагу.

Но внизу он увидел лишь как пенятся мутные воды. Тании нигде не было.

* * *

Солнце, пробивающееся через кроны деревьев, клонилося к вечеру. Неподалёку мирно храпел человек – королевский егерь, судя по форменной одежде. В траве чуть поодаль в обществе десятка давнов сидел полуобнажённый великан, сплошь покрытый изогнутыми синестальными полосами. Давны игриво катались спиной по траве, ластились к нему, блаженно урчали и мурлыкали. Один сидел у него на коленях, скуля от удовольствия. Линкей легонько трепал и почёсывал его стоячую гриву, от чего тот приходил в восторг. От избытка чувств давн даже лизнул его по всему лицу, от подбородка до самого виска.

– Да разве это ты у нас злой и свирепый хищник, малыш? – смущённо рассмеялся Линкей. – Это люди здесь дикие, как звери. Хорошо, что я вас увёл подальше, а то не поздоровилось бы тебе от Тании... Говоришь, егерь вчера палкой побил? Ах, ну он и собака!

Давн согласно тьякнул.

– Нет, нельзя мне тебя с собой взять, малыш. И остаться с вами не могу. Мне нужно на восток. Одна она без меня пропадёт.

Глава 3

«Как в мире Старом, так и в Новом неведомый рок понуждает его вернуться к ненавистному назначению.»

По каменистой дороге, среди измождённых летним жаром деревьев, катился большой деревянный фургон, запряжённый упряжкой лошадей. Раскрашенный в яркие цвета и броские рисунки, он с первого взгляда привлекал внимание любого встречного. Со стен фургона пустыми прорезями смотрели актёрские маски, странноватый фокусник – весь в чёрном, даже гадалка с картами. В центре композиции находился худощавый молодой человек в непритязательных одеждах с болезненно-точёными чертами лица. В одной руке он держал дорожный посох, а в другой – увесистый фолиант. Над ним красовалась изогнутая дугой надпись:

«БРОДЯЧИЙ ФИЛОСОФ»

Без сомнения, то был один из бродячих театров, что колесили по странам Междуморья от одного города к другому, развлекая народ то там, то сям, но нигде не останавливаясь слишком надолго. И как раз один из таких фургонов волею судеб пересекал тот самый лес у Закатных гор, в котором Тания и Линкей недавно спасались от гончих давнов.

Неизвестно, как и зачем фургон оказался здесь, на глухой окраине королевства, но сейчас он ехал в сторону Королевского тракта, чтобы затем свернуть в более обжитые края.

Так бы и ехал он дальше куда ехал, если б на его пути не возникло препятствие. Поперёк дороги лежало поваленное дерево, переехать которое нельзя.

– Вилки–развилки! – раздосадованно воскликнул седовласый человек, сидящий на месте возникшего.

– Отчего встали? – выкрикнул кто-то из фургона.

– Да дерево на дорогу упало, – ответил тот, – придётся расчищать. Парни, выходим! Помощь нужна!

С заднего торца открылась дверь, и из фургона друг за другом вышли люди: двое мужчин, двое женщин, а последней – совсем юная девушка. Один из мужчин резко выделялся – явно чужестранец. Не особенного роста, но крепкого на вид телосложения. Чёрные волосы собраны позади толстым пучком, который при любом движении свободно раскачивался. Впрочем, больше его выделяла не внешность как таковая, а вечное сердито–недовольное выражение, не сходившее с лица.

Женщина в возрасте по-хозяйски оглядела препятствие оценивающим взглядом.

– Ничего страшного, – молвила она. – Прошу, господа, уберите его с дороги!

Она, похоже, являлась в этой компании старшей.

Трое мужчин стали подлаживаться к лежащему через дорогу дереву.

– На счёт три! – скомандовал чернокопый. – Взяли! И ещё!

Кряхтя и ухая, с третьей или четвёртой попытки, они таки струнули дерево с места.

Между тем, из лесу раздалось вдруг зловещее уханье. Возившиеся с деревом мужчины и не заметили бы этого уханья, если б не его нарочитая нелепость.

Филин? Днём?

В следующее мгновение на дорогу с обеих сторон выпрыгнули трое вооружённых человек.

Тот, что был среднего роста, держал в руке внушительную боевую секиру.

– Гоп–стоп! – прохрипел он с недоброй ухмылкой.

– Было ваше – станет нашим! – поддержал его приземистый человек с коротким клинком за поясом.

– Мы вас грабим! – подытожил здоровяк с дубиной.

Голос последнего выражал настолько радостное самодовольство, как если бы он хватался чем-то, что достойно немалой награды.

Им в ответ раздалась звучная серия совершенно не понятных, но весьма колоритных слов. Это черноволосый чужестранец разразился ругательствами – на каком-то своём заморском наречии.

– Пчёлки-перепёлки! – сокрушённо вздохнул старый возничий фургона.

– А огорчаться не надо, – ухмыльнулся тот разбойник, что был с кинжалом. – Нас, наоборот, благодарить нужно. Каждый, кому Богиня даровала больше других, должен поделиться с теми, кому повезло меньше. Ведь истинный смысл любого дара небес – испытать грешную душу и дать ей шанс очиститься. Лишь тот, кто жертвует ближнему, достоин вечного спасения! Ну а мы... мы – просто орудие в руках Богини. Мы понудим вас к милосердию и состраданию, а значит сделаем чище не только ваши карманы, но и души. Да будет на то воля Шамины!

– Да будет на то воля Шамины! – хором откликнулись двое его подельников.

– Как раз проповедей нам не хватало, – процедил черноволосый. – От разбойников в особенности.

– Кто их только научил подобной ереси... – вздохнула предводительница актёрской компании.

* * *

Линкей шёл по лесу, обдумывая своё положение. Тании он так и не сумел найти – ни там, где они разделились, ни в округе. В безлюдном лесу он нашёл только бурную горную речку неподалёку. Попытавшись осторожно исследовать округу при помощи своего дара, он с трудом почувствовал какую-то группу людей, уже сильно вдалеке. Но Тании среди них точно не было – её пылкую, словно совсем нагую, душу было бы легко узнать. Скорее всего, их преследователи возвращались восвояси. Значит, либо Тания от них оторвалась и ушла уже далеко, либо она при помощи книги уже научилась маскироваться, и тогда он не сможет найти её своим даром.

«На восток, в Атрию!» Её последние слова. Похоже, ему остаётся только идти туда. Тания рассказывала ему про каких-то мятежников на востоке страны, к которым она хотела присоединиться.

Однако дело усложнялось рядом обстоятельств. Во-первых, он не знает местного языка. Он не сможет никому задать даже самого глупого вопроса, вроде: «А как тут у вас проехать в повстанческий лагерь?». Во-вторых, он совсем не знаком с порядками и обычаями этого нового мира. Любому встречному будет ясно, что он, мягко говоря, не совсем человек. Неизвестно, как местные люди отнесутся к кому-то вроде него. Да они быть может немедленно убьют его за одно то, что он разгуливает здесь в полуголом виде!

Да, пожалуй это сейчас наиболее неотложная проблема. Нужно достать хоть что-то, чтобы не выглядеть дикарём. А затем – добыть еды, поскольку голод уже давал о себе знать. Но как и где? Не грабить же ему незадачливых путников?

Едва он успел так подумать, как за деревьями показалась дорога. Там виднелся цветастый фургон и какие-то люди, между которыми определённо что-то происходило. Линкей осторожно подошёл поближе, прячась за деревьями, и стал наблюдать.

– Ты мне одно скажи, Коротыш, – прохрипел бандит с секирой, – зачем было филином ухать? Всем же ясно, что днём филинов не бывает!

– Так если бы я кукушку изобразил, вы с Щекотуном разве поняли бы, что это я, а не кукушка? – разочарованно ответил толстый гигант с дубиной.

– Дурак ты, и башка неотёсанная! Какой я велел сигнал подать? Тайный! Это значит, что клиенты, – он указал секирой на напуганных актёров, – узнать его не должны! А ты своим филином средь бела дня нас наоборот заранее выдал!

– Прости, Топор... – понурился Коротыш. – В следующий исправлюсь. Кукушкой так кукушкой...

– А вы не скучайте, господа клиенты, – прервал спор Щекотун, обратившись к сохраняющим молчание актёрам, – мы вам поскучать не дадим.

Он уже вынул свой кинжал из-за пояса и вальяжно подбрасывал его в руке, оглядывая «клиентов». Наконец взгляд его остановился на молодой девушке. Линкей в своём укрытии подумал, что возрастом она не старше Тании.

Разбойник бесцеремонно привлёк перепуганную девушку к себе, завертев своим кинжалом у самого её лица. Вечно недовольный актёр с пучком чёрных волос сделал угрожающий шаг вперёд.

– А ну выкладывайте из повозки все ценности, какие есть, а не то девчонка узнает, почему меня прозвали Щекотуном! – скомандовал разбойник. – А ты, кахарин, лучше бы не высывался! – добавил он, ткнув кинжалом в сторону черноволосого.

– Я никакой не кахарин, дубина ты стоеросовая, – процедил тот. – Ты даже не представляешь, с кем связался.

Линкей не знал их языка и не понял ни слова. Но увиденного было более чем достаточно. Смысл происходящего был бы ясен любому без объяснений – разбойное ограбление на большой дороге.

Этот новый мир оказался ничуть не лучше его родного. Сколько бы тысяч лет ни прошло, а люди всегда будут друг друга убивать, грабить и насиловать. Спасать одну девушку от своры давнов, другую – от лесных разбойников... Что же будет дальше? Как в мире Старом, так и в Новом неведомый рок понуждает его вернуться к ненавистному назначению.

Он – не человек. Он – оружие. Так пускай же эти бандиты познают на себе его мощь!

Линкей выступил на дорогу, и громко крикнул грабителю с кинжалом:

– Эй ты! Оставь её в покое!

И тут же спохватился: ведь его языка никто теперь, скорее всего, не знает.

– А это что ещё за каланча раскрашенная? – захрипел Топор. – Клоун ваш, что ли?

Последний его вопрос был обращён к актёрам, которые сами недоуменно разглядывали диковинного вторженца.

Ни на кого не обращая внимания, Линкей решительными шагами надвигался на разбойника, который всё удерживал девушку. Но тут путь ему преградил главарь шайки с секирой.

– Захотел побоище устроить, уродец?! – зло прохрипел он. – Ну давай, начинай! Попробуй моего топора!

И он с яростью замахнулся на Линкея.

Однако удара так и не последовало. Разбойник застыл в позе дровосека, рубящего дерево. По его бешено вращающимся глазам можно было понять, что сознания он не лишился. И тем не менее, руки и ноги не слушались его.

– Что... Это ты со мной сделал? – пролепетал Топор заплетающимся языком. – Ты колдун, что ли?

Линкей не смог бы ему ответить, даже если бы хотел. Он не знал языка. Потому он просто продолжил неумолимо шагать в сторону второго разбойника. Тот, надо сказать, уже отпустил девушку и раздумывал, отражать ли ему нападение, или бежать прочь.

– Эй, а ну отпусти Топора! – заревел разбойник-гигант.

Коротыш бросился с дубиной наперевес. Ростом он был как сам Линкей, а в ширину и того больше.

Но добежать он не успел. Без всякой видимой причины здоровяк вдруг упал к ногам Линкея словно замертво, а дубина покатила в сторону.

Удовлетворённо хмыкнув, Линкей повернулся было обратно – к тому месту, где только что стоял Щекотун. Но там никого уже не оказалось.

В тот же миг он вдруг ощутил острую боль и холод стали в боку.

Схватившись за окровавленную рану, Линкей развернулся с рёвом обозлённого зверя. В этот миг ему люто захотелось убить ухмыляющегося подлеца. Но – он не мог. Он не мог лишать людей жизни.

Впрочем, Щекотун более не горел желанием продолжать драку. Неясно, чего он испугался больше: исписанного синими полосами гиганта, или собственной наглости, но он предпочёл удрать в лес, лихо перемахнув через заросли кустов на обочине.

Линкей не стал его преследовать.

Он облегчённо повернулся к актёрам, которых только что спас от лесных бандитов. Линкей чувствовал гордость за сделанное доброе дело. Он всегда без тени корысти помогал всякому, кто нуждался в его помощи.

– Опасность миновала, – начал он, – разбойники...

Договорить он не успел. Сзади кто-то крепко огрел его по голове дубиной Коротыша. Мир поплыл и провалился во мрак.

Последним, что Линкей успел услышать, были слова на непонятном ему языке:

– Габашки–тормашки! Это ж всамделишный Чтец!

Глава 4

«Никогда в жизни Тания не слышала такого голоса»

Тания очнулась на берегу реки. Чувствовала она себя скверно: нахлебалась воды, на зубах скрипел песок, а по всему телу болели ушибы.

Она не помнила, что точно произошло. Точнее, не поняла. Как только она упала с обрыва, дневной свет погас, словно всё затянуло густой чернотой. Тогда она решила, что это смерть – а что же иначе?

Теперь она, кажется, стала понимать: та чернота являла собой нечто вроде кокона, который смягчил падение. Потом удары пошли один за другим: горный поток потащил её кокон по камням. И после очередного такого столкновения она видимо и потеряла сознание.

Придя в себя, Тания осмотрелась. Здесь река текла куда спокойней, а берега были пологими. По сторонам росли деревья, но лесом их уже не назвать. Похоже, что течение отнесло её весьма далеко – быть может где-то рядом уже столица.

А поблизости от столицы проходит Королевский тракт и другие дороги. Для начала надо найти какую-то из них.

Дело, правда, осложнялось тем, что на холмистую долину уже спускался вечер. Скоро станет совсем темно, а Тании не хотелось провести ещё одну ночь непонятно где и на пустой желудок.

Столица и вправду оказалась недалёко. Найти её было легко: тёмная громада проступала промеж холмов. А после этого и на Королевский тракт оказалось совсем уж несложно выйти.

И вот Тания уже плелась по тракту усталая и измученная, а ночь вступала в свои права. Темнело быстро: даже дорогу стало едва видно. Впрочем, вскоре над горизонтом должны взойти обе луны...

Вдруг откуда-то из темноты раздалась кукушечная трель. Тания вспомнила, что по деревенскому поверью услышать кукушку ночью – хорошая примета. Будто бы услышавшему повежёт в любви.

Да разве Тании сейчас до любви? Ей ещё нужно выяснить, что случилось с Йедом... А затем ей нужно отомстить... За гибель родителей, за всю родную деревню... Найти виновного и покарать...

Стоп. Кукушка? Ночью?

Мозг молнией пронзили недавние слова Посланника Маэла: «На тракте видели разбойников».

Измощённое и избитое тело отозвалось резкой болью, когда она стремглав рванулась вперёд.

Однако было поздно. Чья-то ручища подхватила её за шиворот, оторвала от земли и подняла в воздух.

– Давайте сюда, парни! – позвал здоровяк. – Я тут какого-то мальчишку поймал!

Неподалёку зажёгся огонь.

– Ты дурак, Коротыш, – прохрипел разбойник, поднеся факел к лицу Тании. – Чего с него взять? Поди просто посыльный какой-то, иль слуга.

Тания была готова благодарить хоть самую Шамину за то, что сейчас на ней надето старое дорожное платье Йеда, из которого он давно вырос. Она оделась так ещё вчера, когда они вместе с братом собирались покинуть мёртвую деревню. Теперь же эти разбойники вряд ли разберут в полумраке, что она никакой не мальчишка. Её спутанные грязные волосы теперь вполне сойдут за патлы неряшливого слуги.

– Погоди, Топор. – раздался третий голос. – Раз он на тракте так поздно, значит по какому-то важному делу. А ну-ка, мальчуган, – ухмыльнулся он Тании, – рассказывай, кто и зачем тебя послал. Наверняка и деньги у тебя при себе есть, иначе ночью в столице тебе делать нечего! Если так, то ты должен поделиться с нами всем тем, что Богиня тебе послала, ибо любой её дар – не награда, а испытание. Только жертвуя ближнему, душа человеческая освобождается от греха! А мы... Мы тебе в этом с радостью поможем!

Все трое громко загоготали.

Банальный дорожный грабёж внезапно приобрёл оттенок бредовости. При чём тут Шамина, грехи, и человеческие души, если им надо просто поживиться чужим? Но в то же время Тании казалось, что что-то очень похожее она уже слышала когда-то давно...

Так или иначе, у неё язык зачесался навесить этим громилам лапши весом по пуду на каждое ухо. Она едва уж не заговорила, как вспомнила: её девичий голос вовсе не похож на юношеский. Голосом она себя тут же выдаст, и тогда всё станет только хуже.

Она судорожно соображала, что же теперь делать, и единственное, что ей успело прийти в голову за эти секунды – изобразить немоту.

Один из разбойников уже начинал злиться её молчанию.

– Отвечай, а не то узнаешь, почему меня прозвали Щекотуном!

На таких словах он завертел своим кинжалом у лица висящей в воздухе Тании.

Однако тут ручища Коротыша ослабила хватку и опустилась, так что Тания снова оказалась ногами на земле.

– Смотрите! – сказал здоровяк. – Это же девочка!

Танию мигом прошиб холодный пот.

Но Топор и Щекотун куда-то отвернулись – сказанные слова относились вовсе не к ней.

На ночной дороге невесть откуда взялась девушка с факелом, на вид несколько старше Тании. Только в отличие от Тании, с мужчиной её никак не перепутать. На ней тоже было платье на манер мужского, но скроенное намного изящнее и явно под её стройную фигуру. Пожалуй, это было не просто платье, а некое дорожно-военное обмундирование, обшитое защитными кожаными пластинами. В довершение всего, незнакомка была вооружена двумя мечами, которые торчали рукоятями у неё из-за спины.

– Баба! – в удивлении воскликнул Щекотун. – Это же баба! С оружием!

– Ты ещё кто такая? – прохрипел Топор. – А ну мотай отсюда, не задерживайся! Здесь тебя ничего не касается!

Обескураженный увиденным, он опасался странной ночной воительницы. Ведь бессмысленных вооружённых стычек с кем бы то ни было они тоже не искали.

– Реанна Мона Мней, – прозвучал ровный голос. – Вы трое разбойники?

Никогда в жизни Тания не слышала такого голоса. Он казалось не выражал ничего. Ни злости, ни задора, ни насмешки, ни даже простого любопытства. Не слышалось в них и подобия страха, грусти или обречённости. Девушка проговорила свои несколько слов спокойно и бесстрастно. Пожалуй, даже равнодушия в её голосе не было. Тании подумалось, что он словно бы пуст изнутри.

Ни по голосу, ни даже по выражению лица нельзя было понять, что она сейчас чувствовала. Страх ли? Самоуверенность? Или может она вообще думала присоединиться к шайке в качестве разбойницы? Она просто сообщила буквальный ответ на заданный Щекотуном вопрос: «кто такая?» и в свою очередь задала свой. Не больше и не меньше.

И в то же время, этот голос показался Тании приятным, даже мелодичным. Она сразу же почувствовала, что незнакомка ей не враг. Словно бы в ней таится что-то неуловимо родное.

– Кто мы такие и чем здесь заняты – не твоё бабское дело, – с угрозой заговорил Щекотун. – Проваливай давай, пока цела! Не надейся, что те игрушечные сабельки за спиной тебе помогут!

Но та даже не пошевелилась. Она словно застыла, о чем-то раздумывая.

Затем вытащила из-за спины одну из своих «сабелек» и указала ею в сторону Тании.

– Отпустите её и уходите с тракта. Иначе можете погибнуть.

Голос её оставался прежним: ровным, спокойным, без всяких эмоций. Как если бы она просто предупредила, что скоро тут пойдёт дождь, и под ним можно промокнуть.

Банда вся разом оглянулась на Танию.

– Как? И эта тоже баба? – снова удивился Щекотун. – Ну и денёк у нас сегодня!

«Вот же дурёха, ну зачем меня-то раскрыла!» – с досадой подумала Тания.

Её первое благоприятное впечатление о незнакомке оказалось подпорчено.

– Ты видать какая-то дурочка, раз слов не понимаешь, – недобро ухмыльнулся Топор, оборачиваясь обратно к незнакомке. – А ну-ка, Коротыш, сцапай её!

Сам он тоже потянулся к своей секире за поясом, готовясь к драке.

Явление загадочной ночной воительницы настолько удивило горе-разбойников, что на Танию уже не обращали никакого внимания, и игнорировать такую возможность она не могла. Стоило им всем дружно отвернуться, как Тания нырнула в темноту – но не для того, чтобы просто сбежать. Она и не подумала, что странную незнакомку можно здесь бросить. Ведь та так бесстрашно за неё вступилась! И пусть ночная воительница вооружена и видимо не чужда рукопашному бою, но вряд ли одна выстоит против троих здоровых бандитов.

Тем временем, Коротыш с дубиной наперевес двинулся вперёд, набирая скорость всей своей тушей и угрожающе рыча.

Однако когда он уже поравнялся к ней почти вплотную, готовясь выбить меч из её руки, та вдруг совершила молниеносное движение. Она ловко увернулась от дубины, одновременно подставив здоровяку подножку. Споткнувшись, тот согнулся в три погибели, а чтобы не упасть ничком – опёрся дубиной о землю.

В тот же миг незнакомка метнулась прыжком вверх, и рукоять её меча опустилась Коротышу на затылок.

Послышался сдавленный «ухх», и бессознательная туша тяжело бухнулась на дорогу. Раскрыв рот, обомлевшая Тания восхищённо глядела из темноты на незнакомку и на поверженного разбойника у её ног.

– Да что же это за проклятый день-то такой! – захрипел Топор. – Чтобы ещё какая-то баба мне командовала!

Он с рёвом ринулся к девушке, которая словно дразнила его невозмутимым видом.

Несясь, как разъярённый бык, Топор не обращал внимания ни на что вокруг. Всё его внимание занимала только дерзкая воительница впереди.

И тут Тания поняла что это её момент истины.

Выскочив из ночного мрака, она бросилась к дубинке Коротыша, подхватила её и нанесла удар мчащемуся мимо разбойнику, стараясь во всем подражать незнакомке с мечами.

Противный звук удара дубины по разбойничьему черепу показался Тании самым сладким звуком на свете.

Топор же издал глухой стон и повалился наземь подле Коротыша.

Щекотун после такого поворота долго не раздумывал. Оказавшись в меньшинстве, он бросил факел наземь и просто удрал в ночь. Из темноты донеслись лишь проклятия в адрес минувшего дня, «проклятущих баб», а также каких-то «скоморохов».

Когда ругань его затихла где-то вдалеке, едва воцарившуюся тишину разрезал острый лязг металла – воительница вернула меч в ножны за спиной.

– Ха-ха! – выкрикнула Тания беглецу вслед. – Где всё твоё щекотунство, Щекотун?!

Она бы ещё долго глумилась над его трусливым побегом, но за спиной вдруг раздался ровный мелодичный голос, похожий на звон волшебных ночных колокольчиков.

– Ты можешь идти.

Несмотря на приятное уху звучание, голос странной воительницы казался каким-то ненастоящим. Ведь словам «ты можешь идти», как и любым другим, можно придавать разную интонацию. Одной и той же фразой можно как проводить закадычного друга, так и прогнать незваного гостя. Примириться с бывшим врагом – или нажить себе нового. Более того, живые люди просто не способны не вкладывать в свою речь вообще никакой окраски, даже если захотят.

Однако бесстрастный голос незнакомки не таил в себе ровным счётом ничего: ни явного дружелюбия, ни неприязни.

Обронив свою скупую фразу, она развернулась и молча направилась обратно – в ночную тьму, из которой появилась.

Опешившая Тания осталась стоять одна посреди дороги.

Глава 5

«И вот уж тысячу лет, волей благословенного Халара, королю Великой страны Кейл служит его верная гвардия!»

– Нет, Маэл... ничего нет... Ничего похожего на то, о чем ты мне рассказывал.

Слова принадлежали Заэлии, целительнице на службе у Богини.

Служительница Заэлия стояла позади Йеда, возложив руки там, где плечи переходили в шею. От рук колдуньи расходилось приятное тепло и покаявание. Краем зрения Йед видел, как по его коже распространяется странная сеть синевато–стального оттенка, словно некая магическая субстанция подкрашивает кровь в жилах. Без сомнений, целительница Заэлия управляла ей по собственному желанию, как обычный человек властен управлять рукой или ногой. Пульсируя, как живая, синяя эссенция переползала с одного места на другое, словно прошупывая Йеда изнутри. Хотя всё это происходило совершенно безболезненно, Йеду становилось немного не по себе от той мысли, что в его теле хозяйничает кто–то другой. Он даже дыхание затаил – вдруг от неосторожного движения странная сущность причинит ему вред?

Завершив наконец свою работу, Заэлия каким–то образом вытянула синеватую сеть из–под кожи. Она отняла руки, и Йед, потирая шею, с облегчением набрал воздух полной грудью. Удивительно, но после прикосновения целительницы на коже не осталось ни ран, ни шрамов.

Служительница Заэлия огласила свой вердикт.

– Он совершенно здоров, о Верховный Посланник. Его кровь чиста. Боюсь, мне больше нечего тебе сказать.

Находясь в сане Посланника Синода уже под три столетия, Маэл не мог не выработать в себе немалую осторожность и тщательность. Потому он и привёл к Йеду целительницу, чтобы та наверняка подтвердила, что тот не заражён чумой.

Когда целительница и Чтец встали рядом, трудно было не подметить их явное сходство. Оба высокого роста, раза в полтора выше, чем большинство людей. На вид примерно одного возраста – хотя все бессмертные служители Богини всегда выглядели как мужчины и женщины среднего возраста. Никто ни разу не видывал Чтеца–ребёнка или Чтеца–старика, хотя реальная жизнь служителей Шаминаы могла измеряться и сотнями лет, и тысячами. Поговаривали, что старейшие из Синода воочию видели Старый мир.

Различие между Заэлией и Маэлом наблюдалось лишь в двух вещах. Во–первых, целительница обладала вполне роскошными чёрными волосами, не в пример лысому черепу Чтеца. Во–вторых, глаза её были не синими, а ярко–серебряными. Временами они так отражали окружающий свет, что словно бы сами вспыхивали светом, подобно двум лунам на ночном небе. Нечеловеческий среброокий взгляд делал целительницу Заэлию похожей на диковинную ведьму из благородного колдовского рода.

Из–за закрытой одежды непросто было обнаружить на коже Заэлии такие же сине–стальные полосы, как у Маэла, но внимательный человек мог их заметить на ладонях целительницы. Йеду невольно подумалось: а что, если эти полосы и есть та самая жутковатая субстанция, что только что хозяйничала внутри него? Уж больно они схожи.

– Благодарю тебя, о Приорина, – ответил Маэл. – Я надеялся услышать именно это. Не смею более задерживать тебя в сём неприятном месте.

Приорина Заэлия приложила обе руки к груди, изобразив ими крест – он, возможно, символизировал четырехлучевую звезду Шаминаы.

– Да не угаснут звёзды! – поклонилась она Маэлу.

– Да не угаснут звёзды! – эхом повторил тот прощание, также скрестив руки и поклонившись в ответ.

Целительница направилась к выходу тюремного коридора, сопровождаемая охраной. В одной камере с Йедом остался лишь Посланник Синода.

Йед пребывал здесь с самого утра и надо признать, что ему это место было столь же неприятно, как и Заэлии. Хоть Маэл и говорил, что Йед здесь не заключённый, но на практике разницы обнаружилось не так уж много. Тем более, спалось ему тут совсем плохо: помимо тех странных насмехающихся голосов, во сне его мучил жуткий кошмар. Ему снилось, будто он убегает от неведомого чёрного чудища по диковинному подземелью, где все стены усеяны сверкающими самоцветами. И что вместе с ним от чудовища спасалась неизвестная девушка. Он проснулся весь в холодном поту – точно перед тем, как сюда заявились Маэл с Заэлией.

Так или иначе, Йед всей душой надеялся, что уж теперь–то его из этой тюрьмы отпустят.

Но Маэл почему–то застыл неподвижно и молчал, напряжённо уставившись в ничем не примечательную точку на стене. Ко всему прочему, он выглядел весьма неважно, как будто попал сегодня в изрядную переделку.

– Служитель Маэл... – наконец решился нарушить тишину Йед. – Разрешите ли мне теперь покинуть это место? Раз даже служительница Заэлия подтвердила...

Чтец мигом очнулся.

– Конечно. Сестра Заэлия никогда не ошибается в таких вещах. Чума столице не грозит. Следуй же теперь за мной.

Сопровождаемые всё прежним карликом–смотрителем, они прошли по коридору к выходу.

На улице смеркалось. Было довольно безлюдно: мрачной тюремной башни, вделанной в городскую стену, жители избегали.

Когда ворота башни закрылись на запор, Маэл заговорил.

– Что же... Много времени у меня нет, потому скажу прямо: мне совсем не хотелось бы, чтобы Йед Велунд, сын кузнеца, пополнил низменное общество городских бродяг, попрошайек, мелких воришек и просто бандитов, которых ты уже имел возможность лицезреть там.

Маэл махнул рукой назад.

– Ты достоин куда лучшей судьбы, – продолжал он. – И мне хорошо известно, что до ужасной трагедии в деревне ты собирался поступать на службу в королевскую гвардию. Что же, я полностью поддерживаю столь похвальное стремление сердца. Ведь только в королевской гвардии юноши становятся настоящими мужчинами, достойными защитниками не только короля, но также и своей страны и своего народа!

– Именно! – радостно воскликнул Йед, так что даже спохватился своей чрезмерной горячности. – То есть... Мой отец тоже считал в точности так! Он всегда говорил: «Человек должен быть настоящим!»

Отец частенько брал Йеда в столицу, когда ездил туда по своим кузнечным делам. И Йед до сих пор хорошо помнил самую первую из этих поездок. Отец получил тогда свой первый заказ от гвардейской оружейной. Это было весьма почётно, потому что значило, что даже при королевском дворе его кузнечное мастерство оценили высоко. В тот раз он и решил взять с собой Йеда, тогда ещё малого мальчугана, дабы показать ему большой мир столицы.

В тот день в дворцовом квартале Йед впервые увидел королевских гвардейцев. Все как на подбор, в латах с позолочёнными узорами, с королевским гербом на груди, они спешили куда–то по своим гвардейским делам, дисциплинированно удерживая строгий строй. На их благородно–суровых лицах читалось мужество и преданность делу.

Возможно, воображение Йеда со временем приукрасило эту картину. Но так или иначе, именно впечатления детства подчас определяют судьбу человека. С той самой поездки его сердце навсегда загорелось желанием стать таким же, как эти воины в доспехах.

Пока Йед тонул в нахлынувших воспоминаниях, Маэл всё продолжал свой монолог.

– Мудрые законы Шашины требуют, чтобы достойные представители даже самых низких сословий имели шанс подняться на достойное место. Неважно какой, но в каждой стране Междуморья такой способ должен быть. И вот уж тысячу лет, волей благословенного Халара, королю Великой страны Кейл служит его верная гвардия! Из трёх сотен человек её состава небольшое число мест ежегодно освобождается. Любой житель королевства, не уличённый в преступлениях, вправе претендовать на место в гвардии, пройдя для этого ряд испытаний. Никому не делается предпочтений: ни по знатности, ни по богатству, ни даже по былым заслугам перед короной, если речь идёт об отпрыске знатного рода. В королевской гвардии, если ты действительно её достоин, твоё происхождение не имеет никакого значения. И моя обязанность как Посланника Синода – следить за строгим соблюдением этого священного закона.

– Но ваша милость, – осмелился возразить Йед, – ведь служба в королевской гвардии даёт немало привилегий. Разве таким образом на службу не будут стремиться самые низменные люди? Мошенники, скрывающие преступное прошлое, безнадежные должники, или просто карьеристы? А то и вовсе шпионы или убийцы, подсланные врагами?

– Ты умён не по возрасту, я погляжу! Конечно, всё возможно. И это как раз моя забота. Ибо знать потаённое – первейшая из задач Посланника Синода.

На этих словах Маэл многозначительно коснулся своего виска двумя пальцами.

– Вы... Вы лично проверяете каждого из них? При помощи своей силы? Также, как и меня тогда в деревне? Просматриваете всю их память?

Чтец снисходительно рассмеялся.

– Нет–нет, конечно же не всю... Даже у тебя я тогда извлёк лишь малую часть воспоминаний – всего о нескольких минувших днях. А возмись я просматривать всю жизнь человека от и до – это то же, что самому её прожить. Такое было бы слишком утомительно, да и долго до несурзости. Я–то бессмертен и время у меня всегда есть, а вот у гвардии его нет. На самом деле память как таковая здесь и не особо–то нужна. Мне достаточно лишь заглянуть в душу человека своим даром, чтобы распознать основные идеи и ценности, на каких строится вся его личность... И даже увидеть всё то, что управляет ею изнутри, из самого подсознания. Видишь ли, человеческие пороки подобны изъянам внутри драгоценного камня... Я вижу их все, подобно ювелиру. Допустим, кандидат ещё даже и не задумал предательства, но к преданности не склонён – тогда я это обязательно узнаю. Моему взору доступно все.

Бездонно–синие глаза взглянули на Йеда так, что у того мурашки по спине пробежали. Взгляд Чтеца будто прошёл его насквозь.

– При должном тщании, конечно, – уточнил Маэл, поднимая глаза к темнеющим небесам. – Как и работа ювелира–оценщика, даже столь упрощённая проверка требует немалой концентрации, а после десятка кандидатов я, признаюсь, бываю крайне истощён... Но что касается тебя, сын кузнеца, то мою оценку ты уже проходил. Там, ещё в деревне.

Служитель Маэл замолчал, словно намеренно растягивая паузу. Йед опять ощутил на себе его всевидящий взор.

– И... каков же результат, ваша милость? – спросил он с опаской и надеждой в голосе.

– Ты вполне годишься, – молвил Посланник Синода. – Драгоценный камень твоей души прозрачен и чист в достаточной степени.

Йед облегчённо выдохнул.

– Увы, радоваться тут рано, – осёк его Маэл. – Поступить на службу в королевскую гвардию всё равно почти невозможно. Раз всякий может претендовать на освободившиеся места, а мест таких всегда очень мало, то и отбор всегда крайне жёсткий. И дело тут даже не в самих испытаниях... Допустим, ты парень крепкий и пройдёшь их все. Но из года в год повторяется одна проблема: кандидатов после отбора всё равно оказывается больше, чем надо. И все они безупречны. Поэтому в конце им приходится тянуть жребий.

– Жребий... – прошептал Йед. – Это будет сложнее всего...

– Верно мыслишь, – кивнул Маэл. – Всё потому, что в таком испытании от тебя ничего не зависит. Ни от твоей воли, ни от физических качеств, ни от усердия. Можно сказать, что это испытание самой судьбой, а судьба слепа, упряма и неумолима. Однако же... В моей власти тебе помочь.

Йед недоуменно поднял глаза на Маэла.

– Видишь ли, – пояснил тот, – я могу освободить любого кандидата от жеребьёвки. Таково моё право как Посланника Синода при кейлейском троне. Такое правило предусмотрено для того, чтобы слепой жребий не мог отсеивать особо ценных кандидатов. Тех, чей драгоценный камень особенно чист и безупречен... Если ты понял, о чем я.

– Вы хотите сказать, что это всё про меня? – спросил Йед, даже не скрывая скепсиса. – Разве я настолько свободен ото всяких пороков?

– Ннет... – замялся Чтец. – По-хорошему, в твоём случае это не так. Но я полагаю, что с тобой можно сделать небольшое исключение... Вернее, внести поправку. Ведь злая судьба уже заставила тебя страдать... Ты не подаёшь виду, как и положено сыну кузнеца, но я это вижу. Твоя душа открыта мне, как на ладони. Я бы хотел чем-то смягчить твою горечь утраты, даровать спокойствие духа... Однако я не властен повернуть всё вспять. Я не могу ни вернуть мёртвых к жизни, ни возродить деревню из пепла. И всё же, в моих силах избавить тебя от новых превратностей судьбы. Хотя бы в вопросе жеребьёвки – столь небольшом на первый взгляд, но очень коварном.

– Но это же будет нарушение правил! – возмутился Йед. – Разве так можно!

– Ты меня правильно понял? – поднял бровь Маэл. – Тебе придётся проходить все обычные испытания наравне с остальными кандидатами. Никто не даёт тебе поблажек в том, что касается способностей и умений, какими должен обладать каждый королевский гвардеец. Иначе это было бы грубейшим нарушением вековых традиций! Я гарантирую тебе лишь одно: ежели ты докажешь, что достоин службы в гвардии короля, то ты там будешь, невзирая на капризную волю жребия.

– Но это же несправедливо! – замотал головой Йед. – Остальные ведь будут тянуть жребий! А я... я просто отниму чьё-то место! Отец меня не такому учил! Это противоречит всему, что я знаю о гвардейской чести!

Посланник Синода озадаченно нахмурился. Скрестив руки на груди, он оглядел Йеда с ног до головы, словно оценивая.

– Какой ты шепетильный, юноша! А много ли справедливого в том, что проявив лучшие свои качества, достойный претендент лишается заслуженного места в королевской гвардии лишь по воле случайности? Ты ищешь честности там, где её просто не может быть!

Глядя на помрачневшее лицо Чтеца снизу вверх, Йед только теперь спохватился, что говорит неподобающим тоном.

– Нижайше прошу прощения, ваша милость, – исправился он, – но позвольте спросить, по какой на самом деле причине мне оказана такая честь?

Но Посланник Синода нахмурился только пуше.

– «На самом деле?» – грозно переспросил он. – Ты смеешь подозревать меня во лжи?

– Нет! – спохватился Йед. – Ни в коем случае! Я признателен... Безмерно признателен за всю доброту ко мне. Но это... это точно единственная причина?

Маэл взглянул на Йеда с подозрением. Вопрос юноши застал его врасплох: тот явно о чем-то догадывался. Его недоверие нужно немедленно усыпить.

В таких случаях Посланник Синода предпочитал льстить собеседнику и говорить полуправду. Не будет большого вреда, если сыну кузнеца поведать о собственных скудных домыслах. Главное не проговориться о злополучной сестре, всю память о которой Маэл сам стёр из головы Йеда.

– Ну что ж... Ты и вправду совсем не глуп. И это хорошо, ибо глупость отнюдь не приветствуется в гвардии короля. Тогда я поделюсь кое-какими соображениями насчёт тебя.

Маэл отвернулся и поднял синие глаза к почерневшему небу. Там, в вышине, ярко блистала жёлтая звезда – Око Шамины.

– Уверен ли ты, юноша, что ты и правда тот, кем всегда себя считал? Уверен ли ты, что те люди, которых ты всю жизнь считал своей семьёй, действительно твои родные отец и мать? Ведомо ли тебе, кто ты?

– Они всегда относились ко мне как к родному... Что вы имеете в виду, ваша милость? Что я приёмный? Но я всегда жил с ними... Не помню ничего другого.

– Не помнишь, это правда. Но у меня есть серьёзные причины для сомнений.

– Потому что я один не заболел каменной чумой? – догадался Йед.

– В том числе. Простые смертные не могут ей сопротивляться. Однако ты обычный смертный. Потому твоё происхождение – загадка... И мне нужно время, чтобы её разгадать. Но что бы всё это ни значило, для тебя же лучше, если ты поступишь на службу к королю-регенту Рамису, а не угодишь в воровскую шайку или ещё куда похуже.

На некоторое время воцарилась тишина. Маэл замолчал, а Йед пытался осмыслить им сказанное. Новость о том, что он, возможно, приёмный, особенно его не трогала. Ну какое это имеет значение теперь, когда он всё равно уже сирота? Его сейчас больше заботило подозрительное предложение Маэла. Йед силился понять, стоило ли принимать его.

– Не считайте меня неблагодарным, – заговорил он наконец, – но я откажусь от вашей помощи насчёт жребия.

Посланник Синода озабоченно поглядел на упрямого юношу.

– Как это понимать? – нахмурился он. – Ты передумал поступать на службу в королевскую гвардию?

– О нет, ваша милость. Королевская гвардия всегда была и остаётся моей мечтой.

– Тогда в чем же проблема? Ты хочешь отдать свою судьбу на волю случая? Чего ради?

– Простите мне мою грубость, но то, что вы предлагаете – это в какой-то степени обман. А обман не совместим со службой там, куда я стремлюсь попасть. Если я соглашусь на обман, то значит мне нечего делать в королевской гвардии. И лучше я найду другой способ туда попасть, даже если жребий будет против.

– И как же ты намерен этого добиться, юноша?

– Пока не знаю. Но способ найдётся, я уверен. Честный и справедливый!

Маэл хмуро поглядел на упрямого юнца.

– Чтож, может ты и прав насчёт обмана. Воля твоя – я не стану вмешиваться. Тогда... Тогда поторопись, сын кузнеца, ибо сегодня последний день, пока желающие поступить на службу в гвардию короля могут заявить о себе. В список претендентов нужно записаться до полуночи. Когда пробьёт колокол у врат дворцового квартала – будет уже поздно. А я должен отбыть – другие дела тоже не ждут.

Посланник Синода направился к привязанному неподалёку коню. С неба уже светили две полных луны – таких же круглых и ярких, как и прошлой ночью. В лунном свете синеватые полосы на лысой голове Чтеца мерцали мистическим снежно-серебристым блеском.

– Странно... – пробормотал он себе под нос, залезая в седло. – Если он приёмный, то почему... Или она тоже? Конечно, как же иначе...

– О чем вы там шепчете? – осторожно спросил Йед. – Я не...

– А, ничего особенного, – встрепенулся Маэл, словно стряхивая с себя тенёты дум. – Просто ты похож на свою... на своего отца, юноша! Несмотря на то, что он тебе лишь приёмный отец.

– Отца? – удивился Йед. – Да разве вы его знали, ваша милость?

– О нет, не знал. Но ваш староста много о нем рассказывал... По дороге в деревню.

Слукавив так, Маэл скрылся по крутой столичной улочке, не желая более распространяться на тему знакомства с родней Йеда.

* * *

– Так что же ты помнишь, егерь? – спросил Маэл человека в зелёной униформе.

– Только то, что я бежал по лесу за своей сворой, – важно загнусавил тот. – Давны определённо взяли чей–то след. И вдруг я обнаружил, что мы оказались на самом краю леса, где–то у гор. А погоня, смотрю, будто бы прекратилась. Давны плотно обступили кого–то всей сворой. «Зверя загнали!» – решил я. И на радостях рванул вперёд – со всей мочи! Но едва достиг опушки, как вмиг сознание потерял... Наверное, с разбегу на ветку дерева налетел. А как очнулся – лежал на прежнем месте в окружении своих давнов, которые пытались меня разбудить.

Маэл презрительно хмыкнул.

– И после такого ты называешь себя егерем, да ещё королевским? А давны твои оказались вовсе бесполезны! Девчонку они даже не заметили, а нашёл, догнал и окружил её наш доблестный сэр Тарбис со своим отрядом! Кстати, сэр Тарбис... – Маэл повернулся к капитану городского гарнизона. – Хоть наглая девчонка и сбежала, но полагаю в том нет вашей вины. Она овладела оружием Титанов, с которым её так просто не взять... А вас, капитан, давно пора наградить за долгие годы безупречной службы. В былые дни покойный отец ваш Тарбис Бесстрашный достойно командовал гвардией старого короля Алариса. Ныне же, при молодом короле–регенте, было бы правильным назначить на ту же должность Тарбиса Малого... Только вот незадача: гвардией теперь командует ваш друг сэр Гаррис, к которому тоже нет нареканий. Не прогонять же его, в самом деле? Потому мы решили поступить иначе. После небольшой беседы златородный Рамис согласился, что с завтрашнего дня вас следует ввести на вакантное место в Совете Стратегов. Указ уже подписан. Мои поздравления, королевский стратег Тарбис!

Неожиданная новость явно изумила капитана, но замешкался он всего на миг.

– Рад служить короне! – гаркнул он, вытянувшись по струнке и прижав кулак к груди.

– Ваша милость, – вдруг раздался гнусавый голос. – Дозвольте возразить...

– Что ты сказал? – удивлённо повернулся Маэл. – Ты, простой егерь, смеешь возражать против повышения доблестного сэра Тарбиса?

– Нет, ваша милость... Я о своих гончих давнах. Вы сказали, что они оказались бесполезны, но я осмелюсь возразить! Они вовсе не бесполезны! Мои давны поймали лису!

В доказательство егерь поднял шкуру убитого зверя, которую всё это время держал в руке.

– Сэр Тарбис, умоляю, спасите меня от этого дурня, – в сердцах воскликнул Маэл.

Егеря вывели из кельи, оставив слугителя Шамины в одиночестве.

Маэл продолжал так и сидеть в кресле, угрюмо глядя на захлопнувшуюся дверь. Он всё гадал, почему сейчас так устал и измотан? Ведь организм Чтеца крепок и вынослив – не в пример тщедушным людским тельцам.

И всё же, Маэл чувствовал себя подобно насекомому, которого вдруг раздавило грудой камней. Каждый булыжник – это проблема, что свалилась на него всего за минувший год... Когда в последний раз он был также измотан, как теперь?

Да, подобное уже было. Тогда тоже вспыхнуло восстание и началась война... Всего пятнадцать лет назад, при старом короле Аларисе. Впрочем, в те времена Аларис вовсе не был ни стар, ни немощен. И был он тогда не просто очередным правителем, к которому Синод приставил своего Посланника. Король Аларис – единственный из людей, кого Маэл признал своим другом. И пускай дружба их затем охладела, но как всё–таки жаль, что старика постигла в итоге столь злая судьба... Он обречён ждать конца, пребывая во мраке безумия...

– Как же краток людской век!... – прошептал Маэл сам себе.

В свои три сотни лет служитель Маэл считался ещё весьма молодым среди бессмертных собратьев. Но несмотря на зелёный возраст, он уже начал осознавать всю трагичность этого извечного проклятья людей – брэнности. И во многом – как раз из-за Алариса.

Посланник Синода выдохнул тяжело и протяжно, словно желая вместе с воздухом исторгнуть из себя тоску о былых днях.

Однако в настоящем он не нашёл облегчения. Тут тоже чего только не творится! Вот Йед и Тания. Что, собственно, такого в этих детях деревенского кузнеца? Ну пережили они чуму, и что?... И в самой страшной эпидемии бывают уцелевшие...

Нет, всё не так просто. Десять тысяч лет назад та же самая чума уничтожила Старый мир. Она почти что выжгла людской род под корень. И если это она, то двое выживших на сотню селян... Нет, это слишком много. Эти двое особенные.

И девчонка всё-таки сбежала... Как ни сложны прочие проблемы, а эта самая гадкая! Как Тания вообще сумела открыть ту дверь в давно забытое подземелье? Это невозможно! Запор до сих пор исправен, и он срабатывает только от дара Чтеца. По крайней мере, в Новом мире такие двери могут открывать лишь служители Шашины... И как назло, эта деревенская девчонка успела завладеть тем артефактом... Явно боевое оружие, и оно до сих пор исправно. Что теперь с ней делать? Сколько дел она сумеет натворить, обладая оружием Титанов, да ещё таким непокорным характером впридачу?

Нет, нельзя просто оставить всё как есть. Девчонку надо вернуть во что бы то ни стало. Нужно изучить этих двоих... Исследовать... Кто они и что ещё могут?

Вдруг Маэл вскочил с места, словно укушенный.

Он вспомнил. Он догадался.

– Нужно сообщить в Синод! – пробормотал он вслух. – Нужно спросить совета...

Не теряя времени, Маэл запер дверь изнутри. Затем подошёл старому гобелену и рывком сдвинул в сторону. В стене обнажилась неглубокая прямоугольная впадина – размером как раз по его росту.

Сбоку серебром заблестела прямоугольная пластина, в точности как та – в подземелье у Поющих пещер. Служитель Маэл провёл мимо неё рукой, даже не касаясь, и пластина засияла бледным светом.

И в тот же миг впадину в стене затянуло бездонной чернотой.

Маэл немного помедлил, заворожённо любуясь беспроглядным мраком. Затем двинулся вперёд и решительно вошёл в него – прямо внутрь. Чернота безропотно приняла его в свои объятия, едва заволновавшись. Сомкнувшись за Посланником Синода, искрящаяся рябь совершила ещё несколько пробежек туда-сюда по чёрному фону, покуда не затухла.

В келье никого больше не было

Глава 6

«Что же прячется по ту сторону твоего сердца, Реанна?»

Тания обескураженно смотрела вслед странной воительнице, что удалялась в ночную тьму.

Явившись невесть откуда, эта незнакомка вызывала у ней восхищение. Столь слабая на вид, но с какой ловкостью она сумела свалить того бугая! Этот эпизод так и продолжал сам собой прокручиваться перед глазами вновь и вновь. Тания не переставала удивляться точности и расчётливости её движений. Как она научилась так искусно сражаться? Тания поначалу решила, что незнакомке надо помочь, но в действительности никакой помощи не требовалось. Диковинная воительница справилась бы со всеми тремя разбойниками и в одиночку.

Тания ощущала в ней что-то родное – то, чем всегда хотела стать. Только ей всю жизнь приходилось прятать это желание в потаённых глубинах своей души. Прятать даже от самой себя, словно бы она всю жизнь носила незримые оковы. Но теперь оковы вдруг пали, а за дверью темницы ей открылся целый новый мир, величественный и необъятный. Так глухой, обретя вдруг способность слышать, понимает, что мир совсем не таков, каким он представлял его себе.

В то же время, в глубине души Тания опасалась странной незнакомки. Почему она ведёт себя так... не по-человечески? На первый взгляд это можно назвать хладнокровием, самообладанием или выдержкой. Но в действительности все эти слова не подходили: здесь скрывалось нечто совсем иное. Словно бы эта ночная воительница – вообще не человек. Или... не настоящий человек?

Да, именно так. Она ведёт себя, как ненастоящая.

Однако же, та по собственной воле решила вмешаться и помочь Тании, хотя от Тании ей вряд ли есть какая польза. Выходит ею двигали некие благородные мотивы? Значит, под её равнодушным бесстрашием всё же что-то кроется. Но что же?

Пора было уже решать, что делать: незнакомка почти растворилась в ночи. Догнать её или отпустить?

Отбросив раздумья в сторону, Тания погналась ей вслед.

– Постой! погоди! Нельзя же уходить вот так! Скажи мне, кто ты такая?

Девушка с мечами за спиной остановилась, обернувшись вполоборота.

Тания невольно отметила холодную красоту её изящно-худого лица. Лицо это, как и прежде, не выражало ни любопытства, ни недовольства, ни хотя бы удивления. Вообще ничего.

– Реанна Мона Мней, – произнесла она своим ровным голосом, к которому Тания даже стала понемногу привыкать.

То же самое имя она назвала разбойникам, когда они задали такой же вопрос. Очевидно, эта Реанна обладала склонностью к буквальному пониманию человеческой речи. Нельзя сказать, что её ответ совсем не имел смысла, но для Тании он был довольно бесполезен. Вопрос-то подразумевался совсем не тот. Как если бы заблудившемуся путнику на вопрос «Где я нахожусь?», дали ответ: «На спине у лошади».

– Да я помню, имя ты уже говорила... – обескураженно пробормотала Тания, гадая про себя, с чего это они перешли на величание по фамилиям. – А я Тания... Тания Велунд, дочь кузнеца!

Она по-мужски протянула руку, попытавшись при этом изобразить и на лице, и в голосе максимум дружелюбия. Но Реанна не ответила на приветствие. Даже не шевельнулась. Лишь продолжала выжидающе смотреть.

Тания отставать не собиралась.

– Слушай, Реанна, – продолжила она, опуская руку, – я от всей души благодарна тебе за то, что ты спасла меня от тех громил.

Она вполоборота махнула рукой куда-то назад.

– Но теперь я у тебя в долгу и должна чем-то отплатить. Только... только у меня всё равно ничего нет. Но зато я могу с тобой подружиться! Это будет здорово, даже не сомневайся! Откуда у тебя такое оружие?

Таня указала на мечи за спиной Реанны.

– Ты свободна и можешь идти. – прозвучал ровный голос. – Ты ничего мне не должна. Это все, что тебе нужно знать.

– Но как же! – запротестовала Таня, – Ты появилась из ниоткуда, спасла меня, а теперь просто скрываешься? Зачем же ты вмешалась, если тебе ничего здесь не нужно? Так не бывает! Каждый чего-то хочет!

Вопрос неожиданно поставил воительницу в тупик. Впервые на её лице обрисовалось какое-то выражение. Нет, ни единой эмоции там так и не появилось. Реанна просто задумалась, и от этого мышцы на её лице едва заметно напряглись.

– Почему я спасла тебя от разбойников? – повторила она вопрос. – Думаю, потому что это правильно... Нужно делать то, что правильно...

Видимо решив, что на этом их разговор окончен, воительница отвернулась обратно и снова направилась в темноту.

Но не тут-то было. Таня уже не собиралась просто так её отпускать.

– Ну погоди же! – кинулась она вслед. – Я хотела столько расспросить... Как ты научилась так здорово сражаться? Научи меня так же! Ты так легко завалила троих здоровенных разбойников!

– Только одного, – поправила Реанна. – Они не были серьёзными противниками. Им мешали желания...

Восторженная похвала Тани не нашла в этом голосе никакого отклика: ни гордости, ни смущения.

– Мне пора, – добавила ночная воительница, снова отворачиваясь в темноту. – Тебе нельзя дальше. Прощай.

– Нет, постой! – вскрикнула Таня, судорожно придумывая, как её переубедить. – Погоди! У меня к тебе есть ещё одна просьба! Если... Если ты не против.

Реанна выжидательно обернулась.

– Я ничего не ела со вчерашнего утра. Не найдётся ли у тебя хоть корки хлеба?

Воительница задумалась, а лицо её вновь окрасилось едва уловимым недоумением. Видимо такое выражение на нем появлялось каждый раз, когда она думала. Каждый раз, когда она решала, как ей следует поступить «правильно».

Наконец, вся недоуменность с её лица исчезла. Она приняла решение.

– Иди за мной, – раздался голос, подобный манящему звону ночных колокольчиков.

Внутри Таня вся засияла от счастья. Она, кажется, сумела нащупать язык, понятный новоиспечённой знакомой. Та стремилась помогать тем, кто нуждается в помощи. Воительница считала это правильным.

* * *

Трое мужчин, что грелись у костра, разом встрепенулись и замерли, повернув головы к фигурам, проступившим из темноты. Всего минуту назад Таня слышала издали весёлую дружескую болтовню, шутки и смех – но при её появлении все смолкли, как по приказу. По тревожным взглядам Тани даже показалось на миг, что её испугались.

Но всего лишь на миг.

– Ты смотри–ка, Живан, на этот раз Реанна вернулась с подружкой! – шутливо воскликнул один из мужчин.

Его непринуждённо–приветливый тон моментально рассеял всякое замешательство.

Двое других весело рассмеялись шутке, и натянутую атмосферу словно ветром сдуло.

– И с какой красавицей! – ответил тот, которого назвали Живаном. – Только одетой почему–то в это мужицкое старьё.

Только теперь Тания догадалась: они тоже сначала приняли её за мужчину. Вот почему своим появлением она вызвала такую тревогу. Не мудрено встревожиться, если среди ночи к тебе является кудлатый незнакомец столь истрёпанного вида.

– «Одета в мужицкое старьё»! – передразнил третий. – Это так у вас теперь принято с дивчинами разговаривать?

Все трое громко рассмеялись.

– Ну что же, – молвил Живан. – Милости просим. Реанну у нас много говорить не заставишь, потому и мучить её незачем. Рассказывай тогда сама, кто такая и какими судьбами. Кстати, не голодна? Присаживайся к огню. Поделится и накормим, чем Богиня послала.

– Сегодня я за неё! – откликнулся его компаньон. – И я вам баранину послал!

– Да ты её у того крестьянина купил! Разве так боги еду добывают?

Все трое снова рассмеялись. Невольно улыбнулась и Тания. Только Реанна оставалась совершенно серьёзной.

Танию атмосфера приветливого дружелюбия быстро захватывала. А природная интуиция подсказывала ей, что эти люди вряд ли причинят ей зло. Уж Реанна точно не находилась бы одна в компании с людьми, которых стоило опасаться. С теми разбойниками у них точно ничего общего нет. И Тания решила, что нет никакого вреда рассказать, как Реанна от этих самых разбойников её и спасла.

Пока они дружно смеялись над трусостью Щекотуна и его поделщиков, Тания украдкой разглядывала незнакомцев. Все трое сидели у костра в кожаном облачении, похожем на то, что носила Реанна. Неподалёку лежало и боевое вооружение. Похоже, эти люди были кем–то вроде солдат, но в то же время и не совсем.

– А кто вы вообще такие, парни? – рискнула она спросить.

– Да в том секрета нет никакого, – ответил Живан. – Мы ополченцы.

Он в этой компании был кем–то вроде главного.

– Разве не слышала, король–регент Рамис собирает большое войско для похода на восток, чтобы подавлять тамошнее восстание? Вот нас и забрили.

– Да не забривал нас пока что никто, чего ерунду мелешь, – возразил его приятель. – Мы друзья закадычные, вот и идём в войско сами да все вместе, чтоб порознь не разделили. А иначе – может статься – и не увидим друг друга боле.

На последних словах голос его заметно погрустнел.

Про Реанну ополченцы распространяться не стали, сказав только, что у неё – «особое предписание», и что они вообще случайно встретились в пути, да так и решили, что до столицы безопасней идти вместе. Хоть это и прозвучало странновато, Тания не стала про неё расспрашивать. Всем понятно, что ореолом таинственности Реанна окутана не без причины, и если эти люди что–то о ней и знают, то вряд ли скажут так просто.

– Мы из равнинных земель, что отделяют восток от запада, – важно поведал Живан. – Тоже деревенские все. Я вот зверолов, сын зверолова и внук зверолова! Потомственный значит зверолов!

Он ударил себя в грудь так, как если бы признался в происхождении не ниже королевского.

– Выслежу любую дичь и найду дорогу в любой округе! – гордо добавил он.

Краем глаза Тания заметила, как его приятель прикрыл себе глаза нарочито усталым жестом. Возможно, он не считал профессию зверолова достойной такого бахвальства, хоть и решил промолчать.

В отличие от Реанны, эти люди вели себя совершенно нормально. Они были вполне живыми: громко веселились, непринуждённо болтали, поедали остатки баранины. В их компании Тания даже почти позабыла про загадочную воительницу, настолько разительно она выделялась среди них. Может они сказали правду, и она среди них действительно чужая?

Ополченцы начали рассказывать разные истории из своей жизни и просто всяческие байки. И Тания тоже с удовольствием поведала и про свою деревню, и про дивные Поющие пещеры, которые вызвали у ополченцев искреннее любопытство. Только про самое главное она всё же не решилась рассказать: про чуму в деревне, про странный артефакт из Старого мира, и про то, как сам Посланник Синода травил её сворой гончих давнов. Отчасти она просто не хотела вновь вспоминать эти события – совсем не для весёлых посиделок такие истории. Отчасти она опасалась, что всему этому просто не поверят, да ещё сочтут её за сумасшедшую. А ещё Тания не доверяла этим людям до конца. Опасности от них точно не исходило, однако ощущалось что-то неуловимо подозрительное. Вроде бы её и не обманывали ни в чем, но в то же время и не договаривали чего-то важного.

Дело тем временем шло уже ко сну.

– Тания, будь добра, разыщи-ка Реанну, – обратился Живан. – Куда-то она запропастилась, а нам ещё завтрашние планы обсудить нужно.

Действительно, молчаливая воительница просто исчезла – да так тихо, что Тания этого даже не заметила.

– Наверное опять звёзды ловит, – усмехнулся его приятель. – Просто поищи вокруг, далеко уйти не должна.

Тания встала и отошла от костра в ночную тьму. Настоящей темноты, правда, уже не было: две серебряных луны высились над холмистой долиной, озаряя её бледным сиянием. Внимательно осмотревшись, Тания без особого труда разглядела стройный силуэт – на пригорке неподалёку. Реанна застыла в лунном свете, заворожённо любуясь ночными небесами. Затем медленно, словно в трансе, протянула руку куда-то вверх, словно пытаясь дотронуться пальцами до звёздного купола – а быть может даже сорвать одну из висевших там звёзд.

«Что же прячется по ту сторону твоего сердца, Реанна?» – подумала Тания.

Она не решилась оторвать ночную воительницу от её занятия. Однако та словно сама услышала её мысли и обернулась, опустив протянутую к небесам руку.

– Тебя парни позвать просили, – молвила Тания. – На ночлег пора.

Реанна едва заметно кивнула и молча направилась к костру, оставив звёздное небо на попечение Тании.

Глава 7

«Приветствую вас! Я друг вам и никому не причиню вреда.»

– Но он же Чтец! – выкрикнул в сердцах чей-то женский голос.

– Пусть так. Разве мы не давали здесь приют всем тем, кто в нем нуждался, кем бы они ни были? – возразил другой, более зрелый и спокойный.

– Но это же совсем другое! Он – Чтец! Кровный слугитель Шашины! Он один из синих палачей! Он узнает о нас всю подноготную, и что нас тогда ждёт? Тюрьма? Или того хуже?

– погоди-ка, милочка, – заговорила опять старшая, – мы тут пока что ничего запрещённого не сделали и делать не собираемся. Мы простые артисты, а не преступники. А то, что многие из нас Синод недолюбливают, так кто же его в королевстве вообще любит? Кроме того, разве не видишь ты в нем странностей? Разве он похож на обычного Чтеца?

– В том и дело, – заговорил уже мужской голос, мрачный и с акцентом. – Чтецы не гуляют по лесу просто так. Они вообще ничего просто так не делают. Всегда тайную цель имеют. Что он делал посреди глухого леса на дороге? Шпион он. Всё это якобы ограбление с разбойниками – театральное представление, точно как мы перед зрителями разыгрываем. Только теперь зрителями были мы сами!

– Болтай-балалай! – перебил его старик. – Ну ты-то всегда умный человек был, зачем теперь ерунду говоришь? С каких это пор мы стали такие важные птицы, чтобы к нам шпиона засылать, да аж целого Чтеца? И не слишком ли он, как бы это сказать, заметный что ли, для шпиона-то?

– Зря ты смеёшься, – возразил мрачный мужчина. – В стране начинается большая война. Корона и Синод собирают войско против мятежного Востока. Меч и звёзды схлестнутся в битве с белой хризантемой. Кругом беспокойно теперь, а таких как нас власти вообще нигде не любят. Разъезжаем тут по всей стране со своими постановками, разносим всякие слухи и настроения, людские умы тревожим. Нас даже подозревают в том, что мы – тайные приспешники мятежников. Вот за нас и решили всё-таки взяться и прижать к ногтю. Мы перевязали этого Чтеца, так что умереть он не умрёт. Наша совесть чиста. Оставьте его теперь на дороге, и ладно. А иначе погубит он нас всех. Помяните моё слово.

– Вы забываете ещё одно, – отозвалась вновь хозяйка. – Помните, что он и с нами и с разбойниками теми на каком-то странном языке говорить пытался? Значит он даже Равнинного наречия не знает. Так что же это за Чтец такой? Чтецы живут сотни и тысячи лет, и любой из них прекрасно знает все языки, что в ходу между морями. Если это всё было представление для засылки к нам шпиона, то уж больно оно мудрёное. Есть куда более простые способы добиться той же цели. Нет, не такой он, как все прочие Чтецы, господа.

– Ладно, хватит воду в ступе толочь, – заговорила крикливая женщина. – Мы все поняли друг друга. Давайте ещё раз голосовать.

– Голосовали уже, – ответил ей старик. – Поровну было. Кто-то разве переменял мнение? Вот и я о том же. Раз такое дело, хозяйюшка, решение за вами. Что скажете с ним делать?

Все примолкли в ожидании. «Хозяйюшка» заговорила.

– Ладно, господа. Ваши страхи я понимаю. Настоящий он Чтец или нет, но он спас нас от разбойников, сам получив кинжалом в бок. Как мы себя покажем, если просто выкинем его после такого? Как свиньи. Где тогда будет наша благодарность? Пусть хоть поправится у нас до конца. А дальше жизнь покажет.

Мрачный чужестранец вышел наружу, бросив в сердцах что-то звучное и короткое на своём языке, видно ругательство. Он не питал оптимизма по поводу того, что им покажет дальнейшая жизнь.

Молодая женщина приоткрыла занавесь, за которой лежал перевязанный Линкей.

– Эй, смотрите–ка, – воскликнула она, – а он уже очнулся!

Линкей и правда уже давно пришёл в сознание. Он слышал все споры в стенах фургона и не сомневался, что столь бурно обсуждали именно его. Он не мог понять слов говорящих, но чувствовал все их эмоции. Целый спектр человеческих чувств. Самыми яркими оказались тревога, страх и даже вражда. Очевидно, что в этом мире всех подобных ему за что–то не любят. Но Линкей решительно не понимал, чем мог заслужить такое отношение к себе. И лишь затем он ощутил любопытство, сострадание, и наконец благодарность. Кажется, только та юная девушка, которую чуть было не изуродовал разбойник с кинжалом, осталась искренне благодарна Линкею за своё спасение.

Женщина со строгим и серьёзным лицом – вероятно, старшая – присела перед ним. Молча, словно выжидая чего–то. Линкей решил, что надо любым способом дать ей понять, что он не несёт угрозы.

– Приветствую вас! – дружелюбно заговорил Линкей. – Я друг вам и никому не причиню вреда.

Женщина всё также смотрела. Она не понимала его языка, но внимательно слушала.

– И я не держу зла из–за досадного недоразумения... – он потрогал шишку на голове, болезненно поморщившись.

На лицах кого–то из людей позади изобразился испуг. Линкей спохватился, что его могли понять точно наоборот. Но женщина перед ним смотрела как и прежде – спокойно и беспристрастно.

– И я признателен вам за помощь с раной, – закончил он, выразительно потрогав перевязь из чистой ткани на боку, благодарно склонив голову.

Больше Линкей не знал, что сказать.

Актёры в фургоне удивлённо зашептались. Тогда женщина обернулась и произнесла что–то строгое, отчего все замолкли.

Затем она вновь глянула на Линкея и задала какой–то вопрос. Однако в ответ он мог лишь помотать головой и развести руками в знак непонимания. Вопрос повторился настойчивей, но Линкей снова лишь промычал. Женщина оценивающе посмотрела и спросила что–то другое.

На сей раз Линкей услышал в вопросе одно знакомое слово. Самое последнее. Он узнал имя «Шамина». Так Тания назвала ту, чью каменную статую у подножия гор он в ярости снёс одним ударом. Ту, кто давным–давно сожгла мир в безжалостном пламени. Кого теперь здешние люди почитают чуть ли не за богиню!

Это имя громом прогремело в его ушах. Он вскочил с места, едва не стукнувшись головой о какую–то перекладину, стиснул пальцами случайно попавшую ткань покрывала, а лицо его исказилось гневом.

– Шамина! – сверкнули синие глаза, – Шамина враг мне!

Все присутствующие, кроме хозяйки, попятились назад, глядя на Линкея со страхом и недоумением. Хозяйка обеспокоенно оглянулась и произнесла несколько слов, призывая к порядку. Затем повернулась обратно и озабоченно поглядела на Линкея.

– Халида, – произнесла она, приложив руку к груди и смиренно склонив голову.

Во все времена такой жест останется понятен любому. Она назвала своё имя.

– Линкей, – ответил синеглазый гигант, повторив почтительный поклон.

Присутствующие изумлённо зашептались. Их похоже удивило, что Линкей им кланялся.

Худо ли, бедно ли, но его первое знакомство с местными людьми состоялось. В глубине сердца он вдруг ощутил, что уже не совсем чужак. Появилась первая тонкая ниточка, что связала его с этим странным Новым миром.

Только сейчас Линкей наконец вспомнил, что так ничего и не ел с тех самых пор, как проснулся и выбрался из горного подземелья. И от этой мысли его живот немедленно свело судорогой.

– Прошу прощения, гостеприимная хозяйка, не найдётся ли у вас чем мне утолить голод? – спросил он, изобразив выразительный жест руками у рта и живота.

Женщина улыбнулась и кивнула. Затем встала и начала отдавать указания. Все присутствующие друг за дружкой вышли из фургона, озадаченные делом. Только Линкей остался внутри – в одиночестве.

Он слышал сквозь хлипкие стенки, как люди засуетились и загалдели, видимо обустроявая временную стоянку. Спустя время до него донёлся и приятный запах пищи, от которого живот заболел ещё сильнее. Теперь Линкей уже и вовсе не мог думать ни о чем, кроме еды. Всё–таки есть нужно и ему тоже, не только людям.

Наконец в фургон вошла юная девушка – та самая, которую разбойник грозился «пощекотать» кинжалом. В руках она держала плошку, полную вкусно дымящейся похлёбки.

Она выглядела настолько смущённой, что когда протянула Линкею плошку, даже взглянуть на него не решалась. Вместо этого глаза её смотрели куда–то вниз, себе под ноги. Лицо же покраснело, а руки дрожали. Если бы похлёбка в плошке была морем, то его бы сейчас заметно штормило.

Линкей понял, что эту её попытку лучше поскорее прекратить, и поспешно принял плошку из её рук.

– Благодарю тебя, девочка, – приветливо сказал он, слегка склонив голову.

Кланяться ему явно не стоило, потому что девушку затрясло ещё сильнее, а краска на лице сменилась бледностью. Она попыталась изобразить что–то вроде почтительного реверанса в ответ, но от испуга чуть было не споткнулась, отчего перепугалась ещё сильнее. Линкей сам невольно ощущал её страх.

Он видно успел заработать себе образ грозного и важного великана, которому надо угождать. И такая роль ему никак не нравилась. Нужно было разрушить невидимый барьер, возникший между ним и этими людьми.

– Линкей, – произнёс он, приложив руку к груди, точно как тогда с Халидой.

Та удивлённо подняла на него взгляд, но тут же опустила, словно обжегшись.

За этот краткий миг Линкей успел заметить, что глаза у неё удивительного изумрудного цвета.

Он ещё раз повторил своё имя и тот же жест.

– А ты?.. – добавил он, осторожно указывая на собеседницу.

Так и не издав ни звука, девушка сорвалась с места и выбежала из фургона прочь.

Линкей мысленно отругал себя за неуклюжесть. Похоже, он сделал всё только хуже.

Глава 8

«Мы связаны с Ней вечными узами, и лишь в них источник нашей жизни. Только так мы пройдем сквозь тьму грядущего. Только так мы преодолеем судьбу.»

Служитель Маэл шагал под величественной колоннадой Запретной обители.

Смертные зовут это место Священным городом. Для него же здесь родной дом. Для него и для всех его собратьев. Место, откуда Синод правит всем Междуморьем. Правит вот уже сотню столетий – с тех пор, как Старый мир канул в небытие прошлого.

Здесь вовсю уж царила ночь – как и в кейлейской столице, откуда Маэл только что прибыл. Слегка замутнённые ночной дымкой, две полных луны ярко светили с небес. Колоннада, высаженные аккуратными рядами деревья, сады и пруды с мирно спящими экзотическими птицами – всё утопало в мистическом лунном сиянии.

Несмотря на ночь, воздух оставался ещё жарок и отдавал тропической влагой. Откуда-то раздалась одинокая серия протяжных стонов. Последняя цикада словно бы прощалась со спящими обитателями Запретной обители.

– Днём от них спасу не будет, – прошептал Маэл.

Имея ввиду цикад, конечно.

Посланника Синода беспокоили тревожные мысли. Он раздумывал: а правильно ли он поступил, что вот так запросто оставил назначенное ему место службы и явился в Запретную обитель, даже не испросив официальной аудиенции? Как он теперь выставит себя в глазах главы Синода? С одной стороны понятно, что он пришёл не в райских куцах отдохнуть, отлынивая от священного долга. Есть сведения, которые он считает важными и срочными, но что если Таор их таковыми не посчитает? Что, если Посланник Маэл преувеличивает значимость двух детей кузнеца из захолустной деревни?

Вдруг откуда-то со стороны раздался грубый шорох и треск сучьев.

– Маэл? – зазвучал чей-то голос. – Ты ли это? Мой дар меня не обманывает?

Он остановился. Знакомый голос доносился из кустарника, что рос вокруг пруда неподалёку. Владелец голоса оставался скрыт листвой, но Маэлу и не требовалось видеть его глазами. Для этого хватало дара Чтеца.

– Зоан? Ты тоже здесь? Что ты здесь делаешь посреди ночи?

Кряхтя и ругаясь, служитель Зоан наконец продрался сквозь кусты. Перед Маэлом возникла фигура, очень похожая на самого – в таком же бархатном балахоне с четырехконечными звёздами на рукавах, с капюшоном поверх лысой головы.

– В Запретной обители я уж не первый день, – сказал Зоан, деловито отряхиваясь от мусора и листвы. – У меня тут... определённое дело. И я бы с удовольствием рассказал поподробней, но предчувствую – твоя история окажется куда интересней.

– Вполне возможно, – важно отвечал Маэл. – У меня неотложные сведения для Первенствующего. Сведения и... просьба... о мудром совете.

Служитель Зоан поднял руки и снял капюшон, обнажив лысую голову. Как и у Маэла, узор его синеватых полос тут же замерцал в лунном свете волшебными снежными искорками.

Но вот глаза... Они вовсе не были синими, как у прочих Чтецов. Их полностью закрывала чёрная перевязь.

Служитель Зоан был совершенно слеп.

– Первенствующего нет в Запретной обители, – объявил он. – Таор в отъезде.

– Как же я не догадался... – хлопнул Маэл себя по лбу. – Вот же досада!...

– Ну, раз уж ты здесь, – молвил Зоан, протягивая руку, – изволь тогда меня проводить. Я, знаешь ли, всё–таки слеп. Хотя я прекрасно вижу тебя и прочих живых существ при помощи дара, но в отношении дорог и стен всё гораздо хуже. Каждый раз после вечерней прогулки где–нибудь да теряюсь. Ну а взамен я попробую сам дать тебе тот совет, которого ты ищешь у Первенствующего. Ведь я не менее стар... Лышу себе порой, что и не менее мудр.

– Конечно, брат Зоан, – учтиво кивнул Маэл, беря слепа под руку. – Вообще говоря, я даже рад, что повстречал здесь тебя вместо Таора. Ведь Первенствующий, боюсь, и не поверил бы моим словам. Видишь ли... Как бы это сказать... Мне кажется... Я подозреваю, что Подлинные возвращаются!

Служитель Зоан стал, как вкопанный.

– Ась? – переспросил он, подражая тугоухому старику. – Кто возвращается?

– Подлинные... – неуверенно повторил Маэл.

– Я надеюсь, ты не Подлинных из Старого мира имеешь ввиду?

– Именно их!... А о каких ещё Подлинных...

Слова Маэла перебил безудержный хохот. Служитель Зоан смеялся до икоты.

– Давно вымершие Подлинные из Старого мира? – хохотал он. – Ну ты фантазёр! Как здорово, что Первенствующий этого не слышал!...

– Зря ты смеёшься, – посерьёзнул Маэл. – Ты же меня знаешь. Разве я был когда склонён к «фантазиям»? Разве интуиция меня когда–то подводила? Мои догадки всегда оказывались верными. Со временем. Окажется верной и эта.

– Нет, только не эта, – отрезал Зоан, возобновив шаги вдоль колоннады. – Видишь ли, Подлинные не могут «вернуться», потому что они никуда не уходили. Они просто смешались с людьми и исчезли, вот и все дела. Спустя века кровь их оказалась настолько разбавлена, что считай её больше нет.

– Но это совсем не так, и тебе хорошо известно! В твоей же Никкерии есть люди, унаследовавшие от Подлинных некоторые черты... Разве не может быть такого, что за десять тысячелетий эта кровь вновь возродилась в ком–то из людей? Ведь тут простой вопрос случайности. А если что–то может произойти – оно обязательно произойдёт, рано или поздно.

– В таком разе, может произойти и следующее: весь здешний воздух однажды по чистой случайности вдруг соберётся где–нибудь вон в том углу, – махнул Зоан куда–то под могучую колонну. – И мы тогда оба умрём от удушья. Ведь такая возможность тоже существует... Нужно лишь долго ждать, пока она не реализуется путём случайности.

– Ну, эта вероятность совсем уж маленькая... Боюсь, звёзды на небесах погаснут, прежде чем мы дождёмся подобного...

– Именно так! Хотя формально такая вероятность и существует, но она настолько исчезающая, что даже и учитывать её смысла нет. То же самое и с Подлинными. Нужно настолько удачное сочетание случайностей, чтобы вдруг род их сам по себе возродился из мельчайших кусочков... Нет, такого никогда не будет. Скорее воздух сам собой соберётся в одной точке, чем Подлинные вернуться в этот мир.

– Ну пускай... Давай оставим пока вопрос с вероятностями. Просто примем как факт, что такое в принципе возможно. Разве станешь ты отрицать, что тогда всем нам грозит большая опасность? Всему Новому миру! Ведь Подлинные – единственные, кто может противостоять нам, хоть отчасти. И они поведут за собой людей! И Чёрное чудовище возродится вновь... И Новый мир рухнет, как рухнул Старый мир... На этот раз – навсегда!

– Так... – остановился Зоан. – Хорошо. Давай, выкладывай мне всё, с самого начала. С чего ты вообще вспомнил про этих Шаминой забытых Подлинных?

И Маэл начал рассказывать. Он поведал Зоану о чуме в деревне, о Йеде и Тании, об открытой ими двери в древнее подземелье.

Служитель Зоан внимал не перебивая. Лишь изредка задавал уточняющие вопросы. Когда же Маэл закончил рассказ, воцарилась мёртвая тишина. Только сверчки стрекотали из темноты. Ночью они заступали на дневную вахту цикад.

Зоан раздумывал.

– Не знаю точно, кто такие эти твои дети кузнеца, – молвил он наконец, – но они точно не те, кем ты их посчитал. Они не Подлинные.

– Но почему же?

– Ты не видел ни одного Подлинного, потому что слишком молод. Я же помню ещё Старый мир... Уверяю, ты без всякого труда узнал бы Подлинного, явись он пред тобой. У них слишком броская внешность. Даже если эти Йед и Тания и обладают некими скрытыми способностями, в чем ты их подозреваешь, они никакие не Подлинные. Своей вычурной теорией ты только запутал сам себя. Потому давай с этой секунды спустимся с небес на землю и забудем про Подлинных. Идея красивая, но они тут ни при чём. Это раз.

– Ну хорошо, – промычал Маэл. – У тебя есть идеи получше?

– Поскольку наверняка мы мало что знаем, давай рассуждать снова с точки зрения вероятностей. Твой вывод, что эти двое особенные, основан всего на двух вещах: они пережили некую чуму из подземелья, похожую на чуму Старого мира, и они же, предположительно, сумели открыть запор на двери Старого мира. А теперь главный вопрос! Что более вероятно: что эти двое и правда обладают некой тайной загадочной силой, или что твои предположения изначально были ошибочны?

– Это какие ещё предположения? – нахмурился Маэл.

– А такие. Во-первых, с чего ты взял, что эпидемия в деревне – действительно та самая великая чума Старого мира? Признаю что похожа, да, но этого же нельзя знать наверняка! Кроме того, даже если это именно та чума древности, за десять тысяч лет в подземелье она могла ослабеть, измениться, стать менее смертоносной для людей. Вот тебе и двое выживших. Второе твоё предположение это то, что запор на двери в подземелье до сих пор исправен и работает так, как должен. Но кто знает, на что он реагирует теперь? Единственное, что известно наверняка – что он сработал от твоего дара. Однако отсюда никак не следует, что он не сработает по приказу первого встречного смертного. Или вовсе от дуновения ветра. Дверь–то до землетрясения была завалена долгие годы, никто из людей её не видел и только потому открывать не пытался.

От железной логики Зоана Маэл чувствовал себя едва ли не униженным. Он и сам засомневался в адекватности собственных выводов. Его словно выставили круглым дураком.

– Но всё же, – заговорил Зоан, будто прочтя его мысли, – тревога твоя не беспочвенна. Ведь существует и такая возможность, что эти двое действительно обладают неким... скрытым даром, о котором сами не догадываются. Только это совсем не то, о чем ты подумал. Никакие они не Подлинные.

– Но что тогда, – нахмурился Маэл. – И откуда?

– Правильный вопрос. Думай.

– Если... если это не результат самопроизвольной случайности, как я поначалу решил... тогда... выходит, кто-то намеренно наделил их некой силой?

Зоан молча кивнул.

– И кто же? Она? Зачем ей? Это глупость!

Зоан поморщился.

– Не Она, конечно. Думай.

Маэл наморщил лоб, следуя совету.

И вдруг лицо его побледнело.

– Додумался, наконец? – снисходительно молвил Зоан. – Я слеп, но даром вижу страх в твоей душе. И страх сей вполне уместен.

– Но это же немыслимо! Это значит, что Договор нарушен! Это конец всему! Это... это даже хуже, чем возвращение Подлинных!

– Мы не знаем наверняка. Быть может – и даже скорее всего – те двое ничем и не особенны. Пока это лишь предположение, вопрос вероятности. Однако такая вероятность куда выше, чем твоя выдумка про Подлинных – оттого и тревожней. Ты действительно можешь оказаться прав, Маэл. Интуиция тебя редко обманывает, о чем мне хорошо известно. Потому Синод и назначил тебя кейлейским Посланником в столь молодом возрасте: в тебе разглядели талант. Просто на этот раз ты запутался в выводах.

– Нужно... Нужно всё выяснить наверняка. Нужно вернуть девчонку... Это значит, что я возвратился к тому, с чего и начал, но... но совсем иначе. Совсем с другой стороны. И теперь многое проясняется...

– Что же, дальше дело техники. Справишься без лишних советов?

Губы Маэла тронула нехорошая улыбка.

– О да... Я знаю, что делать. Юноша послужит приманкой. Рано или поздно она вернется к нему сама. Она никогда не оставит брата. Она сама залезет в ловушку.

– Ну что же... Тогда полагаю, тебе стоит вернуться обратно. Не забывай, что бегать в Запретную обитель по каждому вопросу – недостойно Посланника Синода. Таору это наверняка бы не понравилось... Однако я обязательно передам ему всю информацию, что ты собрал, ибо она действительно серьезна. Даже без тех детей кузнеца, простой факт эпидемии под самой столицей Кейла – весьма опасный звоночек. Подобного давно уж не случалось.

– Благодарю, брат Зоан, – просветлел Маэл. – Действительно, тебе куда проще говорить с Первенствующим... Вы с ним почти что равны...

Внезапно колоннада окончилась.

Глазам Маэла открылась обширная площадь с гигантской статуей Шамина в полный рост. Божественная фигура высилась к самым ночным небесам. А на каменной ладони, воздетой к ночным небесам, покоилась гигантская хрустальная звезда. Лунный свет преломлялся в её гранях так, что звезда искрилась и сияла, словно указуя путь всем заблудшим душам Нового мира.

– Отчего мы стоим? – поинтересовался Зоан. – Не забывай, что я всё-таки слеп.

– Мы уже пришли, – отвечал Маэл, заворожённо глядя на серебряный свет Богини. – Это площадь Звёзд.

– Ах, вон оно что! Так это ты на статую так уставился! Что ж, тогда благодарствую. Дальше я и сам путь найду. А ты возвращайся обратно.

Нащупав рукой стену, чтобы снова не заблудиться, служитель Зоан двинулся было ко входным воротам, оставляя Маэла со статуей наедине.

– погоди! – остановил его тот. – Ты же так и не рассказал, что сам здесь делаешь?

– А... Тут всё просто: у меня появился ученик. Он молод, но подаёт надежды. Прямо как ты в своё время... Полагаю, что вскоре его можно будет вывести в мир людей. Как знать, может он заменит в будущем меня? Признаюсь, многовековая служба Посланника Синода при никкерском дворе совсем меня истоцила... Давно бы мне уйти на покой, да обстоятельства не позволяют. Знаю, что у тебя тоже забот хватает с атрийским восстанием, но вот в Никкерии никакой войны нет, а дела всё равно идут только хуже и хуже...

– Я догадываюсь, – кивнул Маэл. – Судья Ницерон вежливо отказал королю Рамису в помощи, но в его письме я узнал твой слог.

– По данному вопросу мы с Судьёй едины. Никкерия не должна вступать в атрийский конфликт. У нас своих проблем хватает. Да и не только у нас... У Посланника Шаоха с каха-рами тоже всё совсем не гладко.

– Но с ними издавна трудно, они ведь никогда и не подчинялись Синоду по-настоящему...

Служитель Зоан лишь тяжело вздохнул.

– Знаешь что, Маэл?

Он подошёл почти вплотную и заговорил вполголоса, хотя подслушивать тут было некому.

– Я предчувствую, что атрийское восстание – лишь начало. Мы стоим на пороге чего-то грандиозного. Грандиозного в самом плохом смысле этого слова. Не знаю точно, как всё в итоге обернётся, но нити истории Нового мира стягиваются в тугий узел, и нам не удаётся этого остановить. Что бы мы ни делали, как бы ни старались. Нынче нас так мало, а противостоит нам нечто поистине могучее... Слепая и неумолимая воля... Я бы назвал это судьбой. Это слово подходит здесь лучше всего.

Маэл подозрительно нахмурился.

– Ты имеешь... имеешь ввиду что-то подобное тому, что случилось тысячу лет тому назад? Ту историю с Королём-еретиком?

– Возможно... А возможно, что и похуже. Запомни, что я сейчас скажу тебе, Маэл! Что бы ни произошло, в какие бы испытания ты ни попадал, никогда не забывай, кому все мы верно служим.

Он указал рукой на гигантскую статую.

– Мы связаны с Ней вечными узами, и лишь в них источник нашей жизни. Только так мы пройдем сквозь тьму грядущего. Только так мы преодолеем судьбу.

Маэл поднял хмурый взор на статую Шамины с блистающей звездой.

– Я никогда в жизни не думал колебаться в вере. Но знаешь ли, какой вопрос меня частенько беспокоит? Почему она не помогает нам? Почему никогда не вмешается? Ведь это ничего ей не стоит...

– Не помогает? – помрачнел Зоан. – Не вмешается? Ты задаёшь такие вопросы лишь потому, что слишком зелен. Тысячу лет назад она как раз вмешалась. И после такого ты хочешь, чтобы она вмешалась снова?

Маэл отвернулся от статуи и серьёзно посмотрел в обвязанное повязкой лицо Зоана.

– А почему бы и нет? Век людей так краток, что они почти не помнят собственного прошлого. И они позабыли тот урок. Не значит ли это, что пришла пора его повторить?

Служитель Зоан сделал шаг вперёд.

– Эх, Маэл-Маэл... – молвил он, сокрушённо качая головой. – Лицом я молод, как и ты, но сердцем – древний старик... Когда видел столько эпох, сколько их видел я, многое в голове меняется, а многое снаружи неё воспринимается совсем иначе, чем в давние времена. Знаешь, почему я слеп?

– Ещё как! Тебя лишили зрения люди, как раз тогда! Тысячу лет назад! И как ты после такого можешь...

– О нет, мой вопрос был совсем о другом. Не как я ослеп тысячу лет назад, а почему я слеп до сих пор. Ведь я давно бы вернул себе зрение, если б пожелал, но я не хочу. Почему же? Чтобы помнить. Чтобы никогда не забывать, как мне тогда повезло. Да, люди виновны в моей слепоте, но и жизнь мне тогда спасли тоже люди. Я помню это и многое другое, и не хочу забывать ни через сто лет, ни через тысячу. Вот почему моя слепота так дорога мне. Вот почему я не хочу, чтобы события тех лет повторились вновь. И поверь мне, Маэл, ты этого тоже совсем не хочешь.

Глава 9

«Будьте достойны своей победы!»

Йед проснулся по звуку горна. Трубили подъём.

До гвардейских казарм он добрался вчера – уже поздно ночью. Из-за чего ему долго пришлось объясняться с комендантом, чтобы тот записал его в список претендентов на место в королевской гвардии. Йед едва не пропустил дозволенный срок прибытия. Но едва, как известно, не считается, и комендант не решился пренебречь старинным правилом, хоть и основательно отругал Йеда за нарушение своего сна.

Столица стояла на большом холме, вершину которого занимал дворцовый квартал, отгороженный от остального города отдельной стеной, на манеру крепости внутри крепости. Гвардейские казармы как раз и находились в этом районе. Где-то совсем рядом стоял и королевский дворец, и даже храм Шамины. Издали храм казался таким огромным в том числе и потому, что располагался в наивысшей точке столичного холма.

Йед построился на внутренней мостовой в числе прочих. По одеждам узнавались представители самых разных занятий и слоёв общества. Больше всего, конечно, людей в военном облачении – явно не чуждых оружию. Быть может солдаты из местного гарнизона, возможно ветераны былых битв, или просто наёмники, желавшие найти наконец постоянный заработок. Но в нестройной толпе хватало и людей совсем невоенного вида: разнообразных ремесленников, моряков и торговцев, даже жителей из деревенской глубинки – как сам Йед.

Однако сильнее всех в общей массе выделялись персоны знатного происхождения. Кто-то носил дорогие одежды, кто-то доспехи или снаряжение попроще, но у каждого на груди красовался родовой герб. В сей торжественный день каждый из них почитал за семейный долг выставить своё происхождение напоказ, дабы никто не смел в нем усомниться.

Толпа простонародья явно превосходила их числом. Вряд ли им это нравилось, однако они знали заранее, на что шли. Знали и древние традиции королевской гвардии, заложенные ещё тысячу лет назад. Испытания открыты всем – и традиция сия священна.

Посреди площади стояла статуя. Некий рыцарь, весь закованный в латы, с опущенным забралом, он стоял в гордой позе победителя, выставив ногу на осколок скалы, что вылезал из-под мостовой.

Самым чудным в нем было то, что вместо обычного рыцарского оружия – меча – он держал в руке лопату. Закинув её на плечо, он взирал куда-то вдаль – в сторону восточного горизонта.

А над въездными воротами висел герб королевского дома. Тот же самый герб красовался на груди у большинства гвардейцев, которые в дворцовом квартале попадались на каждом шагу. Обнажённый меч пронзал кровоточащее сердце остриём вниз, а на конце рукояти блистала четырехконечная звезда Шамины. Только не серебряная, как обычно, а ярко-алая. Вокруг рукояти красовалась и королевская корона, поддерживаемая по бокам парой гривастых давнов. Алая звезда светила как бы изнутри короны, словно наполняя её силой и подлинной властью.

А на самом верху, над мечом и короной, висела надпись:

R A M O R U L A N A V A

Очевидно, то был девиз королевского дома. Впрочем, Йед не знал грамоты, и всё равно не мог его прочитать, хотя буквы упорно притягивали его внимание. Даже сильнее, чем та статуя рыцаря с лопатой.

Йед долго бы разглядывал этот герб, не отвлеки его чеканный командный голос.

Перед строем явился никто иной, как уже знакомый ему капитан Тарбис собственной персоной.

– Глаза на меня. Я – сэр Тарбис. Рыцарь короны, капитан столичного гарнизона, а с сего дня – стратег его величества короля–регента Рамиса Первого. Увы, с новым званием на меня возложена и весьма неприятная обязанность. Я должен возиться с недотёпами вроде вас, захотевших именоваться королевскими гвардейцами. Не льстите себе – почти все из вас недостойны своих амбиций. И я расскажу почему. В гвардии короля три сотни человек. За прошедший год выбыло двенадцать – а вас здесь стоит не меньше сотни. Где–то среди сотни вислоухих вахлаков затерялись те двенадцать будущих королевских гвардейцев. Только они и достойны камней мостовой, что вы сейчас топчете ногами. Остальных же мне приходится пока терпеть, как неизбежное зло. И моя задача – процедить всю эту кучу зловонной грязи передо мной, чтобы отыскать дюжину золотых песчинок. Теперь вам ясно, насколько омерзительна возложенная на меня работа, и почему я сегодня страшно зол?

Все присутствующие поникли. Уничжительно–солдафонная речь сэра Тарбиса ни в ком не вызвала оптимизма.

– Итак, чурбаны, каким должен быть королевский гвардеец? – спросил сэр Тарбис. – С этого начнём. Говорите, кто что думает.

В построении зашептались.

– Сильным? – высказался один.

– И ловким? – дополнил его товарищ.

Тарбис обратил на них суровый взгляд.

– Вы два дурака, – гаркнул он на опешивших парней. – Разумеется, гвардеец короля должен быть и сильным, и ловким. Но только дурак мог подумать, что я захотел услышать нечто настолько очевидное. С тем же успехом вы могли сказать, что королевский гвардеец должен быть человеком с двумя руками и двумя ногами, а не бараном или ослом. Если же кроме силы и ловкости в вас нет хотя бы мозгов, то ваше место среди разбойников на большой дороге, а после – у палача на виселице. Но никак не в королевской гвардии. Вы двое только что провалили испытания. Стража! Вывести их за ворота!

Строй в изумлении притих. Никто не предупредил, что их испытания уже начались, да ещё в столь неожиданной форме.

– Другие версии? – спросил Тарбис. – Каким должен быть королевский гвардеец?

Все благоразумно молчали. Никто больше не хотел повторить судьбу тех двоих.

Тогда Тарбис подошёл к строю и сам выбрал одного из кандидатов.

– Отвечаешь ты! Какие ещё качества важны для королевского гвардейца? Что составляет его честь?

– Я... Не могу точно знать... Сэр Тарбис... – промямлил тот.

– Ты жалкий трус! – рявкнул Тарбис. – Хоть бы предположил наугад. Так у тебя оставался шанс случайно сказать что–то дельное. Но ты боишься провалить испытания по примеру тех двоих, и страх сковал твою волю. А когда численно превосходящий противник возьмёт твой отряд в окружение, сможешь ли ты на ходу придумать хитрый манёвр, чтобы уйти у него из–под носа? А когда враг замахнётся мечом на твоего короля, какой частью тела ты примешь удар? Тоже не знаешь? Видать сам за королём спрячешься? Хотя думаю, ты вообще сбежишь с поля боя. Впрочем, можешь больше не тревожиться на сей счёт. В королевской гвардии тебя никогда не будет.

Стража вывела и его.

– Ещё варианты? – не унимался капитан.

На этот раз всем стало понятно, что и отмалчиваться – тоже не лучшая стратегия.

– Верность королю? – вальяжно откликнулся кто–то.

– Ответ не намного умнее, чем у тех двух дураков. Но всё же добродетель достойная. Я не стану никого выгонять за верность королю. Тебе повезло, парень, что ты сумел отделаться столь простым ответом. Дальше?

– Преданность заветам Богини? – зазвучал голос молодого человека в монашеской рясе.

– С этим тоже не поспоришь, пожалуй, – согласился сэр Тарбис. – Но место духовного наставника короля уже занято. Служителем Маэлом.

Один за другим, претенденты принялись называть разные прочие добродетели. Вначале перечислили самые очевидные для любого воина: мужество, бесстрашие, решительность, находчивость. Но со временем находить новые становилось всё труднее. Назвали уже и честность, и сдержанность, и справедливость, и щедрость, и ещё много чего, чем мало кто из них обладал. Но сэр Тарбис всё не останавливался. Стало ясно, что следующим за ворота вылетит тот, кто первым не сможет дать ответ. Поэтому многие старались высказать свою версию как можно быстрее, дабы их не опередил кто другой, а им затем не пришлось мучительно придумывать что-нибудь новое, ещё более изощрённое.

– Эмм... Гибкость! Не только в битве, но и гибкость духа! Способность не перечить командиру... И королю! – выпалил последний. – Умение всегда поддерживать их, даже когда они ошибаются!

Сэр Тарбис замер на секунду, приподняв одну бровь, но всё же промолчал и прошёл мимо.

Наконец он указал на Йеда.

– Отвечаешь ты. Что ещё?

Трудно было сказать, узнал он при этом Йеда, или нет. Если и узнал, то ухом не повёл.

Йед давно заготовил свой ответ. Не ахти какой замысловатый, но почему-то никто ещё не назвал такой добродетели.

– Преданность друзьям и товарищам по оружию. Взаимовыручка.

Доселе непробиваемо суровое лицо сэра Тарбиса вдруг дрогнуло. А через миг на нём появилось нечто вроде улыбки.

– Ну наконец-то! – не без удовлетворения отметил он. – Долго же мне пришлось трясти вас, тугодумов, чтобы вы наконец вспомнили. А знаете, почему никто из вас до сих пор не додумался? Вы все так хотите попасть в королевскую гвардию, что видите друг в друге лишь врагов. Вы как злые собаки готовы загрызть друг друга за брошенную кость. Как же вы потом собираетесь сражаться бок о бок в кровавой битве? Сможете ли вы пожертвовать жизнь за кого-то в бою? Ведь уже сейчас вы помыслить не можете, чтобы ваше место в гвардии досталось кому-то другому.

В строю удивлённо зашушукались, так как многие узнали в сказанном себя. Сэр Тарбис оказался вовсе не грубым солдафоном, а человеком, вполне достойным своих чинов и регалий. Как опытный командир, он прекрасно разбирался в людях и обладал немалой проницательностью. Ведь он сам только что незаметно подвёл всех к этому порочному состоянию, к ожесточённой конкуренции друг с другом. И теперь сам же и отругал за то, что они так легко поддались на провокацию.

– Признаюсь, я уже подумывал выгнать за ворота всех олухов, кто напридумывал столь изощрённых добродетелей для королевского гвардейца. Ведь тут важнее было не то, что вы назовёте, а о чём забудете. Даже взятые все вместе, названные вами добродетели не стоят той единственной, которую вы упустили. А кто из вас там ляпнул про «гибкость духа»? Это что, новое название для лести и подбострастия? Или для хитрости и коварства? Вам быть интриганами при дворе, или скорее базарными мошенниками, но только не воинами.

Строй понуро стоял, не решаясь поднять голов.

– Но сегодня я с вами так не поступлю, – успокоил всех Тарбис. – Вы пока останетесь, потому что этот парень, – он указал на Йеда, – дал-таки достойный ответ. Он сумел сохранить

человеческое достоинство в вашей собачьей стае. А значит и для вас тоже не всё ещё потеряно. Вот что такое взаимовыручка.

Все обратили свои взгляды на смущённо потупившегося Йеда.

– Как тебя зовут, парень? Назови всем своё имя и кто ты есть.

– Меня зовут Йед Велунд. Я сын деревенского кузнеца. – быстро отгарабанил Йед и сразу замолк.

– Знаешь ли ты, Йед Велунд, сын кузнеца, кто это?

Сэр Тарбис указал на статую рыцаря с лопатой, что красовалась посреди площади.

– Виноват, сэр Тарбис... Не имею понятия...

– Что ж... По первому разу не страшно. Так знайте же, что статуя изображает того, по чьей воле все вы сегодня здесь собрались. Это Халар—основатель. Он же Галар, а на современный манер Аларис, прозванный Правоверным. Первый правитель Великой страны Кейл, первый из царствующего по сей день королевского дома. Тысячу лет назад он основал нашу страну и обустроил на этом холме столицу. А ещё он тот, кто создал королевскую гвардию. Священный герой нашей истории.

Над площадью разнёсся шёпот.

– Сам Халар... Это и есть Халар... А я что говорил? Кто ещё—то!

– Сэр Тарбис, – вдруг заговорил Йед, неожиданно даже для самого себя. – А почему он с лопатой в руке... Вместо оружия?

За спиной раздался глупый смешок.

Королевский стратег недовольно покосился в сторону строя, но обнаружить нарушителя дисциплины не смог.

– Почему лопата? Хм... Неужели никто из вас не знает этой легенды?

Он оглядел молчаливый строй суровым взглядом. В воздухе стояла гробовая тишина. Тогда он перевёл глаза на статую Халара, как бы спрашивая у неё совета: стоит ли утруждать себя ещё и пересказами древних легенд?

Вдруг из толпы раздался голос.

– Я!... Я знаю эту легенду, сэр Тарбис! От и до!

– Кто это сказал? Шаг вперёд!

Из строя вышел молодой парень в монашеском одеянии. Тот самый, который в качестве гвардейских добродетелей называл преданность заветам Богини.

– Моё имя Мерон, и я монах из Тысячи сверкающих душ! – заявил он, не дожидаясь даже команды представиться.

– Славная обитель, – уважительно кивнул Тарбис. – Ну так расскажи всем, почему Халара всегда изображают с лопатой. Только кратко.

– Тысячу лет назад на землях наших стояло древнее государство, – начал Мерон. – Славное и великое, как и наше. Но последний его властитель совершил тяжкое преступление. Он отринул Богиню, отверг её мудрые законы и отказался признавать власть Синода. Мы не знаем его имени, ибо его вымарали из всех летописей, а называют теперь не иначе как Король—еретик. В конце концов постигла его страшная кара: будто бы по воле Шашины звёзды спустились с небес и сожгли заживо и его самого, и всех его подданных, и тогдашнюю столицу вместе с жителями. Её заброшенные руины стоят и до сих пор, в назидание потомкам...

– Ну о Короле—еретике все и так знают, – не стерпел Йед. – А при чём тут лопата Халара?

– Ах, да... – хлопнул Мерон себя по лбу. – До того, как сама Богиня вмешалась в те события, именно Халар, тогда ещё простой вожак ополчения, возглавил борьбу против Короля—еретика. И произошёл однажды между ними поединок. Так вот, вышло так, что Халар был тогда вооружён одной лопатой. И почти что безоружный, обречённый на поражение, он всё же сумел выйти из схватки победителем. Потому в камне он нынче изображается с лопатой, а не с мечом. Такая традиция.

Удовлетворённо кивнув, сэр Тарбис вновь заговорил.

– Итак, бездари, сегодня вы пока что остаётесь в строю благодаря вашему товарищу Йеду Велунду, сыну деревенского кузнеца. Сегодня он спас вас всех от поражения. Советую вам усвоить урок, иначе до конца недели вы точно вылетите за те ворота.

Йед почувствовал на себе взгляды толпы. Кто-то смотрел на него с интересом и восхищением, но другие – с завистью, а иные – и с упрёком, как на выскочку. Одно лицо, принадлежащее некоему знатному отпрыску с серебряным конём на груди, даже скривило губы в презрении.

А сэр Тарбис продолжал назидательную речь.

– Я уже вижу, что многим сей урок не пойдёт на пользу. Мне на радость, что к большинству слова мои всё равно не имеют отношения. Потому можете и дальше меня не слушать. Я обращаюсь лишь к тем двенадцати будущим гвардейцам, что скрываются среди вас. Но я не пожелаю им удачи в грядущих испытаниях, равно как и победы в них. Этого они и сами легко добьются. Я говорю им другое: будьте достойны своей победы! Слава Шамине и да здравствует король Рамис!

– Слава Шамине и да здравствует король Рамис! – хором грянула толпа.

Глава 10

«Я не боюсь смерти. Я уже мертва.»

Тании снился сон.

Ей снилось, что она стоит одна против бездонного звёздного неба. Только звёзды тут были странными: яркие россыпи звёздных облаков, каких в реальности никогда не увидишь. Не иначе, неведомый создатель редкого ночного цветка, Сна Шашины, черпал вдохновение именно здесь.

И всё же, сон этот не был просто сном. Каким-то образом Тания понимала, что спит. Она словно и не в сон попала, а в неизвестный диковинный мир.

– Звёздный мир!... – прошептала она в восхищении.

Она попробовала поозираться по сторонам, оглядывая бесконечные россыпи Звёздного мира... и остолбенела от изумления.

Позади, прямо за ней, завис блистающий шар. Словно бы одна из звёзд спустилась с небес. Шар дышал и дрожал, словно живой.

– Кто ты? – прошептала Тания, вытаращив ошеломлённые глаза.

– Не имеет значения, кто ты, – молвил серебряный свет. – Важно лишь чего ты хочешь.

Тания вся похолодела. Не из-за самих слов, а того голоса, что их произнёс, что исходил из недр сияющего шара. Это был её, Тании, голос. Словно бы она заговорила сама с собой.

– Ты... Ты та серебристая книга? – пролепетала Тания. – Ты её дух? Ты мой Фамильяр? Кто ты на самом деле?

– На самом деле? – удивился шар её же голосом. – На самом деле меня нет... Я всего лишь слуга. Без хозяина я ненастоящий. Я это не я. Скажи мне, чего ты хочешь, и я исполню это. И тогда ты станешь настоящей.

Тания до боли вгляделась в блистающее сияние, но так ничего и не разглядела. Один ослепительный серебряный свет.

Реанна на вопрос «кто ты?» просто называла своё имя. Теперь подобное её поведение не казалось таким уж чудным. По крайней мере, этот колдовской шар всяко отвечает ещё чудней. А может, просто сам вопрос «кто ты?» слишком неясен? Нужно спросить как-то иначе.

– А... имя у тебя есть? Как тебя зовут?

Сияние вдруг резко исказилось и затрепетало, словно свет вступил в борьбу с потаёнными тенями. В тот миг Тании даже показалось, что внутри проступила человеческая фигура – такая же сияющая серебром, как и сам шар.

– Имя?... Имя под маской... Имя, которого никто не знает... Феникс... – молвил сверкающий дух.

– Феникс... – прошептала Тания. – Какое благородное имя... Ты и вправду возродился тогда в пламени костра, как настоящий феникс!

– Феникс был настоящим... – не умолкал шар, сотрясаясь, как в лихорадке. – Всего лишь слуга... Без хозяина не настоящий... Неважно, кто ты...

Звучание речи, кажется, изменилось: из-под собственного голоса Тании проступило что-то ещё. Но она не знала, что это значит.

Тогда она решила задать ещё один вопрос.

– Какова цена твоей верности? Что со мной будет? Я буду проклята и умру, как тот, чей скелет лежал там, в пещере? Или... Или что?

Светящийся шар заиграл радужными переливами.

– Правил нет... Нет цены, нет продавца, нет покупателя. Важно лишь чего ты хочешь. Ты станешь, кем захочешь. Я сделаю тебя настоящей. Желания – вот подлинный дар. У меня больше нет своих желаний. Всего лишь слуга...

– Мне всё–таки не очень нравится звать тебя Феникс, – заговорила Тания. – Вернее наоборот: это имя слишком уж красивое. Красотой нельзя разбрасываться, иначе её никто не будет ценить! Пускай Феникс останется твоим тайным именем, а я буду звать тебя просто Светлячок! Согласен, Светлячок?

Но сияющий шар ничего не ответил. Вместо этого он замерцал, как в тревоге, а затем залучился потоками неистового серебра.

– Чужак. Боевые условия? Пробуждение.

И Звёздный мир канул в небытии, утонув в финальной ослепительной вспышке.

– Якорь и плуг! – разбудил Танию чей–то голос под лошадиное фырканье.

– Бороздит плуг землю, а корабли пашут море! – отозвался другой.

Приподняв голову, Тания с кривым сонным прищуром глянула туда, откуда доносились голоса.

Там стояли двое. В первом она признала кого–то из троих ополченцев. Вроде Живан? Второго она не знала, но это явно был карлик. Едва поприветствовав друг друга в предутренних сумерках, оба отошли подальше, откуда Тания больше их не слышала.

Якорь и плуг... Кажется, знакомые слова? Но спросонья голова работала плохо, и вспомнить она так ничего и не смогла. Для подъёма было слишком рано. Тания опустила тяжёлую голову обратно на землю и продолжила досыпать.

* * *

Солнце выступило над холмами, и лучи его бодро затрепыхались у Тании на лице. Проснувшись наконец по–настоящему, она обнаружила, что все остальные уже поднялись.

– О! – раздался голос Живана. – Ну наконец–то! А то я страсть как не люблю усталых людей будить. Ведь ежели человек не бездельник, разве не должен он выспаться вдоволь? Так и отец мой, бывалый зверолов, всегда говаривал... Впрочем, куда это меня несёт?... Знаешь что хочу сказать... Мы сейчас охотно поделимся с тобой нашим скромным завтраком, как вчера – ужином... Но и хорошее когда–нибудь подходит к концу. Так что извиняй! Дальше наши дорожки расходятся.

Тания поднялась, продирая глаза и озираясь по сторонам. Она пыталась понять, что ей минувшей ночью снилось, а что – явилось на самом деле. У костра сидели все знакомые лица: безучастная ко всему Реанна, вечно жизнерадостный Живан и двое его друзей. Никого больше.

«Карлик тот, выходит, тоже приснился?» – подумала она.

Позади вдруг раздалось недовольное фырканье.

Тания обернулась – четыре лошади мирно паслись неподалёку. Выходит, помимо Реанны и трёх её спутников, здесь появились лошади? Или они были тут и раньше, только ночью она не заметила их в темноте?

– Но так или иначе, рады были знакомству, – продолжал Живан, словно извиняясь. – Удачи тебе на своём пути, куда бы он ни вёл.

Однако Тании не хотелось прощаться. В этой компании она вдруг почувствовала себя так хорошо, как никогда прежде. Не только потому, что они оказались безобидными на вид добрыми парнями. Здесь она ощущала себя словно бы на своём месте. И ещё Реанна... Тания вовсе не хотела прерывать знакомство с ней так быстро.

Нет уж, так просто они от неё не отделаются.

Она судорожно пыталась придумать убедительный предлог, чтобы остаться и... И что дальше? Эти люди идут не куда-нибудь, а нанимаются в королевскую армию воевать с мятежниками. Там ей точно делать нечего.

Вернее, так они сами утверждают. Только вот... Что же с ними всё-таки делает Реанна? – Нечего киснуть, – сказал Живан, – чей не суженого на войну провожаешь!

Вся троица дружно рассмеялась простоватой шутке.

И тут Танию осенило. Она вдруг осознала подспудную мысль, которая тревожила её ещё со вчерашнего вечера. Как-то нелепо они себя ведут, для тех кто отправляется на войну.

И утреннее происшествие с неизвестным карликом. Такое ведь не могло просто взять и присниться! Хоть рассказы этих малых на первый взгляд и логичны, но никакие они не ополченцы-наёмники, а просто неумелые обманщики. И идут они вовсе не в войско короля-регента. Всё здесь обстоит наоборот.

– Хорошо себя чувствуешь? – беспокоился Живан. – У тебя лицо всё разом стало... Станным каким-то, как испуганным что ли.

Он даже осмотрелся вокруг – может Тания углядела какого врага позади? Но поблизости никого не было. Только безлюдные холмогорья, поросшие жухлой травой.

Тания подозрительно прищурилась, окидывая того взглядом с головы до ног. Права она или нет? Может она сама всё выдумала и выдаёт желаемое за действительное? Так или иначе, самое время начинать наступление.

– Просто я подумала кое о чем... – молвила она.

– И о чем же? – заподозрил Живан неладное.

– Скажи-ка мне одну вещь. Из каких точно земель в какой части страны вы трое прибыли и к чьей армии собираетесь примкнуть? Ведь непосредственно королю подчиняется лишь его гвардия, и я точно знаю, что туда вам так просто не попасть. А в королевском войске каждый приписан к кому-то из верных короне знатных дворян.

Живан вмиг посерьёзnel.

– Что это за допрос вдруг такой? Какая тебе разница? Да и с каких это пор ты разбираешься в наших армиях и знатных дворянах?

– Худо-бедно разбираюсь кое в чем, ведь мой брат уже наверное год только о королевской гвардии и твердит. Но даже если бы и не разбиралась, куда интересней, разбираетесь ли в этом вы. Странно, что некий отряд вольно путешествует сам по себе, вдали от своего войска. И даже не знают, кто они и откуда.

– Мы же говорили, что только собираемся наняться. Кто больше платит, да лучше кормит – к тому и пойдём. И какая разница, что за зверь у него на гербе будет нарисован?

Несмотря на благообразную логичность объяснений, на лице всех троих сохранялось напряжённое выражение, которое выдавало их с головой. Сомнений не оставалось: они скрывают настоящую правду.

Одна лишь Реанна сохраняла на лице бесстрастное выражение. Вмешиваться она явно не собиралась: просто слушала и наблюдала за спором со стороны. Никак нельзя было понять, о чем она при этом думает.

– Пусть так, – продолжила Тания. – Тогда я рискну сказать следующее...

Она гордо подняла голову, и произнесла во всеуслышание:

– Бороздит плуг землю, а корабли пашут море!

Услышав собственный секретный пароль, все трое дёрнулись от неожиданности, а Живан машинально потянулся к рукояти оружия. Даже лошадь неподалёку недовольно всхрапнула, словно тоже встревожилась.

А Реанна, которая до сего момента оставалась внешне равнодушна к окружающему миру, вдруг шевельнулась и внимательно посмотрела на Танию. На лице её обрисовалось едва заметное недоумение. Оно значило, что воительница усиленно о чем-то раздумывает.

– Я права, – торжествующе объявила Тания. – Никакие вы не ополченцы и не наёмники, вернее не те, за кого себя выдаёте. Зачем сюда явились и куда идёте – не знаю, но точно не в королевское войско. Вы вроде разведотряда с востока, верно? Вы сами и есть те мятежники, против которых якобы собрались воевать! Потому и путешествуете тут одни. И кстати... Утром я случайно проснулась и видела тебя, – Тания ткнула пальцем в Живана, – с каким-то карликом. «Бороздит плуг землю, а корабли пашут море» – ваш тайный пароль для своих, так ведь? Карлик вам этих лошадей привёл?

Все четверо стояли не шелохнувшись. С лиц сдуло недавнюю весёлость, а Живан не убрал пальцев с рукояти меча.

– Даже если бы и так, что с того? Собираешься сообщить о нас в столицу? Пока ты туда доберёшься, мы будем уже далеко. Да и кто поверит в твою историю? Всем известно, что Армия якоря и плуга далеко на востоке. Ты верно девица добрая и неглупая, а потому зла я тебе совсем не желаю. Лучше просто забудь все, что тут видела и иди дальше своей дорогой. Никакой награды за нас ты всё равно не получишь.

– Что за вздор! – возмутилась Тания. – После вашего-то гостеприимства я вовсе и не собиралась сдавать вас столичному гарнизону!

«Ополченцы» переглянулись. Живан наконец отпустил рукоять меча, и остальные тоже немного расслабились. Все, кроме Реанны, которая так и продолжала молча стоять и внимательно разглядывать Танию, как неведомую зверушку из диковинных земель.

– На самом деле я хочу совсем другого. Когда Реанна нашла меня, я как раз собиралась идти на восток, чтобы найти войско атрийских мятежников. Армия якоря и плуга, так вы себя называете? Я хочу сражаться за вас. Что бы вы тут не делали, так или иначе будете возвращаться обратно к своим. Так возьмите меня с собой.

Троица с секунду недоуменно глядела на Танию, а затем дружно рассмеялась.

– Ты верно насмотрелась на нашу Реанну? – хохотал Живан. – Уж прости, но ты ей никак не ровня! В военном лагере тебе делать совершенно нечего. Женщин у нас там и без тебя хватает, что на уходе за ранеными, что на готовке.

Тания вся закипела внутри, а лицо её покраснело от ярости. Даже эти на вид славные малые ни в грош её не ставят. Она сделала шаг вперёд и взревела самым грубым голосом, на который только была способна.

– Я к вам, остолопам дубоухим, не в кухарки собираюсь! Я буду драться за вас, бестолочей пришибленных! И с какого это бодуна после полночного пьяного угара вы решили, что я не ровня вашей драгоценной Реанне! Да вы меня ни дня ещё не знали, но думаете, что я не смогу драться также!

Все дружно притихли от столь забористой вспышки внезапного гнева.

– Да как скажешь, пускай мы остолопы и бестолочи, – примирительно заговорил Живан, – но пойми, у нас тут совсем другое задание и не нам такой вопрос решать... И нас вообще накажут, если узнают, что кто-то из местных раскрыл...

– Так и берите тогда меня с собой. Точно, я сдаюсь вам в плен! А там в лагере вашем, якорно-плужном, уж разберёмся, что к чему! А не возьмёте... – на губах Тании заиграла коварная улыбка. – Тогда точно сообщу в столичный гарнизон!

Живан лишь покачал головой.

– Всё не так просто. Реанна здесь с нами по приказу командующего... воеводы то есть... Он её удочерил, вроде того. Хоть мы её и без того все уважаем и она вполне заслуживает...

Вдруг раздался звонкий лязг стали, оборвав Живана на полуслове. Это Реанна неожиданно зашевелилась: вытащила из-за спины один из двух мечей и ни слова ни говоря метнула его Тании под ноги. Воткнувшись в землю точно между камнями, меч задрожал и запел, жалобно затихнув на высокой ноте.

А затем она достала из-за спины второй свой меч и, указав им на растерявшуюся Танию, тихо произнесла:

– Ты первая.

Тания недоуменно опустила взгляд на торчащую к ней рукоять. Прежде она, бывало, брала в руки мечи из кузни отца, чтобы полюбоваться его мастерской работой. Но она никогда не упражнялась в фехтовании, разве что пару раз с Йедом – в шутку, когда они были ещё детьми. И то, отец увидел это безобразие и запретил им его повторять строго-настрога.

Когда Тания заявила, что сможет драться не хуже Реанны, она имела в виду, что так будет после должной учёбы и тренировки, а не прямо сейчас. Странная воительница похоже опять поняла её слова слишком буквально. Однако в глубине сознания у Тании зашевелилась мысль, что это её шанс. Единственная реальная возможность заслужить уважение этих людей. Реанна в сущности остановила всю эту никчёмную перепалку одним движением. Словно взяла и молча разрубила мечом запутанный словесный узел.

– А это идея! – оживился Живан. – Ну так уж и быть, – повернулся он к Тании. – Пускай будет классический испытательный поединок по всем традициям. Если сумеешь обезоружить Реанну с трёх попыток или хотя бы просто выстоять против неё нужное время, не потеряв оружия, то так тому и быть! Мы тогда берём тебя с собой и представим командующему. Большого не обещаю, но на это – даю сло...

Его перебил бойкий скрежет стали. Тания схватила клинок Реанны за рукоять и вытащила его из камней.

Этот меч выглядел совсем иначе, чем те, что обыкновенно ковал отец. Рукоять подлиннее, а лезвие – наоборот, укорочено. Меч имел элегантный изгиб, а ещё весил куда меньше отцовских. Несомненно, он ковался специально для ловкой и быстрой руки Реанны. А значит и Тании он тоже окажется впору!

Она торжествующе подняла оружие над головой, издала боевой клич и бросилась на соперницу диким ураганом.

Но что произошло в следующую секунду, она толком и понять не успела. Она вдруг обнаружила себя лежащей у ног Реанны – лицом в грязи. Меч, который она только что сжимала в руке, летел куда-то в сторону с жалобным дребезгом.

– Ещё две, – раздался спокойный голос над головой.

Реанна имела в виду, что у неё оставались две попытки.

Тания поднялась, стряхнула грязь с лица и ошалело посмотрела по сторонам. Она догадывалась, что выглядит не менее глупо, чем прошлой ночью – тот здоровяк-разбойник по кличке Коротыш.

Лошадь, в чью сторону отлетел меч, недовольно фыркнула и залиvisto заржала, словно насмехалась.

Сжигаемая досадой, Тания стиснула зубы. Она в два прыжка достигла потерянного меча, а тот послушно лёг рукоятью ей в руку – как и в первый раз.

Вторая её попытка нападения почти не отличалась от первой. И закончилась она с тем же результатом.

– Всего одна, – тихо молвила Реанна.

Хладнокровная воительница даже дыхания не сбила.

Тания догадалась, что действует слишком открыто: её движения легко предугадать с самого начала. И тогда ей пришла идея. Она гневно уставилась на противницу и снова понеслась вперёд, делая вид, что собирается повторить всё заново. Но всего за секунду до цели вдруг нырнула в сторону.

Хитрость определённо возымела некий эффект, потому что Реанна не отразила её удар, а просто ловко увернулась.

Но уже через миг меч опять летел в сторону. Итог вышел почти тем же, правда Тания хотя бы осталась стоять на ногах.

Когда же она вновь подобрала многострадальный меч и вернулась в исходную позицию, Реанна произнесла:

– Моя очередь. Правила поединка черно–белые. Ты либо победил, либо проиграл. Иных вариантов нет.

Мелодия бесстрастного голоса прозвенела и затихла, как колокольчик на двери в торговых лавках, что предупреждают дремлющего хозяина о новом посетителе. И Реанна неумолимо двинулась вперёд с мечом наголо, быстро набирая скорость.

На каменно–прекрасном лице воительницы не выразалось ничего, как и прежде. До сего момента Тания и рассмотреть его как следует не могла: Реанна обычно смотрела куда–то в сторону, словно избегая прямых взглядов. Но теперь её ледяно–голубые глаза неотрывно глядели прямо в глаза Тании, словно держа её на незримом прицеле.

Тании вдруг закралась предательская мысль: а что, если это уже никакой не испытательный поединок? Что, если бездушная воительница решила её и вовсе прибить? Ну, чтобы избавиться от ненужного свидетеля, например? Ведь человек с таким бездушным взглядом способен на что угодно... Никто не знает точно, на что.

Она запаниковала. Что ей теперь делать? Она только теперь осознала, что просто не может драться с таким противником на равных.

– Боевые условия!... – вдруг услышала она собственный сдавленный вскрик.

В ту секунду она не могла поручиться, сама догадалась произнести эти два слова, что уже не раз повторял её Фамильяр, или же это он сам их и сказал – её собственным голосом в голове. Но всего через мгновение она вытаращенными глазами глядела на собственную руку, которая вдруг поднялась сама собой и с ювелирной точностью парировала удар Реанны. А затем – и второй такой же удар, и третий.

Воительница отскочила, будто оценивая противника. Как и всегда, нельзя было судить по её лицу, что она при этом думала или чувствовала: удивилась, испугалась, обрадовалась ли?

Но Тании стало уже не до неё. Она в изумлении наблюдала, как её тело сражается с Реанной само по себе. Не сказать, что руками и ногами двигала какая–то внешняя сила. Мышцы сокращались как обычно – только управляла ими не Тания. Более того, она даже не потеряла над телом контроль, хотя и благоразумно старалась не вмешиваться. Получается, ей оставалось только ждать, пока Фамильяр сам сделает всю работу.

– Время!!! – раздался оклик Живана.

Он всё это время отсчитывал свой пульс.

Реанна тут же застыла столбом, как её выключили, а все трое зрителей поединка дружно захлопали в ладоши. Теперь в их глазах сквозила искорка чего–то нового, чего Тания не замечала там прежде. Быть может, уважения?

– Старый мир меня дерит! – воскликнул Живан. – Впервые такое вижу!

В его голосе проступали нотки восхищения.

Но обрадоваться победе Тания не успела. На неё вдруг нахлынула ужасная боль, в которой она словно захлебнулась. Дыхание перехватило, а измождённое тело разом зануло и немощно задрожало. С тихим стоном Тания бухнулась на колени, а затем и вовсе распласталась в траве. В выпученные глаза ей пролилось синее небо.

– Тренировок конечно ещё много потребуется, – покачал Живан головой, почёсывая в затылке, – но мы слово сдержим. Идешь с нами, как и хотела!

Тания догадалась, что хоть с Реанной сражался фактически Фамильяр, он ведь это делал при помощи её тела, а не по волшебству. Каким–то образом он отключил боль и усталость на время поединка, но теперь они включились вновь. И измученные мускулы надрывно заломило.

Живан подошёл к лежащей навзничь Тании и подал руку, помогая подняться.

– Дам несколько минут, чтобы в себя прийти, но затем отчаливаем. Времени нет разлёживаться, нам нужно донесение в штаб доставить. Теперь каждый день на счету.

Боль уже проходила, и Тания не могла не обрадоваться столь удачному повороту событий. Но подспудно, из глубин подсознания, её тревожила неприятная мысль. Ведь всё это заслуга серебряистой книги. Древний дух, что обитает на её страницах, всё–таки выполнил обещание: он дал ей то, чего она хотела. Но кто она сама по себе? Без помощи Фамильяра эти люди вряд ли признали бы её. Похвастайся она перед Йедом, что выиграла неравное сражение лишь благодаря какой–то волшебной книге, он бы точно не счёл такую победу честной.

Йед всегда был шепетилён в вопросах чести. Отец часто говаривал: «Человек должен быть настоящим», но никогда толком не объяснял, что конкретно имеет ввиду. А Йед считал, что речь здесь именно про честь, потому и восхищался королевской гвардией. Именно так он понимал отцовские слова «быть настоящим».

Но Тания в таком смысле никогда не была «настоящей». Она и теперь просто добила своего, и всё тут. Она победила соперника, и не всё ли равно, каким способом? Победителей не судят, да и кому в этом мире даровано право судить, что один способ честен, а другой – бесчестен? Уж не Шамине ли с её Чтецами? А что, если они например скажут, что честно сражаться только с завязанными глазами, а честный забег – это только бег в мешках?

Почему же она должна игнорировать возможности, которые сам этот мир ей предоставил? А всего позавчера, когда в деревне вдруг разразилась чума – миру было безразлично, хотела она этого или нет. Она может и открыла ту чёрную дверь со скелетом, но никто ведь её не предупреждал тогда о последствиях. Разве это было не бесчестно? Так почему же она должна оставаться честной с миром, который так бесчестен с ней!

– Мир, ты ненастоящий... – пробормотала она под нос, разыскивая глазами Реанну.

Пока Живан обсуждал что–то со своими подначальными (а Тания уже не сомневалась, что он и есть командир отряда), нелюдимая воительница седлала лошадей – в стороне ото всех, как и всегда. И Тания решила попробовать разговорить её.

– Скажи, ты же мне ни капельки не поддавалась? – спросила она.

Реанна обернулась и лишь смиренно покачала головой.

– А ты знала, что я смогу выиграть? – не отставала Тания. – Пройти испытание?

– Нет, – ответила Реанна без следов каких–либо эмоций. – Это оказалось неожиданным. Ты должна была проиграть.

– Но зачем тогда было навязывать мне поединок? Если ты считала, что шансов у меня нет?

– Ты должна была проиграть, – повторила Реанна. – Ты должна была понять, что не готова к тому, чего так сильно хочешь. Ты не умеешь управлять желаниями. Но если ты не можешь победить даже себя, ты не победишь врага. Нельзя сражаться, если тебе не ведомо смирение. Познать это можно лишь в поражении... Однако ты меня победила. Но такая победа бессмысленна. Когда–нибудь она обернётся для тебя поражением, и ты погибнешь, подобно мотыльку, что тянется на огонь свечи. Мотылёк сгорает, потому что тоже не может побороть желание. Желания – источник зла.

– Впервые... впервые слышу, чтобы победа считалась чем–то плохим... – пробормотала Тания, немало огорошенная оглашённым вердиктом. – Любой человек... Да любое живое существо всеми силами пытается достичь, чего оно хочет! Иначе зачем ему вообще жить? Как вообще успешное достижение желанной цели можно считать чем–то плохим?!

Но Реанна продолжала говорить, словно бы и не слышала её слов.

– И я тоже потерпела сегодня поражение, потому что так и не помогла тебе познать смирение. Поэтому если ты хочешь научиться сражаться, то я не гожусь тебе в учителя. Я не смогу ничему тебя научить.

На этих словах мелодичный голос умолк, словно бы тихо умер, а воительница отвернулась обратно к лошадиной сбруе. Вероятно, она только что истратила как минимум месячную норму разговоров и до прибытия в лагерь не собиралась более произносить ни слова.

Таня закусила губу и тоже замолчала, крепко задумавшись.

– Нет! – воскликнула она наконец. – Мне вовсе не нужно, чтобы ты становилась мне наставником или чем–то вроде того. Разве я просила подобного? Мне нужно, чтобы ты стала мне другом!

На голубоглазом лице Реанны будто бы промелькнуло лёгкое недоумение – единственное подобие эмоции, которое иногда удавалось там разглядеть. Однако оно никогда не получало развития. Таня подумала, может она выдаёт желаемое за действительное? Может, это просто такая особенность формы мускулов на её лице, и только?

Так ничего и не ответив, Реанна молча отвернулась, словно давая понять, что разговор окончен.

– погоди! – воскликнула Таня. – Я хочу ещё кое–что знать. Тогда, в сражении, ты ведь не собиралась меня убивать? Только обезоружить, да?

Реанна вновь посмотрела на неё своими голубыми глазами, в которых не читалось ничего.

– Ты боишься смерти? – спросила она.

– Что за странный вопрос? – обескураженно переспросила Таня. – Ну конечно же, я боюсь смерти. Все её боятся, потому что хотят жить! А ты разве нет?

– Я не боюсь смерти, – тихо прозвенел ровный голос. – Я уже мертва.

Реанна снова отвернулась к своим лошадям, а Таня замолчала, решив больше не приставать с расспросами. Она побоялась того, как далеко их может завести сей разговор.

Глава 11

«Пред тобой принц Киреан, первый сын сереброродного Фарлеана, Владыки Изерры и Государева стража Всебескрайних равнин!»

Одним из наиболее сложных испытаний, что предстояли Йеду, был поединок с опытным гвардейцем. Кандидатам требовалось доказать умение в обращении с любым типом оружия, на свой выбор. Конечно, подавляющее большинство выбирало меч, он же и был основным оружием королевской гвардии. Но не единственным: считалось, что каждый гвардеец должен следовать древнему примеру Халара, то есть уметь одолеть противника, имея в руках любое оружие, или даже просто случайно подвернувшийся предмет. Целью же испытательного поединка было доказать, что кандидату хватает упорства и терпения, чтобы в совершенстве научиться пользоваться хотя бы одним видом оружия. Это означало, что не будет проблем и с овладением любыми другими – уже по ходу службы.

Йед выбрал для поединка меч, как и большинство. Выбирать что-то необычное ему резона не было, ведь он родился сыном кузнеца и потому с мечами был знаком с самого детства. После того, как отец впервые свозил его в столичный дворцовый квартал, Йед никак не мог забыть тот отряд вооружённых гвардейцев. Увиденное зрелище глубоко запало ему в душу. И на следующий день он не нашёл ничего умнее, чем украсть пару готовых мечей из отцовской кузни и разыграть шуточный поединок с кем-то из деревни.

Должно быть, то был какой-то другой паренёк из деревни, местный сорвиголова. Только вот кто именно?... Йед его не помнил.

Так или иначе, шуточное сражение на настоящих мечах случайно увидел отец. Он страшно разгневался, поколотил Йеда, и впредь строго-настрого запретил ему брать что-либо из кузни без разрешения.

А на следующий день отец вновь отбыл в столицу – ничего никому не объясняя. Вернувшись, он на весь вечер засел один в той комнате, где хранил учёт своим столичным заказам. Йед рискнул тогда подсмотреть в щель приоткрытой двери: отец сидел за столом и неуклюже выводил на бумаге какие-то числа. Затем внимательно рассматривал заполненный лист и либо удовлетворённо хмыкал, либо дополнял написанное крепким словцом. Наутро же он разбудил Йеда спозаранку и велел запрягать лошадь, а сам вернулся в комнату, где ещё вчера упражнялся в арифметике, и вскрыл там подпольный тайник. В тайнике хранилось то, что кузнец сумел заработать своим трудом за всю жизнь: ларец, наполненный монетами. Отсчитав нужную сумму, он спрятал ларец обратно. А затем, ничего по-прежнему не объясняя, приказал Йеду садиться в повозку, а сам направил лошадь по столичному тракту на восток.

С тех пор Йед получал не очень частые, но регулярные уроки у одного из столичных мастеров по фехтованию. Уроки продолжались вплоть до последнего года, пока железный ларец в тайнике не опустел окончательно. Отец сумел рассчитать свои расходы с доходами аккуратно под достижение Йедом шестнадцатилетия.

Таким образом, Йед не был чужд искусству обращения с мечом. Но иллюзий на сей счёт он не испытывал. Да, он наверное превзойдёт большинство деревенских парней, как он сам. Быть может, есть шанс и против кандидатов из армейской среды. Ведь у большинства простых солдат всё же нет значительного боевого опыта. Они в основном такие же выходцы из простого люда, как и сам Йед, а владению мечом обучались в лучшем случае друг у друга. Профессиональных учителей у них точно не было.

Йед и без вчерашней речи сэра Тарбиса понимал, что победа над слабым или даже равным себе противником – не то, чем королевский гвардеец может гордиться. И значит ему не

победить в испытательном поединке, если он просто понадеется на удачу или судьбу. Нужно проверить свои силы заранее, причём с наиболее сильными из конкурентов. Прямо сейчас.

Йед оглядел площадь плотоядным взглядом охотника.

Нет, он конечно не собирался никого задрать, чтобы устроить банальный деревенский мордобой. Двоих таких драчунов сэр Тарбис выгнал за ворота только этим утром. Йед лишь хотел предложить кому-нибудь обычный поединок, можно сказать из спортивного интереса. Ведь в этом нет ничего плохого?

Среди пёстрой толпы особо выделялись персоны знатного происхождения: все хорошо экипированы, а у каждого на груди – родовой герб. Они давно уж скучковались единой группой, которая презрительно сторонилась всех прочих. И сейчас они занимались как раз тем, что тренировались искусству фехтования друг с другом.

В благородных семьях детей с детства обучают навыкам владения оружием, доводя их мастерство до совершенства. Разве найдётся здесь противник сильнее?

И не долго думая, Йед направился к ним.

Подойдя ближе, он заметил видного юношу. Это не он ли глядел вчера на Йеда со столь нескрываемым презрением? На груди его красовался вздыбленный серебряный конь.

– Чего тут забыл, деревенщина? Проваливал бы отсюда добром.

Путь Йеду преградил здоровенный амбал, на чьей груди багровела голова виторогого овна.

Однако Йед имел совсем иной план, нежели разжигать здесь склоку. Потому собрав всю свою волю, он твёрдо решил игнорировать любые грубости и насмешки.

– Извиняюсь за беспокойство, сир, – молвил он. – У меня есть одна просьба, но только не к вам, а к сударю с серебряным конём. Просьба об одолжении и одновременно предложение.

«Сударь с серебряным конём» с удивлением повернул голову. Его губы вновь скривились, как в отвращении.

– Верно слабоумный, – проскрипел зубами громила. – Ты понятия не имеешь, с кем связался, наглец. Разворачивайся, пока не поздно, да проваливай!

– Что же, я и впрямь не имею чести знать ваших имён, потому и не знаю, как верно обращаться. В таком случае, давайте представимся? Моё имя – Йед Велунд.

– Нам известно, кто ты таков! – рявкнул громила. – Небось решил, что если королевский советник Тарбис разок тебя похвалил, то ты теперь уже не грязный выскочка из деревни? Небось возомнил себя неизвестно кем? «Сударь с серебряным конём», говоришь? Да знаешь ли ты, наглец, что пред тобой принц Киреан, первый сын среброродного Фарлеана, Владыки Изерры и Государева стража Всебескрайних равнин?!

Но тут он осёкся, потому что означенный принц Киреан встал и остановил его знаком руки. Вид у принца при этом сохранялся такой надменно-брезгливый, словно он только что наступил ногой в коровью лепёшку.

– Что же бедняк может просить у принца Изерры, кроме подаяния?

По сторонам прыснули смешки. Принц Киреан продолжил, обращаясь уже не столько к Йеду, сколько ко всем присутствующим.

– Но самое занятное, что же этот мужик осмеливается мне предлагать? Чем столь ценным может обладать неотёсанный деревенщина, сын кузнеца, чего нет у среброродного принца, первого сына Владыки Изерры? Быть может, кузнечный молот? Но боюсь у моего отца уже есть Ревун, древний боевой молот, дарованный нашему роду самой Богиней!

Все громко расхохотались витиеватой шутке принца, а Йеду пришлось молча ждать, пока смешки не затихнут. Он с самого начала предвидел, что терпение тут потребуется незаурядное.

– Я бы хотел просить принца Киреана об уроке фехтования, – коротко ответил Йед. – И одновременно предложить свой. Проще говоря, испытательный поединок на мечех.

Лицо Киреана побелело под цвет серебряного коня на его груди. Все вокруг внезапно замолкли.

– Что?! Ты смеешь бросать мне вызов, мужик?

Йеду пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы не начать уже злиться в ответ.

– Все нет, – спокойно возразил он. – Это не вызов. Я не оспариваю ни достоинство принца Киреана, ни величие его отца, ни тем более благородство древнего рода правителей Изерры. Напротив, я признаю несомненное мастерство сереброродного принца во владении мечом, и потому прошу о товарищеском поединке с ним. Разве может принц убоиться проиграть сражение простому сыну кузнеца?

– Ну все, большей наглости стены дворцового квартала не вытерпят, – заговорил гигант с виторогим бараном на груди, хватая Йеда за отворот. – Я тебя сейчас сам перекину через те ворота. Ищи там «товарищей» под стать себе, среди таких же грязных свиней.

– Погоди–ка, Гиверис! – остановил его принц. – Я дам дурню то, чего он так просит. И пускай все они, – он сделал надменный жест в сторону площади, куда уже стягивались любопытные, – воочию увидят, почему им никогда не носить золочёных доспехов с королевскими давнами на груди!

Принц Киреан гордо вынул меч из ножен, украшенных богатой серебряной вязью.

Клинок издал радостное пение, словно и сам был бы рад проучить наглеца. У Йеда ещё не было даже меча, но кто–то из сочувствующих бросил ему свой.

Толпа сразу разделилась на два неравных лагеря. После вчерашней речи Тарбиса многие уже смотрели на Йеда как на своего кумира, но других – в основном как раз высокородных – это естественно лишь раздражало.

Принц не ожидал, что сын кузнеца сможет дать ему серьёзный отпор, потому надеялся обезоружить Йеда и закончить поединок в первые же секунды. Но противник оказался не таков. Киреан с удивлением обнаружил, что «неотёсанный деревенщина» довольно привычен во владении мечом: и отбивает его выпады, и даже сам пытается атаковать в ответ.

Поединок грозил затянуться, только подогревая страсти между столпившимися зрителями. Этого принц никак не мог допустить.

– Ишь чего! – рявкнул Киреан, напирая на противника. – Ещё и победить задумал! Не для того меня прозвали Серебряным клинком Изерры!

Тут Йед понял, что допустил какую–то ошибку: Киреану удалось перехватить инициативу. Он вдруг обнаружил, что едва успевает парировать удары противника. И вот клинок его уже зазвенел по мостовой в сторону, а остриё меча противника замерло, упёршись ему в грудь. Киреан выиграл поединок без всякого труда.

Принц стоял с гордо поднятой головой.

– Вот тебе тот урок, о котором ты так просил! Никому не одолеть Киреана, сереброродного принца Изерры! Уж точно не какому–то мужику из кузницы, возомнившему себя достойным службы в гвардии короля.

Он с надменным видом отвернулся было от проигравшего, чтобы направиться прочь, как вдруг загремел бас Гивериса.

– А это ещё один урок, уже от меня! На закрепление!

Громила неожиданно поравнялся с Йедом и со всего размаху двинул ему кулачищем в челюсть.

От удара Йед не смог устоять на ногах. Толпа ахнула от неожиданности, но Гиверис лишь расхохотался и сделал к Йеду ещё один угрожающий шаг.

Неизвестно, чем бы всё это закончилось, если бы из толпы не раздался голос.

– А ну оставь его! Только трус станет бить безоружного!

Голос принадлежал бритоголовому монаху, тому самому, который вчера назвался именем Мерон. В руке он держал длинный боевой шест, а на лице читалась суровая решимость. Следом на подмогу выступили ещё несколько человек. Причём – на подмогу обеим сторонам.

– Это было совершенно лишнее, Гиверис! – осадил его принц, которому совсем не понравилось такое развитие его победы. – Не забывай, где ты! Зачем сам уподобляешься этому сброду? Тем более, что сын кузнеца и так уже потерпел поражение от моего меча. Этого было достаточно.

Дело всюю уж пахло крупной дракой, но Гиверис ни капли не растерял своей удали, даже перед лицом явного численного преимущества.

– Ну давай! – взревел он. – Нападай, кому жизнь не мила! Кого тут первым живьём выпотрошить?!

Слов Киреана он будто и не слышал.

И как раз в этот момент на площади появился никто иной, как свирепо вращающий глазами сэр Тарбис. Похоже, стража позвала его, завидев ещё поединок Йеда с Киреаном.

– Крысоухие отбросы блохастых шайянатских козлов! Дери вас Старый мир и тысяча рогатых сатиров впридачу! Сожри вас свора диких давнов, с потрохами и без отрыжки! Хвост дохлого дракона вам в глотки!

От более развязных ругательств его удерживало только присутствие хмурого служителя Маэла, который молча шествовал подле него.

– Мои слова – что ветер, задувающий эхо в ваши пустые раковины промеж ушей? Только утром я лично вытурил вон двоих безмозглых петухов, а теперь вы все готовы сцепиться!

Сэр Тарбис подошёл к уже поднявшемуся Йеду.

– Ты?! – прогремел он. – Вот уж тебя я меньше всего ожидал увидеть посреди этого балагана!

Йед понял, что объясниться необходимо немедленно, иначе будет поздно.

– Прошу меня простить, сэр Тарбис, но это совсем не то, чем кажется! Это была совсем не драка. Мы с принцем Киреаном всего лишь тренировались перед испытанием. Просто народ вокруг разнервничался от азарта!

– Вот как?! – прорычал королевский стратег. – Видать ты меня ещё и за дурака держишь, наглый юнец?

– Он говорит правду, – раздался гордый голос позади.

Это вмешался сам принц Киреан.

– Всё верно, – продолжил он, – сын кузнеца попросил меня об одолжении в виде урока фехтования, и я, принц Киреан, первый сын среброродного Владыки Фарлеана, согласился преподавать этой бездарности урок. Моё слово чести, что всё было так. Надо ли упоминать, что я мастерски выиграл поединок...

– Среди королевских гвардейцев не бывает среброродных принцев, – остановил его вкрадчивый голос.

Шум и гвалт сразу стих, стоило лишь зазвучать мягкому голосу Посланника Синода. Пусть служитель Маэл не носит пышных одежд и короны, не содержит дворцов, полных снующих слуг, а на его груди нет фамильного герба, но он здесь выше самого короля. Одним своим нечеловеческим взглядом Чтецы внушали уважение, страх и покорность. Все знали, как они могут быть опасны.

– Разве советник Тарбис не объяснял вам? – продолжил Маэл. – Забудьте всё то, чем вы были раньше. Если вы поступите на службу в гвардию короля – вы станете там братьями. И там уже не будет ни низкородных, ни благородных, ни среброродных, ни даже златородных. Значение имеет только то, что вы сами из себя представляете, а не заслуги вашего рода. Вы собираетесь поступать на королевскую службу, но есть Та, кто превышает даже королей. И будь ты кузнец, монах, знатный лорд, или хоть сам король, в Её глазах каждая душа, даже заблуд-

шая, – бриллиант, сверкающий во тьме. И священный символ, который каждый из вас хорошо знает, – Маэл поднял свой рукав с четырехконечной звездой, – призван, чтобы вечно напоминать людскому роду эту истину.

– Я и сам по себе стою немало! – зазвучал голос Киреана, сохранивший нотки надменности даже в присутствии Посланника Синода. – Я победил сына кузнеца вовсе не из-за того, что я принц, а потому, что во владении мечом мне нет равных во всей Изерре! Да и за её пределами достойного противника мне тоже не сыскать!

– Если бы ты внимал вчера моей речи как следует, – холодно осадил его сэр Тарбис, – ты бы понимал, что побеждать в поединках – слишком мало, чтобы стать достойным гвардии короля. Что ты скажешь, если тебя назначат под командование этого парня, – он указал на Йеда, – или какого другого? Станешь ли ты исполнять их приказы, позволит ли тебе это твоя гордость? Если нет, то лучше тебе добровольно уйти за эти ворота, принц Киреан. Я не стану тебя выгонять, но вовсе не из-за твоей знатности, а потому что на этот вопрос тебе предстоит ответить самому для себя.

Принц Киреан нервно сжал губы, бросив на Йеда яростный взгляд. Он понял, что сейчас ему лучше промолчать.

Сэр Тарбис тем временем тоже повернулся к Йеду.

– А ты!... Ещё раз увижу, как ты снова заварил подобное, – вылетишь за ворота немедленно! Вы все тогда вылетите, не сомневайтесь! – обратился Тарбис к остальным. – Один год гвардия и без дюжины человек перебьётся. Вам всё ясно? Не слышу!

– Так точно, сэр Тарбис, – хором ответила толпа.

Удовлетворившись ответом, королевский стратег смирил свой гнев.

Все в итоге отделались лёгким испугом, за исключением Йеда. От удара Гивериса губа у него кровоточила.

Впрочем, самому Йеду было не до рассечённой губы. Галдящая толпа обступила его со всех сторон. Несмотря на проигрыш в сражении с принцем, Йед вдруг стал героем для многих. Он дал им надежду.

Под восхищённые возгласы Йеда подхватили на руки, и толпа радостно унеслась с ним прочь.

Глава 12

«Никто нынче не помнит, что такое RAMORULANAVA»

– Вот, держи. У тебя опять губа кровоточит.

Монах с шестом протягивал Йеду кусок чистой ткани.

– Моё имя Мерон, – сказал он. – Не знаю, правда, чей я сын, ибо сирота. Слыхал наверное об Обителе тысячи сверкающих душ? Так вот, я оттуда. Рад знакомству, Йед Велунд, сын кузнеца!

Йед с радостью пожал протянутую руку.

– Благодарю, что вовремя вступился, – сказал он, прижимая кровавую губу. – Если б не ты, не знаю что бы со мной сделал тот громила с красным бараном.

Мерон лукаво улыбнулся.

– Не выйди я первым, это сделал бы кто-то другой. Ты же видел, как все тебя полюбили. Они теперь считают тебя своим защитником, даже лидером, пожалуй.

– Может ты и прав, но я совсем не искал всеобщего признания. Я просто хотел проверить свои силы перед испытательным поединком. Не стремился я ни к какому лидерству, и ссориться ни с кем ради этого тоже не желал. Да я и знать не знал, кем был тот парень с серебряным конём на груди! Просто из всех он мне показался самым опытным в фехтовании и... и ещё самым честным. Наверное...

– Ну ты даёшь, друг, – рассмеялся Мерон. – Наверное, как раз такая непосредственная простота всем и понравилась. Что же... Тогда я поведаю, кого ты имел неосторожность вызвать сегодня на поединок! Но начать придётся издалека...

Мерон взял в руки шест и прочертил на земле толстую линию – снизу вверх.

– Итак, представь себе, что этот вертикальный ствол – королевская династия. Кейлейской династии уже почти тысяча лет, а начало ей положил великий правитель древности, король Аларис по прозвищу Правоверный, чья статуя стоит там, на площади.

Монах ткнул шестом в нижнюю часть черты.

– На древний манер его имя звучало как Халар, или Галар. Отсюда и название династии – Галариды. Халар–основатель – первый из Галарид.

Мерон провёл конец шеста вдоль всей полосы, остановив его у самой верхней точки.

– Ныне милостью Богини нами правит король–регент Рамис Первый. Но пусть тебя не смущает добавка «регент». С благословения Посланника Маэла молодой Рамис коронован по всем правилам, и теперь он полновластный правитель страны. Слава Шамине, отец его – старый король Аларис Двадцать девятый, прозванный Свирепым, – всё ещё жив. Но ко всеобщему несчастью, он отнюдь не в добром здравии. Уже давно его постигло неизлечимое безумие... В таком состоянии старый король больше не мог править государством. И тогда Синод объявил Высшую волю: старый Аларис был отрешён от трона, но с сохранением всех монарших почестей. Потому и все прежние величания за ним остались. Аларис Свирепый по–прежнему наш король, хоть и не правящий. Потому–то для Рамиса и пришлось изобрести столь странный титул «король–регент». Впрочем, это исключительная ситуация. В последний раз подобное бывало уж не помню сколько веков назад...

Мерон вновь обратился к рисунку. Теперь он добавил несколько ветвей, отходящих от единого ствола.

– Конечно же, у королей часто бывает не один наследник. Лишь старший сын наследует трон и корону, но все прочие отпрыски сохраняют златородный титул. Они могут зачастую основывать собственные побочные семейства, которые будут расти и ветвиться дальше – сами по себе. Так растёт золотое древо Кейла, что от монаршей крови.

Высунув кончик языка, монах тщательно подрисовал к голым ветвям пышную крону. Получилось и впрямь дерево.

Разглядывая рисунок, Йед удивлённо выгнул бровь. Мерон явно обладал художеским талантом.

– Златородные, – продолжал тот, – это высшая знать королевства, наиболее приближённая к трону. В спорах о престолонаследии права могут предъявлять лишь златородные, и даже Синод в эти вопросы не вмешивается. Разве только Богиня властна нарушить заведённый порядок и поставить королём кого–то на свой выбор, даже сменить правящую династию. Такое и называется Высшей волей. Но в последний раз династия у нас менялась тысячу лет назад, как раз во времена Халара.

Мерон замолк, грустно глядя на собственный рисунок.

– Я тут разошёлся, конечно. Нынче золотое древо Кейла вовсе не такое пышное, как я нарисовал. Со времён Войны кузенов оно только хиреет и чахнет... Впрочем, я отвлекаюсь.

Мерон нарисовал по бокам ещё парочку деревьев, пониже первого.

– В королевстве есть и другие древа, кроме золотого. Следующие по благородству и величю за златородными – серебородные. Это самые могущественные и уважаемые родовые дома королевства. Только серебородные вправе именовать своих наследников принцами, как королевских наследников. Иногда монарх может возвысить какой–то из знатных родов помельче за заслуги и, как говорят, пожаловать ему серебро. В истории случается иногда, хоть и нечасто.

Наконец, под серебряными древами Мерон небрежно начертил несколько совсем небольших кустиков.

– Вся же остальная знать – это наиболее низкородные из всех высокородных. Почти все они – в вассальном подчинении, обычно у кого–то из серебородных, либо даже у друг друга. Ну а земля, из которой вся эта дубрава растёт – это ты да я. Простолюдины. Вот так и устроено наше королевство. Удивлён, что ты всего этого не знал.

– Да знал я, знал, – едва не покраснел Йед. – Но мы же говорили о другом. Ты хотел рассказать, кто такой этот Киреан. И как его можно было узнать заранее.

Йед отметил про себя, что Мерон, похоже, любит уклоняться в сторону, рассказывая вначале общеизвестные вещи, а только потом – то, что у него спрашивали изначально. Так было и с его рассказом про лопату Халара, и теперь. Как будто пересказывая хорошо известное, он получал некое тайное удовольствие.

Мерон тем временем задумчиво разглядывал нарисованную им лесную рощицу.

– Весьма легко отличить серебородного или златородного от прочих из благородных, – молвил он. – Дело в том, что лишь златородные вправе использовать золотой цвет на своих гербах и флагах, или само золото – в украшениях лат, щитов, или оружия. И этой возможности они никогда не упустят. Точно также и серебро разрешено носить лишь серебородным. Прочим же из знатных персон можно использовать любые другие цвета, кроме золота и серебра. Ты видел на груди Киреана серебряного коня, а значит мог бы сразу понять, что перед тобой – кто–то серебородных. А Гиверис с его красной головой барана куда ниже по статусу.

– А как... Как род Киреана заслужил своё серебро? – поинтересовался Йед. – Или они всегда были серебородными?

– О, это отдельная большая история, – оживился Мерон. – Род правителей Изерры по этой части совершенно особенный. Дело в том, что несколько веков назад Изерра была отдельным королевством со своей королевской династией, и Киреан – её прямой потомок.

– Вот как? – удивился Йед. – А я, честно признаюсь, думал, что Изерра всегда была с нами. Ну, как те же атрийские земли на востоке...

– Ничего подобного, – помотал головой Мерон. – Точно не про Изерру.

– И что же у нас произошло, из–за чего Изерра стала частью Кейла?

– Произошло не у нас... Ты должен знать, что к северу от наших границ простираются суровые степные земли, бедные, негостеприимные и продуваемые безустанными ветрами. Издревле их населяли племена воинственных кочевников. Они совсем не похожи ни на нас, ни на никкерцев, вообще ни на кого. Говорят, они когда-то пришли из земель за Закатными горами... Но точно никто не знает. Так или иначе, их зовут кахарами. И долгое время Кахария оставалась полудикой страной, раздираемой племенными междоусобицами. Но триста лет назад кахарские вожди – на тамошнем наречии шаи – объединились вокруг единого правителя, самого сильного и воинственного из всех них. Он назвал себя Шадын–Шай, что значит Отец вождей, и вот вместо разрозненных племён на северных землях появился могучий Кахарский шайянат. И здесь... Здесь нужно сказать, что законы Шамины запрещают странам Междуморья воевать друг с другом. Ну, за редкими исключениями, когда война сочтена справедливой. Обычно же все разногласия и конфликты разрешаются при посредничестве Синода как высшего суда всех народов. Однако в полудиких степных шайянатах волю Синода всегда уважали куда меньше, нежели в Кейле. А с возвышением воинственного Шадын–Шая для Изерры и Кейла возникла серьёзная угроза. Он собирался напасть на нас, вопреки законам Богини. И вот тогда по совету Синода правители Кейла и Изерры сочли за благо объединить свои королевства в одно, которое бы встало могучим щитом на пути Шадын–Шая. То единое государство с тех пор и именуют Великой страной Кейл.

– Странно... – нахмурился Йед. – Почему я вообще ничего не слыхивал о той войне?... И это сработало? Шайянат удалось тогда победить?

– А войны так и не случилось, – сказал Мерон. – Потому ты о ней и не слышал. Шадын–Шай, или скорее знать в его ближнем окружении, устранился объединённой мощи Кейла и Изерры. При помощи дипломатии Синода кровопролития удалось в итоге избежать, а Кахарский шайянат – умиротворить. С тех пор с ними держится худой, но всё же мир.

– И после тех событий, когда мы с Изеррой стали одной страной, короли Изерры и сделались среброродными вассалами нашего короля?

– Да, Изерра была меньше и первой стояла на пути кахарских орд. Поэтому её правитель попал в тяжкое положение. Он был вынужден обратиться в Кейл с просьбой о помощи. Но малые страны часто отличаются особой гордостью и упрямством, и Изерра – лучшее тому подтверждение...

– Это точно, – фыркнул Йед, – изеррийская гордость из Киреана так и прёт! Это уже даже спесь, а не гордость!

– Ну так вот... – продолжил Мерон, не сдержав улыбки. – Ни угроза гибели и истребления, ни давление Синода не заставили бы короля Изерры просто так низвести себя до среброродного лорда соседней страны. Потому ему даровали особые привелегии, каких тогда ни у кого из среброродных не было. Он получил титулы Владыки Изерры и Государева стража. Владыка – это просто красивое величание, хоть и единственное в своём роде. А вот знак Государева стража даёт полномочия лично представлять короля на определённой территории, фактически быть там полновластным хозяином. За изеррийскими Владыками закреплены Всебескрайние равнины, что отделяют восток от запада. Они намного превосходят Изерру, это можно сказать полстраны. Поэтому род Киреана стоит выше прочих среброродных домов. Он всего на полступеньки ниже златородных.

Йед задумался, переваривая услышанное. Ко стыду, после рассказов Мерона он ощущал себя полным дундуком из деревенской глуши. Байки стариков в родной деревне, которые трудно отделить от легенд и сказок – это все уроки истории, которые у Йеда были. Но монах оказался весьма искущён в истории. И хотя поведал он пока что совсем не много, в его устах эти рассказы внушали куда большее доверие.

– Мерон! – восхищённо произнёс Йед. – Ты знаешь все!

Тот лукаво улыбнулся.

– Лишь Богиня всеведуща. Я просто знаю чуть больше некоторых.

– И этому... Этому всему тебя обучали в монастыре? В Тысяче сверкающих душ?

– Специально там мало чему обучают, – вздохнул Мерон. – По крайней мере, не истории. Я сам прочёл немало книг в библиотеке... И летописей... Только вот... Эх...

Мерон вдруг потупился и отвёл взгляд.

– Не расхваливай меня попусту, потому что... Потому что на самом деле я лжец. Я никакой не монах уже давно. На самом деле меня...

Мерон опасливо огляделся, словно боялся, что их кто-нибудь подслушивает.

– Меня выгнали из Тысячи сверкающих душ.

Эти слова грохнулись на Йеда подобно грому с небес.

– Тебя? – выпучил он огорошенные глаза. – За что?

– За «слабость духа и плоти». Так сказано официально, это одна из обычных причин. Ну например за пьянство, если попроще. Однажды я повёл себя весьма глупо и недостойно, и настоятель жутко разозлился.

Подробностей своего проступка Мерон рассказывать явно не хотел, и Йед тактично не стал выпрашивать.

– Но это в голове не укладывается... – сказал Йед. – Если ты столько всего знаешь, читал много книг... Я настоящих пьяниц видел не раз, и ты на них не похож ни капли!... А я... Я вот даже читать не умею! Не верю, что тебя было за что выгонять. Это несправедливо! Твой настоятель поспешил и не обдумал все, как должно!

Тут глаза Мерона загорелись благодарным огнём. Он видимо давно хотел услышать от кого-нибудь именно такие слова.

– Ты прав! – прошептал он с воодушевлением. – И именно потому я здесь! Я пройду все испытания и стану королевским гвардейцем! Так я докажу игумену, что он во мне ошибся. Что я совсем не таков, как он считает! Он тогда поймёт, кого выгнал, кого потеряла Обитель по его вине, и собственным языком подавится!

– Пройти испытания... – похмурил Йед. – Эх, совсем не простое это дело. Совсем не простое...

– Ну, ежели не получится, – лукаво ухмыльнулся Мерон, – значит, настоятель своим языком не подавится. Пусть живёт тогда, что делать. Но с боевым шестом я за это время научился обращаться неплохо, это ведь наше старинное монашеское оружие как-никак. Думаю, у меня есть шанс. Почему же не попытать удачи?

– А вот насчёт себя я совсем не уверен, – пробормотал Йед. – Да и простого шанса мне мало. Принцу Киреану я в сражении слишком быстро проиграл, и это плохо.

Йед огляделся по сторонам, словно в поисках нового подходящего противника. На глаза ему снова попался королевский герб – сердце, пронзённое мечом.

– Я вот поступаю в гвардию короля, но даже слова этого с королевского герба не понимаю, – сказал он. – Ты можешь прочесть?

– RAMORULANAVA... – задумчиво проговорил Мерон. – Буквы легко читаются, но это какая-то абракадабра. Здесь, наверное, сокращение целой фразы, где от каждого слова осталось по букве... Хотя нет... Я что-то об этом читал...

Он усиленно наморщил лоб, одновременно зачесав в затылке.

– Да, знаю! – выдавил он наконец. – Считается, что тут очень древний язык, давно мёртвый. А точный смысл затерялся в веках. Никто нынче не помнит, что такое RAMORULANAVA.

– Никто не помнит... – эхом отозвался Йед, заворожённо разглядывая Халаров герб.

* * *

– Я гляжу, ты не по чину упрям, сын кузнеца! – выкрикнул Киреан в очередной попытке пробить отчаянную оборону Йеда. – Ты не понимаешь, когда тебе говорят! Не понимаешь и когда тебя бьют! Уж поверь, тебе не бывать в королевской гвардии! Такому желторотому вообще не стоило покидать свою кузницу!

Меч Йеда вновь зазвенел прочь по мостовой. Как и в предыдущий раз.

– Больше не вижу в этом смысла, – заявил принц. – Ты безнадёжен.

Он вложил клинок в роскошные фамильные ножны, разукрашенные тонким серебряным узором.

– Хотя... Какой–никакой опыт у тебя есть, что необычно для деревенщины. Кто тебя обучал?

– Отец нанимал одного мастера фехтования в столице, – ответил Йед, отерев рукавом капли пота со лба.

Принц Киреан рассмеялся во весь голос.

– Да все эти выскочки, именующие себя мастерами, горазды лишь на дуэлях друг с другом драться! В Изерре большинство таких «мастеров» уложит и рядовой боец, будь у него мало–мальский опыт. Возвращайся лучше домой и скажи своему отцу, что он выбросил средства на ветер!

Этих слов среброродному принцу произносить не следовало.

Йед и без того уж порядком устал от вечно надменного тона Киреана, а столь бестактное напоминание об отце разбередило ещё свежую рану. Он резво подхватил свой меч, а в следующий миг остриё уже уткнулось в грудь ничего не ожидавшего принца.

– Я ничего не могу ему сказать, потому что он мёртв! Его убила чума! Не смей так говорить о нем! И возвращаться мне некуда, потому что мой родной дом сожжён! Вся моя жизнь обратилась пеплом!

Если бы среброродного принца не защищал кожаный панцирь, то Йед бы его точно проткнул. Киреан весь застыл от изумления, уставившись в пылающие глаза Йеда. На лицо ему тут же вернулась прежняя надменная белизна.

– Да ты верно совсем зазнался, мужик! – прошипел он. – Как смеешь указывать, что делать среброродному принцу Изерры! Как смеешь касаться его! Гиверис... Гиверис тебя ещё мало тогда прочил!

Гневно сверкнув глазами, он выхватил свой меч.

Йед понял, что зря дал волю эмоциям. Всего за секунду в его сознании пронеслись сцены безрадостного будущего. Эта стычка кончится для Йеда тюрьмой, с которой он недавно уже имел несчастье познакомиться. Как же теперь удивится тот карлик–тюремщик, заведя Йеда вновь! Наверняка закроет его в той же камере. Если конечно сам Киреан не убьёт Йеда прямо здесь и сейчас.

Разумеется, им обоим теперь не видать никакой королевской гвардии. А значит, если Киреан не убьёт его сейчас, то точно зарубит за пределами дворцового квартала, как главного виновника своей неудачи.

– Не в этот раз, дружище, – вдруг раздался незнакомый хриплый бас. – Знаешь ли, стража нас отсюда не видит.

Из–за угла выступил крепкий человек в порядке истрёпанном, но добротном военно–походном облачении. А следом – несколько таких же крепких парней.

Йед уже видел эту пятёрку среди кандидатов в гвардейцы. По внешнему виду они были кем–то вроде простых солдат–пехотинцев, а быть может ветеранов или наёмников. Все при оружии.

– Как ты тогда говорил, братишка? – сказал неизвестный служивый, подходя к Йеду с Киреаном. – Помощь и взаимовыручка? Что же, мы это умеем. Отойди–ка в сторону, а мы выбьем всю спесь и заносчивость из сереброносного жеребца.

Солдат бесцеремонно ткнул костяшками кулака в гарцующего коня, что красовался на груди принца Киреана. Как будто перед ним никакой не принц был, а нашкодивший дворовый хулиган.

Йед вспомнил, что на этот раз они с Киреаном сами выбрали для сражения укромный уголок у конюшен, дабы больше не привлекать к себе любопытных. Навряд ли кто–то сюда случайно зайдёт и увидит, что здесь назревает.

– Да я порублю вас на куски, как скот рубят на мясо! – в ярости закричал Киреан, направляя меч то на Йеда, то на заявившуюся пятёрку. – Вы решили, что какая–то солдатня сможет одолеть Серебряный клинок Изерры?

– Ой ли? – скептически покачал головой солдат, с хрустом разминая пальцы. – Впрямь ли серебряный хвостун так хорош, как заявляет? Впрочем, даже если и так, у каждого человека найдётся какое–нибудь... слабое место. А у таких гордецов, как ты, их целый короб. Не забывай, принц, что убийство конкурентов на этих священных испытаниях ляжет позорным пятном и на тебя, и на твоего отца, и на весь твой хваленый род. Не говоря уж о том, что и королевской гвардии тебе тогда точно не видать.

Лицо Киреана вначале покраснело от ярости, а затем побелело. Он с ненавистью озирает пятёрку суровых противников, но не смел нападать первым.

– И что ты сделаешь, принц? – продолжил солдат. – Пожалуешься на нас сэру Тарбису или своему сереброродному папаше, как бедный мальчик, которого обидели хулиганы? О нет, думаю ты не посмеешь даже рассказать, что Серебряный клинок Изерры оказался побит какими–то жалкими смердами. Так что мы здесь ничем не рискуем, кроме твоей неуёмной спеси, принц. Вот её мы из тебя сейчас и выбьем.

– Эй–эй, – вмешался Йед, – давайте–ка мы все остынем и успокоимся, покуда не наворотили лишнего!

Все, включая и Киреана, недоуменно обернулись в его сторону.

– Благодарю, друзья, за помощь, – продолжил он, – но она мне совсем не требуется. Здесь только наше с принцем дело, не нужно вмешиваться.

– В чем дело, брат? Ты что, испугался этого тщедушного хвостуна?

– Не в этом дело. Мои слова про взаимовыручку ты понял только со своей стороны, но сам ведёшь себя не лучше того Гивериса. Ты поставил Киреана перед унижительным выбором. Ты не уважаешь чужую честь, а это недостойно королевской гвардии.

– Да что за ерунду ты метёшь? – возмущился предводитель пятёрки. – Я думал, мы с тобой на одной стороне! На стороне простого народа! Ты же сам простой сын кузнеца... Мы должны стоять все вместе, как ты сам тогда говорил! А этот надменный вымесок...

– С каких пор у нас тут появились стороны? – удивился Йед. – Я явился сюда поступать в гвардию короля. И хоть я пока что не гвардеец, но я знаю чего это стоит. Если ты презираешь Киреана за одно только его происхождение, то чем ты лучше его? Помнишь, как нам говорил сэр Тарбис? Гвардейцы все как братья. Мы здесь должны стоять вместе вообще все, а не только свои против других своих.

– Братья? – фыркнул солдат. – Этот надменный гордец тебе уже брат? Да такие, как он – он указал на Киреана – сущие нелюди, один хуже другого!

Он расходился всё сильнее, словно не мог уже остановиться.

– Они называют себя «благородными», но всегда живут на труде таких же простых рабят, как твой отец! А от народного гнева прикрываются сотнями простых пехотинцев, как мы! Они все – как гнойные прыщи на теле нашей древней земли!

– Знаешь что... – нахмурился Йед. – Мне думается, что сейчас из беды надо Киреана выручать, а не меня.

Он подобрал свой меч, и шагнул в сторону принца, который глядел на него, как на сумасшедшего. Йед же вытянул меч в сторону пятерых противников.

– Пятеро против двух. Так куда честнее, чем шестеро на одного.

– Вот значит как? – пробормотал солдат. – Поднял оружие на своих же? Я был о тебе лучшего мнения. Ты верно решил, что этот серебородный жеребец теперь сделает тебя своим любимчиком? Да он предаст тебя при первом же случае или продаст, как вещь. Отбой, парни, – повернулся он к обескураженным спутникам. – Нам нечего тут больше делать.

Пятёрка направилась туда, откуда явилась, не стесняясь бросать презрительных взглядов. Проходя мимо Йеда, их предводитель на секунду замешкался и медленно повернулся к нему.

– Сегодня ты предал своих товарищей, сын кузнеца. – пророкотал он своим утробным басом. – И я этого не забуду. Я Глах Кенунд. Запомни это имя, ибо оно принадлежит твоему врагу. Когда–нибудь и у тебя тоже обнаружится... слабое место.

Он с отвращением плюнул Йеду под ноги, затем развернулся и пошёл вслед за остальными.

Йед огорошенно смотрел вслед удаляющемуся Глаху, пока тот не скрылся из виду, оставив их с Киреаном одних.

– Я бы и в одиночку порвал этих псов в клочья, – первым нарушил тишину принц. – Твоя помощь мне вовсе не требовалась. Однако как ни крути, честь теперь требует, чтобы я простил твоё поведение перед тем. Но не думай, что я обязан тебе чем–то большим, сын кузнеца!

Даже и не взглянув на Йеда, серебородный принц вложил свой меч в разукрашенные серебром ножны, а сам направился туда же, где скрылся Глах со своей компанией.

Но вдруг он остановился, не успев сделать и нескольких шагов.

– Ты сказал, что отец твой умер от чумы? – спросил он, развернувшись вполборота.

– Всего несколько дней назад в деревне неподалёку разразилась невиданная никем колдовская чума. Она появилась из горного подземелья... И все умерли всего за день, кроме меня. Не знаю, почему я один выжил.

– Вот оно что... – протянул Киреан. – Скорбное известие и скверная участь... А я ничего об этой чуме не слышал... Видимо в столице решили пока держать всё в секрете, чтобы не сеять паники.

Он окончательно повернулся к Йеду и сделал шаг вперёд.

– Мой отец Фарлеан, прозванный Неодолимым, жив и в добром здравии, однако матери давно уж нет в живых. Не думай, что мне неведома твоя боль. Но она не помешала мне заполучить прозвище Серебряного клинка Изерры. Пожалуй... в каком–то смысле даже наоборот.

Словно бы испугавшись, что сообщил лишнего, Киреан осёкся и решил переменить тему.

– А что касается твоих умений... В сражении ты слишком озабочен защитой слабых мест. Вот в чем твоя проблема. Ты рассеиваешься по мелочам и в итоге всё равно остаёшься слаб. Нельзя победить врага одной обороной. Нужно сперва найти то, в чем ты силён, и научиться использовать свою силу дерзко и без опаски. Однако... однако знай, что даже после тысяч тренировок с лучшими учителями у тебя не будет ни малейшего шанса победить в бою серебородного принца Киреана из Изерры!

– Что же, принца Киреана мне вовсе и не надо побеждать, – резонно заметил Йед. – Мне всего лишь нужно победить в испытательном поединке одного из гвардейцев–ветеранов. Точнее, даже не победить, а хотя бы просто выстоять в бою дольше прочих кандидатов.

– Шанс может и есть, – молвил Киреан, – смотря кто тебе попадётся. Но противник ты слабый, так и знай. Уже объяснил, почему.

– Так не поможет ли мне среброродный принц, – лукаво ухмыльнулся Йед, – отыскать ту самую сильную сторону, с которой можно будет идти в бой дерзко и без опаски? Или он боится, что так я составлю ему серьёзную конкуренцию?

– Чему тебя точно не требуется учить, так это деревенским сермяжным манерам, – фыркнул Киреан. – А вот с твоим ужасным фехтованием... пожалуй, не поздно ещё что-то сделать.

Глава 13

«Вокруг лишь сиянье тысяч огней,
Да пламень и жар кругом»

– Так мы не из Атрии родом! Мы из равнинных земель, что отделяют восток от запада. Вот и имена такие. Нас командующий там набирал, земляк потому что. Сам я зверолов потомственный, сын зверолова, даже дед мой зверолов был. Могу выследить дичь, так как знаю все звериные повадки, где искать, как ловить, как зайти, чтоб не вспугнуть. Но не только. Кто хорошо понимает природные приметы, тот годится в разведчики. Могу найти дорогу и не заплутать где угодно. Могу загодя приметить, если где скопления людей – войска, к примеру. Сам при этом останусь незамеченным. Ну и тому подобные вещи. Потому и стал разведчиком. И более того – я при штабе у нас Первый разведчик!

Живан гордо ударил себя в грудь, так что и лошадь под ним тоже горделиво всхрапнула. Она ведь несла на себе не простого разведчика, а Первого! А Тания краем глаза заметила, как его товарищ вздохнул и отвернулся, обхватив лоб пятернёй, словно от усталости. Он делал такой жест всякий раз, как Живан хвастался, что в разговоре с Танией происходило нередко.

Однако на сей раз этот жест не остался незамеченным.

– И всё–таки это совсем не честно... – добавил Живан, наконец догадавшись, что не в меру болтлив. – Мы к тебе как к родной, и разговорами развлекаем, и припасами делимся, и в свой отряд взяли, и даже вот лошадь ещё одну раздобыли...

– И какую чудесную! – перебила его Тания. – Таковую... послушную! Смотри, как мы с ней уже подружились!

Она ласково потрепала кобылицу по холке, и та откликнулась довольным ржанием.

– А лишнюю лошадь в этих краях достать совсем не так легко! – продолжал Живан. – И недёшевы они. Но вот ты нам о себе ничего толком даже не рассказала. Кто ты вообще такая? Только не надо опять повторять, что ты простая деревенская девица. Я сам видел, как ты дралась с Реанной, да и вообще на простую пастушку ну никак не похожа.

– Да не пастушка я, а дочь кузнеца! – возмутилась было Тания, но тут же замолчала, заметив на лице Живана разочарованное выражение.

– Имей хотя бы уважение и не держи нас за дураков!

Действительно, будь она даже сыном кузнеца, а хоть и самим кузнецом – невозможно оправдать такое мастерство в сражении. Однако она совершенно точно не собиралась никому рассказывать о своей магической книге из горного подземелья. Даже Живану... И даже Реанне.

– Ну хорошо... – протянула она, чтобы сгладить паузу. – Я... я...

Что же им сказать, чтобы они в это поверили?

– Ведьма! – выпалила она.

Так её назвал Посланник Маэл. А почему бы и нет? Кто она теперь ещё, если не ведьма? Ежели у неё и свой фамильяр есть – та самая серебристая книга.

Живан недоверчиво прищурился.

– Ведьма? – молвил он, словно пробуя это слово на вкус.

– Только это тайна! – спохватилась Тания. – Никто больше не должен знать. Кроме вас.

– То есть... Ты кто–то вроде знахарки? Это ты какое–то секретное снадобье тогда выпила, что так дралась с Реанной?

– Да нет... Я не делаю снадобий, и лечить людей тоже не умею. Я ведьма по другой части... Но больше ничего не скажу. Может только вашему командующему... как там его...

– Воеводе, – поправил Живан. – Он сам так любит себя называть, на старинный манер...

Необычное объяснение заставило Живана призадуматься. Стоит ли верить?

– Что ж, – отозвался он наконец, – ведьма так ведьма. Так хотя бы понятно, что к чему. Здесь, на западе, нас тоже часто называют колдунами, как я погляжу. Колдуний у нас в лагере ещё не бывало, но думаю ты окажешься полезна...

– А какая у вас под столицей цель была? – рискнула спросить Тания. – Зачем вас послали?

– Этого не скажем, – вклинился в разговор ехавший неподалёку второй из разведчиков. – Нам запрещено.

– Жвиж прав, – подтвердил Живан. – Ты тоже нам далеко не всё рассказала, и я не выпрашиваю. Дружба дружбой, но... как и любая хрупкая вещь, дружба требует деликатности!

Тания удивлённо выгнула бровь.

– Это на равнинных землях в деревнях так говорят?

– Да нет... – махнул рукой Живан. – Это я у воеводы раз подслушал, на военном совете. Но разве не дельно сказано?

Он даже потрепал гриву своей лошади, словно испрашивая у ней подтверждения, и та заржала в ответ, быть может и что-то утвердительное.

Минуло уж несколько дней, как Тания покинула родные края. Закатные горы остались далеко позади, вместе со столицей, а местность неуклонно выравнивалась. Должно быть, вот-вот начнутся и Всебескрайние равнины.

Тания усиленно ворошила в своих довольно скромных познаниях об окружающем мире.

– Кажется, дальше на восток будет... Изерра, да? – неуверенно спросила она.

– На востоке есть много чего, – ответил Живан. – Мы ведь пока что на западе, потому отсюда почти вся страна на востоке. Изерра лежит в стороне от нашего пути. Чтобы попасть туда, нам пришлось бы взять севернее.

– Изерра граничит с кахарскими землями, – подтвердил Жвиж. – Да и сами изеррийцы – коневоды сродни этим кочевникам. Бывал там... И у тех, и у других.

– Тогда... – задумалась Тания. – А, вспомнила! Где-то на востоке должен быть большой монастырь, Тысяча сверкающих душ. К нам в деревню оттуда раз приезжали монахи-проповедники.

– Есть и такой, – кивнул Живан. – Ближе, наоборот, к Никкерию. Только это не просто какой-то монастырь. Это целая укреплённая крепость, что стоит на берегу большого озера. А озеро то зовётся Трехречным, потому что питается водами... ну ты поняла, скольких рек. Многие знатные властители желали бы обладать такой крепостью, только вот пойти на монахов значило бы восстать против Богини. Да и монахи тамошние совсем не безобидные книгочеи-богомольцы, как в других местах. Я видел раз, как лихо они дерутся с боевым шестом.

– Так мы увидим эту обитель по дороге на восток? – спросила Тания с надеждой.

Но Живан лишь мотнул головой.

– Нужно избегать крупных замков и городов, ты же понимаешь. На нашем пути – только мелкие сёла да деревни.

Тут снова заговорил Жвиж.

– Мы должны сторониться *живых* городов. Ты будто позабыл, куда мы сейчас едем? Это ведь тоже был город, и какой!

– Что значит «живых» городов? – удивилась Тания. – А этот что, мёртвый?

– Точно, мертвее окоченелого трупа, – весело заверил Живан. – Это давно заброшенные руины. Тебе ни о чём не говорит слово Фардор?

Тания поморщила лоб.

– Фардор? Разве это всё не выдумка? У нас только старики байки сказывали, будто Фардор был столицей древнего королевства, большого и могучего. Его правитель однажды взбунтовался против Синода и был наказан.

– Именно, – кивнул Жвиж. – Только мало просто сказать «наказан». Он, если легенда не врёт, сумел выгнать из своих земель всех Чтецов, а многих даже казнил. Синод объявил его еретиком и проклял, а Шамина отлучила его род от власти в мире людей и возвела нового короля, Халара. Но Король–еретик не признал Халара и отрёкся от Богини. И тогда постигла его жестокая кара. Будто бы звёзды спустились с небес и своим светом сожгли Фардор. Король–еретик и все, кто оставался с ним в столице, были истреблены. А затем началась страшная междоусобица, из горнила которой вышло пять новых королевств, включая Кейл на западе и Изерру на востоке. Халар стал правителем Кейла, он и основал в предгорьях нынешнюю столицу.

– Легенда это всё, – сказал Живан. – Звёзды с небес, пять правителей... Сплошные украшения. Но город Фардор точно существует. Вернее, его руины... В народе поговаривают, что там нынче гнездится нечистая сила. Потому люди боятся этого места и избегают. А коль скоро мы избегаем лишнего внимания, то лучшей стоянки нам не найти.

– Фардор... – прошептала Тания. – Он существует...

– Ещё как, – снова вклинился Жвиж. – И скоро ты своими глазами увидишь, что уничтожил его божественный гнев. Это не просто заброшенные дома, разрушенные временем.

Внезапно ехавшие впереди Реанна с третьим разведчиком остановились. Тот развернулся в седле и замахал рукой, что–то выкрикивая.

Живан только поморщился – слов не разобрать.

– Что там, Иржас? – выкрикнул он, сложив руки раструбом. – Не слышно!

Тот последовал его примеру, тоже сложив ладони у рта, и снова что–то прокричал.

Ветер донёс до ушей Тании лишь одно слово: «Фардор».

Все трое переглянулись и погнали лошадей вперёд.

И вдруг увал, что нависал сбоку от дороги, окончился резким обрывом, словно под землю рухнул. Путникам открылся вид на неоглядную степь. Иссушенная летним зноем, она походила на море шафранной желтизны, покрытое ржавистыми пятнами.

На полпути до горизонта из степи росли величественные каменные развалины.

– Фардор! – выдохнул Живан. – Добрались уже!

– И Всебескрайние равнины, – добавил Жвиж. – Точно вышли, не заплутали!

Но тут взгляд его помрачнел.

– Смотрите–ка, ну и тучи. Надо укрытие найти, пока не ливануло. Поторопимся!

Над развалинами нависло чёрное крыло, которое выдвигалось из–за горизонта. Его временами озаряли беззвучные всполохи зарниц.

С востока шла гроза. Первая за всё это засушливое лето.

* * *

Дождь ещё не начался, но стало сильно штормить, пока путники добрались до каменных развалин. Ветер нёс поначалу свежесть и прохладу, так желанные после изнурительного зноя. Но меры он не знал, и теперь от каждого порыва делалось только зябче. Тяжёлые тучи затянули полнеба, и где–то в их серой мгле перекатывались беспокойные громыхания.

Тания с интересом оглядывала руины древнего города, словно не замечая надвигавшуюся непогоду.

– Что это? – воскликнула она. – Вон там! Стены как будто оплавлены... Даже насквозь продырявлены! Что могло так расплавить камень?

Живан покачал головой.

– Звёзды спустились с небес и сожгли Фардор. Это если легенде верить. Меня же тут не было тысячу лет назад, какой толк у меня спрашивать. Но это ещё что...

Пятёрка осторожно проехала через гигантский проём в стене, где когда-то стояли главные ворота. Взорам открылась сеть мошённых улочек, там и сям заросших бурьяном. Узкие и кривые, они походили на тот ещё лабиринт. Полуразваленные дома стояли впритирку – в них рыдал ветер.

– Посмотри-ка вон туда, – молвил Живан, оглядевшись.

Он указывал на одну из оплавленных уличных стен. Тания поначалу и не заметила там ничего необычного, пока не подъехала ближе.

И тут она оторопела. По коже пробежал холодок.

Посреди стены темнело пятно в форме человека. Фигура застыла в полусогнутой позе, будто обхватив голову руками. Или... наверное, руку этот несчастный выставил перед собой, пытаясь от чего-то загородиться? Он вжался спиной в стену, словно хотел просочиться сквозь неё, спастись от какого-то ужаса. Но неведомая дикая мощь испепелила его в один миг, оставив лишь след на стене, а саму стену – едва не проплавив насквозь. Молчаливый силуэт въелся в камень так, что за века его не смогли смыть дожди и стереть ветра.

Тания спешила. Медленно подняла руку и коснулась стены, словно надеясь вызволить беднягу из вечного каменного плена. Из-под пальцев тут же слетела насмерть перепуганная бабочка – такая же чёрная, как и сам отпечаток.

– Вон там ещё один, – сказал Живан, махнув вперёд. – Они тут повсюду. Чем дальше, тем больше, целые вереницы. Я всяким легендам не верю особо, но что ещё могло так выжечь каменный город, кроме божественной силы?

Тания молча отвернулась и прошла дальше по улице – к следующей человеческой тени.

Лошадь тихонько процокала за ней по безжизненной мостовой, а затем тоскливо всхрапнула. Руины ей не нравились.

– Я кажется вспомнила... – тихо молвила Тания, не отворачиваясь от силуэта.

– Что?... – не понял Живан.

– Песню о гибели Фардора... Я вообще плохо запоминаю стихи, но тут вдруг вспомнила...

Саму себя она слышала как бы со стороны, настолько мрачным и чужим стал её голос. Никогда прежде он не звучал так, будто из него выщедили всю жизнь.

О горе же, горе же, горе же нам!
Снискать ли прощенья мольбой?
Земли меченосцев гордый стяг
Реет над самой главой.

А трубы, а трубы, а трубы кричат,
Что мы не потерпим Синод!
Король наш желает властвовать сам!
Попрал он Богиню ногой.

И звёзды, и звёзды, и звёзды с небес
Спускаются вниз – на Фардор.
Вокруг лишь сиянье тысяч огней,
Да пламень и жар кругом.

Пусть сгинул тот век, что хрупкий хрусталь,
Но истина-правда в одном.
Не выждать спасения тем, кто взроптал,

Могилей им стал родной дом.

Наступило молчание. Все хмуро созерцали тень на стене, предаваясь раздумьям о мрачной судьбе этого места. Только глухие громыхания всё настойчивей напоминали о подступающем ненастье.

Таня повернула голову – дальше по улице виднелась ещё пара силуэтов. Кажется, мужчина и женщина.

– Теперь я поняла твои слова, – сказала она. – Это и правда мёртвый город. Город теней. И я... Я уже видела такое раньше.

– Раньше? – насторожился Живан. – Где это?

– До того, как я попала к вам, моя деревня полностью вымерла от невиданной чумы из горного подземелья. Всего за день... И наши родители тоже тогда погибли. Вообще все... А здесь... Здесь всё тоже самое...

Таня замолкла, погружённая в печальные мысли.

– Вон что... – сконфузился Живан, – а я... я, признаться, решил, что тебя просто односельчане выгнали... Ну, коли ты ведьма... Ох, что я несу... Прости, я в таких случаях совсем не умею говорить правильные вещи. Потерять всех в одночасье – это ужасное несчастье! Но ты даже ни слова не рассказывала... Хотя оно и ясно, это не тема для весёлых посиделок у костра...

– Чума сохранилась в том подземелье ещё со времён Старого мира, – вновь заговорила Таня, – а создала её Шамина. Десять тысяч лет назад именно так она истребила Титанов.

– Откуда ты всё это знаешь? – нахмурился Живан.

– Неважно. Мне так сказали... духи. Хотя до сего дня я не была уверена до конца, однако теперь вижу сама. Массовые истребления – её конёк, что в Старом мире, что в Новом. Я не знаю, кто такая Шамина на самом деле, откуда взялась, но кем бы она ни была – она никакая не богиня. Творить такое может только демон. Ей в преисподней место.

Она не переставала удивляться, как изменился её голос посреди мрачных руин. Это был почти что голос Реанны: ровный и без эмоций, словно искусный хирург вырезал из него душу.

Души из людей высасывало само это место.

Таня машинально осмотрелась в поисках молчаливой воительницы. Голубые глаза Реанны глядели прямо на неё. Она редко смотрела на кого-то так пристально – возможно, именно потому Таня под её взглядом тут же смутилась и отвернулась в сторону.

А Живан тем временем удивлялся всё сильнее.

– Знаешь, на востоке сейчас ходит убеждение, что никакой Шаminy на самом деле нет, а просто её образ придумали Чтецы, чтоб им было проще править людьми. Что все эти рассказы про богов и титанов – такой их способ властвовать над умами. Потому нас и почитают за еретиков. Но кто там знает, как оно обстоит на самом деле: есть ли Шамина, нет ли её, кто она такая... Никак не возьму в толк, откуда ты знаешь столько про Старый мир... Что за духи? Это что, духи мёртвых?

– Неважно, – отрезала Таня. – Прошу, не расспрашивай больше. Достаточно, что я просто знаю.

Он скрестил руки на груди и оценивающе на неё посмотрел.

– Сейчас ты ведёшь себя, почти как наша Реанна. Такая же загадочная. Вот уж не ожидал, вы ведь обычно как лёд и огонь!

– Ты тоже не стал отвечать на все мои вопросы, – ухмыльнулась Таня. – А я не стала расспрашивать. «Как и любая хрупкая вещь, дружба требует деликатности.» Так ведь?

Тут крупная дождевая капля упала ей на лоб, растекшись ручейком до кончика носа. Тания собралась уже направиться дальше по улице, как вдруг в предгрозовом воздухе разнёсся ровный мелодичный голос.

– Ты сказала «наши родители»? – спросила Реанна.

Тания замерла на месте.

– Да, наши... Моего брата зовут Йед. И мы вдвоём единственные, кто в деревне пережил ту чуму. А на следующий день меня пытался схватить Посланник Синода Маэл, но я сбежала. А вот Йеда теперь видимо держат в столичных казематах. Не знаю, что за всем этим кроется и зачем мы им нужны, но Синод явно имеет здесь интерес.

В этот миг сиреневая молния распоролла тучи. Раздался чудовищный треск, а с небес тотчас хлынула вода, словно где-то в вышине прорвало саму ткань мироздания.

Отряд поспешил на поиски укрытия.

* * *

– Так светлее сегодня уже не будет, – сказал Иржас. – Лучше мы здесь и грозу переждём, и ночь переночуем. Да и лошадям нужен отдых. А с утра продолжим путь. Реанна, твоя очередь дежурить. Потом Тания. А после полуночи меня будите.

Компания вошла в пустую каменную постройку. Должно быть, в древности здесь был чей-то дом, а может торговая лавка. Время и звёзды Богини пощадили его больше прочих. По крайней мере, крыша оставалась до сих пор цела, а это сейчас было важнее всего. На руины низвергались шумные потоки воды, конца которым не предвиделось.

Разобравшись с походной рутинной и наскоро перекусив из запасов, путники стали укладываться на ночлег.

Все, кроме Реанны, которая уселась у самого входа сторожить мокнувшие руины. Она глядела на них не отрываясь, словно пыталась разглядеть там что-то давно потерянное. Поколебавшись, Тания решила составить ей компанию и тоже уселась рядом. Каждый раз, как грозовой всполох освещал изящное лицо воительницы, Тании казалось, что та окончательно обратилась в мраморную статую.

Когда же вахта Реанны окончилась, Тания осталась сидеть на её месте в одиночестве. Сон к ней всё не шёл, хотя на улице стало совсем темно. Дождь иногда слабел, затем вновь усиливался, а она продолжала вглядываться в кромешную темноту: неотрывно, до самой рези в глазах.

Но Город теней оставался мёртв. Лишь молнии изредка озаряли гиблые руины.

Тания достала из кармана свой кремень – подарок брата. Она доставала его каждый раз, как ей становилось одиноко: приятно было держать в руках вещицу, хранящую в себе частичку Йеда. Никогда ещё они не разлучались так надолго. Никогда не оказывались так далеко друг от друга.

Она не переставала глядеть в дождливый мрак, словно ждала, что вспышкой молнии на руинах вдруг высветит Йеда собственной персоной. А кого, интересно, там хотела высмотреть Реанна? Или что? Им обоим почему-то казалось, что на руинах непременно кто-то должен быть...

И тут Тании пришла в голову идея.

Она обернулась на храп Живана – все крепко спят. Тем лучше, значит не помешают.

Ей толком так и не представилось шанса испытать силу своего Фамильяра в деле. Каждый раз это получалось спонтанно и неосознанно, в суматошном режиме. Она и понять-то ничего не успевала.

Она даже дала ему имя Светлячок, как любимому домашнему питомцу, но как этого питомца контролировать? Как сказать ему «фас»? Одно время ей думалось, что для этого

надо произносить какие-то магические кодовые фразы, вроде заклинаний. Как например те два слова «боевые условия». Но на деле это не работало: на прямые команды дух серебристой книги не откликался.

Тании, честно говоря, уж и не хотелось, чтоб он окликался. Ведь когда он начинал с ней говорить – а случалось такое всего несколько раз – ей неизменно становилось до боязни неуютно. Он говорил её собственным голосом у ней в голове, а ей тогда казалось, что она сходит с ума. Да и изъяснялся он порой так чудно, что слова его испугали бы сами по себе.

А может он именно потому и молчит? Потому что она сама так хочет?

«Важно лишь чего ты хочешь. Желания – вот подлинный дар.»

Так он сказал ей в том сне, что не был сном. В Звёздном мире. И до Тании, кажется, начал доходить смысл тех чудных речей. Ведь он прост до буквальности! Это же была подсказка, инструкция! Чтобы что-то сделать, нужно этого захотеть. Но, очевидно, мало просто сказать или подумать «Я хочу!» Нужно захотеть искренне, по-настоящему, сохранить в себе лишь одно-единственное желание, чтобы он понял.

Подобное происходит в критических ситуациях – и как раз тогда он и приходил ей на помощь. Впервые такое случилось, когда Тания столкнулась с отрядом капитана Тарбиса, в том лесу у Закатных гор. Внезапно её зрение изменилось так, что она смогла словно видеть людей насквозь. Фамильяр показал ей их души, или что-то вроде этого.

Чего же она тогда хотела?

Во-первых, она хотела сбежать. Сбежать от давнов, от солдат Тарбиса, от Чтеца за их спинами. Но все эти желания слишком мелки. Они вторичны. Они просто случайно наложились на нечто более глубинное, лишь усилив это.

От кого же она убегала на самом деле?

В действительности она всегда хотела сбежать от лжи. От лжи Чтецов про Богиню и людей, от вечной лжи Йеда про то, что честь в этом мире что-то значит. От мира, который ненастоящий. Вот каким было истинное желание, которое и услышал Фамильяр. И вот почему он решил показать ей суть вещей – ту, какую мог.

Вдруг вспыхнула молния, а её гром даже заглушил храп Живана за спиной. Тания торжествующе улыбнулась.

– Светлячок! – прошептала она, властно вытянув пятерню вперёд, прямо под ливень. – Я хочу увидеть мир истины. Покажи мне хоть что-нибудь настоящее!

И она всеми силами постаралась оголеть в себе одно это желание. Увидеть то, что скрывалось где-то там, за чёрной пеленой дождя, за каменными руинами. В этот миг ничто другое не должно её интересовать.

И желание её исполнилось. Мир вдруг поблёл и обесцветился. От каменных руин остались лишь бедные контуры. Тания подняла глаза к небу – словно нарисованная, там разветвилась кучерявая молния. Но вспышки света не было, один только бесцветный узор ветвистых прожилок.

А затем последовал трескучий гром, как после обычной молнии. Звуки, видать, остались прежними. Изменилось только зрение.

Тания догадывалась, что на самом деле так видят мир не её глаза, а дух из серебристой книги. Что это его зрение. А ей он сейчас просто показывает то, что видит сам.

Она оглянулась на спящих – и замерла, разинув рот.

– Это прекрасно... – прошептала она в восхищении.

Попроси её кто описать словами – она бы не смогла. Нет, она бы, конечно, сказала, что внутри каждого видит удивительной красоты сияние, что сияние это дрожит и мерцает, словно живой самоцвет. Но что значат все эти слова? Можно ли вообще словами изобразить то, что даже человеческое зрение не способно воспринять?

Между тем, руины также поменяли свой облик. Каждая каменная стена стала прозрачной, словно сделанной из замутнённого стекла. Если бы за соседними домами прятались люди, то Тания непременно бы их увидела – сквозь стены.

Но людей нигде не было, только эфемерные остовы древних развалин.

– Город–призрак... – прошептала она, озирая пустые лабиринты улиц.

Но тут она заметила нечто, что её сильно встревожило. Она даже невольно высунулась из–под крыши убежища, не обращая внимания на ливень.

Неподалёку – над руинами – клубилась странная мгла. Чёрный туман, который бурлил над одним и тем же местом. Временами он клокотал беспорядочными потоками, а потом рисовал безумные, как бред, геометрические узоры. Туман явно исходил от земли, но Тания не могла разглядеть, что же там происходило. Зрение Фамильяра не пробивало столько стен сразу.

Одно точно: вряд ли этот туман сулил что–то хорошее. На ум сразу пришли слова Живана о том, что эти руины по слухам облюбовала нечистая сила.

Разбудить остальных? И что им сказать? Что она неким колдовским зрением увидела... что? Туман? Нет, вначале нужно выяснить, с чем вообще они столкнулись и насколько оно опасно. Не долго думая, Тания накинула дорожный плащ и исчезла среди руин Города теней, озаряемая вспышками молний.

* * *

Один за другим, полуразрушенные дома оставались позади. Плащ уже промок, а ливень хлестал по лицу, но Тания всё плутала по закоулкам древнего города. Её цель – чёрный туман – находилась недалеко, однако напрямую туда пройти не получалось. Приходилось много петлять по перекрёсткам, которые не имели правильной прямоугольной структуры, а порой вели и в тупики. Хотя новое зрение сильно помогало ориентироваться в этом лабиринте, Тания быстро поняла, что без обычных глаз тоже не обойтись. Пару раз она поскользнулась и едва не подвернула ногу, провалившись лодыжкой в яму, которой не заметила. В мистическом зрении Фамильяра всё неживое представлялось непривычно, словно нарисованным.

Однако тот чёрный туман не был нарисован. Он был живым. Настоящим.

Наконец, впереди показалась небольшая площадь. Цель находилась там.

Тания замедлила шаг. Однако даже зрением Фамильяра она ничего, кроме живого тумана, так впереди и не увидела. Чёрное облако словно росло из этой площади, подобно гигантскому растению.

Нужно взглянуть на него простым глазом. Тания быстро вернула себе обычное зрение – за время своего блуждания по мокрым руинам она неплохо уже натренировалась переключать его усилием воли. Подкравшись, она осторожно выглянула из–за угла.

И не увидела на площади ни зги. Нужно было дожидаться грозовой вспышки.

Вот наконец долгожданная молния распорол небо дрожащими отростками. Фиолетовый свет озарил руины целой серией всполохов, один ярче другого.

Посреди площади стояли пятеро одинаковых фигур – все в чёрных плащах с капюшонами.

Они стояли совершенно неподвижно, не обращая никакого внимания на разверзнутые небеса, что лили на них нескончаемые потоки. Расположившись по кругу друг напротив друга, между собой они не разговаривали, не жестикулировали, даже не шевелились. Невысокие – ростом не выше Тании – но в своих плащах до мостовой они походили на недвижные чёрные столбы, вкопанные в землю.

Как будто они – часть самого мёртвого города, и стоят здесь ещё со времён Короля–еретика. А быть может – от самого Старого мира. Словно они – сама Вечность.

Тания замерла, затаив дыхание. Быть может, они и впрямь просто столбы? Она раньше слышала, что в Междуморье есть народы язычников, которые вырезают из стволов деревьев столбы по форме человеческой фигуры, и поклоняются им, как божествам. Но что им делать тут, в Кейле? Надо разглядеть получше.

И цепная молния ударила опять, осветив площадь новой серией бледно-лиловых всполохов.

Головы всех пятерых столбов оказались повёрнуты в сторону Тании.

Лиц под капюшонами не разглядеть. Словно вместо лиц у них – пустая бездна.

Следом вспыхнула ещё одна молния, и в её свете безмолвные фигуры уже сдвинулись с прежних мест. Они строились выгнутым серпом, будто готовясь к бою.

Только теперь Тания поняла, что явилась она сюда зря.

В тот же миг мир поблёл и сделался словно нарисованным. Зрение Фамильяра вернулось само собой. Такое желание возникло у Тании само, его даже не пришлось призывать искусственно.

Фигуры в капюшонах исчезли, а перед перепуганной Танией вновь предстал живой чёрный туман. Однако теперь он странным образом искажился и принял округлую форму с кучерявыми отростками чудной геометрической формы. Чёрная мгла текла с них, заполняя всю площадь, вздымалась до самых небес, щетинилась тысячами острых игл.

А посреди неё зияла пустота. Бездонная бездна, из которой вдруг полился пронизывающий всё и вся вопль.

– Демон... – пролепетала Тания, глядя на творящееся круглыми глазами.

Иглы метнулись к Тании. Спереди, сверху и с боков – отовсюду. Словно её захотела сожрать гигантская зубастая пасть.

– Светлячок!!! – завопила она. – Боевые условия!!

Вряд ли Фамильяр признавал эти два слова как команду, просто Тания сама к ним уже привыкла. Так она привыкла просить у него помощи, вызывать в себе понятные ему желания. Только она не знала, чего именно пожелать. Чем ей теперь можно помочь.

В тот же миг что-то ярко вспыхнуло изнутри неё самой. Иглозубые челюсти отскочили, словно об неё обломавшись, и рассеялись в дым.

– Зеркало, – гудел в голове её собственный голос. – Отражение.

Но Тания его не слушала. Судьба подарила ей лишь миг, и терять этот шанс она не собиралась. Она рванулась с места и ринулась прочь.

* * *

– Подъём!!! Просыпайтесь!! Бежать надо!

Тания орала как полоумная. Глаза широко открыты, а саму её всю трясло.

Живан спросонья только кряхтел, пытаясь продрать глаза, а Иржас выругался, незадачливо стукнувшись головой о булыжник, что выпирал из стены. Лошади в стороне тоже проснулись и занервничали, и Жвиж побежал их успокаивать.

Одна Реанна, проснувшись, сохранила спокойствие посреди всей суматохи. Словно даже не ложилась.

– Что такое? – заговорил Живан. – Здесь враги? Нас выследили и преследуют? Ещё от столицы?

Он растерянно оглядывался по сторонам древней улицы, едва не выскочив под самый ливень. Но в ночной мгле ничего нельзя было разглядеть.

Пока Тания сбивчиво рассказывала об увиденном, лица бывалых разведчиков лишь изумлённо вытягивались. Правда, о своей серебрястой книге она умолчала, но из-за этого рассказ казался только более безумным.

– Слушай... – дружелюбным тоном начал Живан. – У меня на родине был один случай чудной. Соседский сын во сне поднимался и ходил по дому, иногда даже по улицам бродил. Но при этом спал на ходу. А наутро потом ничего не помнил, кроме каких-то кошмаров. Многие, кстати, тогда считали, что у нас завёлся злой дух, а это просто он по ночам бродил... Так может ты тоже так... а тебе просто кошмар...

– Да ты дурак безголовый! Я даже не спала ещё, какой кошмар! Мы все погибнем тут, ты понимаешь? Погибнем! Там настоящие демоны! Целых пятеро!

Живан и Иржас лишь переглянулись. По всему было видно, что они еле сдерживают ухмылки.

– Пятеро значит... – начал Живан, почёсывая щетинистый подбородок. – Ну так и нас тут тоже пятеро. Смотри: три разведчика, – он отогнул три пальца, – Реанна, да ещё ведьма вприда...

– Дубина!! – рявкнула Тания.

Но вдруг перепалку прервал отрезвляющий звон стали.

Все удивлённо обернулись на звук. Оказалось, что это Реанна достала свои изящно изогнутые мечи – сразу оба.

– В чем дело? – сразу насторожился Живан.

– Бездна стонет в пустоте... – тихо произнесла она.

Не обращая внимания на дождь, Реанна вышла из убежища на дорогу. Немного помедлив, за ней последовала и Тания. А затем и остальные схватили своё вооружение и тоже вышли под ливень.

– Что-то увидела? – спросил Живан у Реанны. – Или услышала?

– Пока нет.

Все пятеро стали спинами друг к другу, выставив оружие вперёд.

Долгое время никто ничего не слышал, кроме дождя, который назойливо барабанил по оголённому железу. Но Реанна продолжала терпеливо стоять, как каменное изваяние, с оружием наизготовку. Остальные её чутью доверяли куда больше, чем безумным рассказам Тании, потому тоже продолжали стоять, напряжённо вглядываясь в дождливую темень. Которую, как назло, даже грозовые вспышки озарять перестали.

Вдруг лошади испуганно заржали, почуяв дурное.

А затем древние руины заполонил нечеловеческий вопль.

Раз начавшись, протяжный крик не желал прекращаться, а лишь нарастал. Он заглушал и дождь, и грозу, и лошадиное ржание, и человеческие голоса. От него закладывало в ушах, он проникал в глубины сознания, впивался в разум и в самую душу.

Лишь когда терпеть стало совсем невозможно, вопль наконец пошёл на спад, будто бы удаляясь. И исчез совсем, оставив после себя странную льдистую пустоту. Прежние звуки словно бы онемели, даже грозовые раскаты. Слово из них вырезали всё их естество.

Живан пришёл в себя первым.

– Парни! Скорей успокойте лошадей! И тотчас сматываем из этого дрянного места. Старый мир меня раздери, если я ещё раз тут покажусь!

Глава 14

«Пускай же душа твоя обрящет мир, о дитя Титанов!»

– Ат–ри–я, – неуверенно прочёл лысый великан по слогам.

Его небесно–лазурный взгляд пожирал небольшой гобелен, на котором изображалась карта Великой страны Кейл и приграничья.

– Верно, – кивнула Халида, – Ты и чтению удивительно быстро учишься. Атрия – крупнейший из наших городов. Нынче она превосходит величиной даже саму столицу.

Её палец указывал на значок в восточной части карты.

– Также Атрия – величайший порт Междуморья. Вся торговля идёт через неё уже не одно столетие. Это город моряков и торговцев, что прибывают туда со всего света.

– Дда, – с трудом выговорил Линкей на ломаном Равнинном наречии. – Должен идти в Атрия. Искать там ддруга. Она попадать в бедда.

Халида лишь покачала головой.

– Ты хорошо понял, что я тебе говорила? Путь туда опасен, особенно для тебя. Год назад жители Атрии подняли мятеж против Синода. Они схватили атрийского наместника короны и заключили его в темницу. Атрийский Посланник Синода успел сбежать. В тех краях вот уже год не прекращаются сражения. А вскоре и сам король–регент выступит туда в поход с величайшим в истории войском.

– Я понимать, – грустно взглянул на неё Линкей. – Но нельзя сидеть здесь.

Он вновь уставился на карту, рассматривая непривычные очертания стран и метки незнакомых городов. Атрия изображалась в форме цветка – хризантемы со множеством лепестков.

– А против кого Атрия воевать? Где они?

– Везде, – строго посмотрела на него Халида. – Против Синода и Чтецов, как ты. И против короны, поскольку Галариды издревле верны Синоду. Именно это я и пытаюсь тебе втолковать: там не любят таких как ты. И никто не поверит в твою историю, для них ты – такой же слугитель Шаminy. Взбунтовавшаяся толпа поначалу хотела перебить всех пойманных Чтецов, но в итоге, как я слышала, их решили держать там заложниками, чтобы город не уничтожили, как... как в легендах. Чем дальше на восток, тем сильнее растёт ненависть к таким, как ты. Там многие попытаются тебя убить, лишь завидев издали.

– Очень быстро... Говорить медленно, – запротестовал Линкей, – и объяснить всё... Прошу!

Халида тихо вздохнула и уселась рядом с ним, начав терпеливо разъяснять то, что хорошо знали даже деревенские мальчишки.

– В тех краях недовольство зрело долго, и Атрийский мятеж откликнулся в сердцах многих. И не только в самой Атрии, но на всех восточных землях. Не только горожан, но и простого люда, и зажиточного, и даже мелкой знати. Восстание было хорошо организовано, его поддержали даже крупнейшие торговые дома Атрии, которые всегда имели там большой вес. С их же помощью вокруг мятежной Атрии объединился весь восток. Так появился Атрийский Альянс, хотя на западе не произносят даже само это название. Здесь их называют лишь мятежниками да еретиками, а кто смеет сказать иначе – тех накажут.

Халида примолкла и осторожно взглянула на собеседника. Удостоверившись, что тот не потерял нити рассказа, продолжила.

– Им в итоге удалось организовать сильное ополчение из горожан и жителей окрестных земель. Это войско иногда даже называют Армия якоря и плуга. Как видишь, в тех местах силен дух единства. Если появляется угроза со стороны, то горожанин не побрезгует союзом с

селянином, а аристократ – с простолюдином. В случае чего, они всегда умеют договориться... Честно признаюсь, в других краях я такого не встречала.

Линкей молча слушал, хмуро глядя на карту. Новый для себя язык он пока понимал с трудом, но смысл речи улавливал.

– Это место, – указал он к югу. – Можно ехать здесь? Здесь нет война?

– Пожалуй, такой путь стал бы безопасней, – согласилась Халида. – Это страна Никкерия, наш сосед. На их землях расположен Священный город, потому никкерцы всегда считались набожным народом. Многие там верят, что ввиду особых духовных традиций никкерцы избраны нести в мир свет Богини. Синод и служителей Шамина там чтут, а атрийцев не любят. Но Судья Ницерон, что там правит, сохраняет нейтралитет, раз Атрия не нападает первой. Поэтому у них пока спокойно. Но я опять повторю, что дело не в сражающихся войсках на пути в Атрию, а в тебе самом. В твоих синих глазах, в твоём росте и чудной полосатой голове. Какой дорогой ты бы ни шёл, если ты и доберёшься до Атрии живым, сам город станет тебе тюрьмой. Неужели та девица, Тания, стоит такой жертвы? Да и почём знать, быть может солдаты схватили её ещё в том разбойничьем лесу?

Линкей помотал головой, горько усмехнувшись.

– Нет. Точно нет. Она не ловить так легко. Она имеет защита. Я знать, что солдат уходит без она.

Халида удивлённо выгнула бровь.

– Но ежели она так сильна, как ты говоришь, и смогла уйти от целого вооружённого отряда, то почему ты считаешь, что она в беде? Кто ещё угрожает ей?

Линкей напрягся, будто от боли, а лоб его сморщился. Ему решительно не хватало слов, чтобы выразить свою мысль.

– Она сама. Она управлять большой сила. Но она не управлять собой. Нужно управлять... хотеть... нет... управлять, что хотеть...

Не найдя нужного слова, он замолк и горестно махнул рукой, понутив голову.

– Желаниями? – догадалась Халида. – Ты хочешь сказать, что она владеет некой силой, но не может ей как следует управлять, и это в конце концов заведёт её в беду?

– Дда! – радостно закивал великан. – Она попадать бедда без меня. Нужно находить и помогать... Нужно учить, как ты меня. Желания опасность...

– Но ты даже не знаешь точно, направляется ли она именно в Атрию... Неужели вы с ней не договорились поточнее, где встретитесь?

Линкей помрачнел, отрицательно мотнув головой. Сказать ему было нечего.

Халида удручённо вздохнула.

– Я не стану разубеждать тебя более, потому что каждый сам себе голова. Но сейчас ты совсем не готов к подобным путешествиям. Языка толком не выучил, не знаешь наших порядков и обычаев. А рана твоя...

Она осторожно приподняла повязку Линкея и тут же изменилась в лице.

– Уже зажила... – пробормотала она. – Как же это? Без шрама даже... Впервые такое вижу...

– Дда! – улыбнулся Линкей, сдирая повязку. – Моё всё заживать быстро!

– И языку тоже учишься изумительно быстро, – добавила Халида. – Но всё равно, это не повод рисковать! Кстати, перед отбытием тебе и самому не помешало бы достать оружие...

– Нет! – вскочил Линкей. – Я... Нельзя оружие! Я его ненавижу! Я не делать людей... как это... неживой! Я сам – оружие!

Заметив, что лишь испугал собеседницу, он спохватился и немедленно уселся обратно, смущённо отвернувшись к окну фургона.

Халида посмотрела на него долгим взглядом.

– Знаешь, ты мне кое-кого напоминаешь... Знакомого. Он тоже долго был оружием в чужих руках и в своё время убил много людей. Но однажды порвал с прошлым, потому что возненавидел себя. А скольких убил ты?

Линкей поднял взгляд на Халиду, удивлённый прямым до грубости вопросом.

– Один, – грустно вымолвил он. – Я быть ещё ребёнок. Я не хотеть... Я не уметь управлять собой тогда... И Тания не уметь.

Халида нахмурилась.

– Ты убил его тело или его душу? – не отставала она. – Это было перерождение?

– Перерождение? Я не знать такой слово. Он... Стать пустым. Без... души. Это перерождение?

– Странно наш мир устроен, – вздохнула Халида. – Прости за бестактность, но я не просто так спрашиваю. Видишь ли... – она снизила голос, – Вот если б ты его тогда просто придушил или зарезал, никто бы и слова не сказал. Но он умер от твоего дара, полагаю. Дара Чтеца. Многие ненавидят вас как раз из-за него. Вы делаете с людьми такие вещи, которые некоторым кажутся хуже смерти. Потому никому лучше об этом не рассказывай. Нигде, даже среди нас.

– Я не Чтец, – нахмурился Линкей. – Я не делай с людьми никакие «вещи». Тогда быть ошибка... то есть... произвол... нет, совсем не то слово... я этого не хотел...

– Случайность? – подсказала Халида. – Когда не знаешь заранее, что случится?

– Случайность... – эхом повторил Линкей. – Наверное... Случайность...

Он впитывал в себя каждое новое услышанное слово, как губка. И сразу же его запомнил. Навсегда.

– Но случайно тот человек погиб, или нет – не так уж важно. Я-то тебя вполне понимаю, но другие не поверят. Твои глаза синие, каких у людей не бывает, рост как у великана, голова без волос, а тело покрывают все эти стальные полосы. Ты выглядишь как Чтец, и значит для большинства ты – именно Чтец. Кровный служитель Богини. При виде тебя у людей возникнет одно из двух чувств: страх либо ненависть. Ты только что сказал «произвол»... Знаешь, оговорка твоя неспроста. Чтецы творят много произвола, прикрываясь именем Богини... А сама Шамина никогда их не...

– Я не Чтец! – вскричал Линкей. – Я не служить ваш Шамина!

Он тут же замолк, заметил испуганный взгляд Халиды.

– Я просто пытаюсь тебе втолковать, – заговорила та, теряя терпение, – почему тебе нельзя появляться среди людей просто так, как среди своих. Не нужно на меня за это злиться. Если ты хочешь знать моё мнение, то лично я к тебе ничего плохого не имею.

– Прости... – замаялся он. – Но я знать всё про она... Она... она... совсем не она... То есть... Она не богиня!

– Вот как? – удивилась Халида. – И кто же она на самом деле?

– Не могу сказать, – сокрущённо покачал головой Линкей. – Не знать слова...

– Наши легенды говорят, что раньше людей не было, а мир населяли могучие Титаны. Но десять тысяч лет назад они пробудили страшное Чёрное чудовище, которое пожрало Старый мир. Потому Титаны и исчезли. Однако Богиня победила то Чёрное чудовище. И теперь с помощью Синода она оберегает Новый мир людей, дабы древнее зло не возродилось вновь. Так почему же ты...

Она замолкла на полуслове: лицо Линкея исказилось багровой яростью.

– Ложь! – прорычал он. – Она никакая не богиня и не побеждать зло! Она сама зло! Никаких Титанов не бывать! Они быть люди, как вы, и это она убивать их всех! Чёрное чудовище быть она!

Халида посмотрела на него долгим пронизательным взглядом.

– Так вот почему ты каждый раз так буянишь, едва слышишь это имя...

В фургоне воцарилось тягостное молчание. Халида задумалась, а Линкей угрюмо замолчал.

– Как я погляжу, ты сам до сих пор не вполне управляешь собой. Тебя терзают призраки давно сгнувшего прошлого. Как же ты собрался помогать той девице, Тании?

– Но это же совсем другое! – не унимался Линкей. – Шамина убивать всех! Они же быть ваши предки, и она убивать их. Если кто убивать твой мать и отец, разве ты не ненавидеть его?

– Не говори со мной о моих родителях, – холодно парировала Халида. – Ты о них ничего не знаешь. Так или иначе, мы вот тут сидим, разговариваем, и нас Шамина пока не трогает. А люди – они и без неё учиняют друг другу зло. Но кем бы ни были те Титаны, мы – не они, даже если выглядим похоже. Мы в ответе только за Новый мир, а потому не навязывай нам ещё проблем из мира Старого!

Столь резкий отпор от доселе вполне сдержанной женщины обескуражил Линкея. Но он всё не уgomнялся.

– Но она вас обманывать! Она делать вас дурак. Она не богиня вовсе!

– Кто же она тогда? Человек? Титан? Чтец? Может, создание из Чаролесья?

– Нет, нет... Она... Я не знать как сказать, не знать слов... Ваш язык нет такой слов! Всё другой!

Халида развела руками.

– Боюсь остаётся только богиня. Это единственное подходящее для неё слово на Равнинном наречии. Сомневаюсь, что найдутся слова точнее.

Она устало вздохнула.

– Давай договоримся так. Что было и прошло, того уж не воротить. Ни Старого мира не вернуть, ни его Титанов. В нашем мире Шамина везде почитают за богиню, кроме разве что атрийских земель. Но мы не мятежники, а простые актёры. Только влезать в эти дела нам не хватало! Потому я прошу тебя на подобные темы ни с кем тут больше не говорить. Не баламутить людские умы попусту. Как у нас говорят, Богиня существует повсюду и одновременно нигде. Значит, в любой момент рядом с тобой может оказаться Богиня. А может и нет.

Закончив речь столь таинственной фразой, Халида встала.

– Если Чтецом ты сам себя не признаешь, то ты, выходит, просто наш гость. А в гостях следует вести себя прилично. В этом доме хозяйка я. Договорились?

Линкей хотел было возразить что-то ещё, но сдержался.

– Дда... – послушно кивнул он. – Мой хозяйка...

– Ну какая я тебе «хозяйка»! – рассмеялась Халида. – Так только рабы к господину обращаются. А меня все зовут «хозяйюшка»!

Линкей озадаченно наморщил лоб. Он пока не умел различать столь тонкие смысловые оттенки равнинного наречия.

Гордая тем, что сумела приструнить целого Чтеца, Халида направилась к выходу из фургона. Как вдруг её остановил голос Линкея.

– Хозяйюшка! Я... я хотеть вас есть!

Женщина вздрогнула.

Ошарашенная, она медленно обернулась на синеглазого великана. Что за странное заявление? Вроде бы, людоедства за Чтецами никогда ещё не замечали, но что же тогда он хочет сказать?

Заметив её смущённый вид, Линкей тут же спохватился и хлопнул себя по лбу.

– Нет! Нет-нет! Другой слов! Я не хотеть жить и есть с вами за так. Не хотеть быть... быть...

– Нахлебником? – неуверенно подсказала Халида.

– Дда! Наверное... И я хотеть вас есть!

Снова оговорившись, Линкей отчаянно зажестикужировал.

– Нет, не есть! Не знать слов... Помогать есть вам! Ну, как это...

– Ааа, кормить! – просветлела Халида. – Так ты хочешь стать у нас поваром?

Линкей облегчённо кивнул.

– Повар, кормить, дда! Я уметь кормить вкусно! – гордо заявил он, стукнув себя большим пальцем в грудь.

Лицо хозяйшки расплылось в лукавой улыбке.

* * *

– Что это такое?! – свирепо вопрошал черноволосый человек коренастого сложения.

В руке он держал нож с наколотой бараниной. А в другой – плоску с остатками похлёбки, из которой этот кусок и был вынут.

– Э... Это быть мясо... – неуверенно пробормотал Линкей.

Он искренне не понимал причины такого возмущения своей стряпнёй.

Наблюдавшая сцену зеленоглазая девушка не сдержалась и прыснула.

Линкей невольно вздрогнул от неожиданного смеха за спиной. Это была та самая юная девушка, которую он спас тогда от лесных разбойников. Она всегда молчала, да и вообще вела себя тихо и незаметно, как эфемерный лесной дух. Окружающие часто не обращали на неё внимания, а заметив – порой пугались от неожиданности.

– Я не ем мясо! Хоть раз ещё увижу мясо в своей тарелке – заставлю самого слопать весь котелок! Целиком! И только попробуй мне подавиться!

Попутно бранясь на каком-то своём наречии, он с отвращением стряхнул баранину в булькающее варево.

– Просить прощения... – растерялся Линкей. – Я не знаю...

Зеленоглазая девочка снова прыснула. Должно быть, её забавляла чудная манера Линкея говорить.

Больше всего я сейчас похожу на клоуна, решил он про себя.

Его до сих пор сторонились. Парочка, с которой он толком ещё не познакомился, старалась не подходить близко из страха. Но остальные трое уже не боялись: «хозяйшка» Халида, что обучала его языку, эта юная девушка, да ещё вечно недовольный чужестранец со смоляно-чёрными волосами, собранными на затылке толстым пучком. Именно он только что грозно потрясал перед лицом Линкея куском баранины.

– Как тебе не стыдно, Ирэйя! – строго покачала головой Халида. – Неприлично девушке смеяться над другими людьми. Имей уважение, ведь гость едва начал изъясняться по-нашему.

Она подошла за своей порцией и сразу же, как бы невзначай, прихватила Линкея за локоть и потащила в сторону.

– Они к тебе не привыкли ещё. Давай пока отойдём куда-нибудь, чтобы никого не стеснять.

Ирэйя попыталась было увязаться следом, но Халида запретила.

– Та девочка... – начал Линкей, – зелёный глаз... Не говорить? Она твой дочь?

– Да, она немая. Но нет, она не дочь мне, – улыбнулась Халида. – Она... Впрочем, я не вправе рассказывать ничью подноготную. У каждого здесь – своя история. Каждый нашёл нас своим путём. Они сами расскажут тебе свои истории, когда будут доверять.

– Если будут...

– О нет, верное здесь слово – когда, а не если. Я немало уж пожила и вижу, что ты человек доброй души. Рано или поздно ты завоеешь их сердца, я уверена.

– А тот человек... Чёрный волос... Ты не о нем говорить тогда? Который тоже ненавидеть убивать и рвать прошлое? Потому он не есть мясо?

– Я же сказала, что не стану рассказывать ни о ком. Не проси меня. Может быть, я тогда говорила о нем, а может и нет. Но... Пожалуй, тебе следует знать, что ежели меня считать матерью для нашей Ирэйи, то он ей тогда кто-то вроде отца. Потому тебе лучше вести себя поосторожней с ними обоими. Мы зовём его Скиталец.

– Скиталец... – повторил Линкей.

Халида умолкла, глядя на далёкие вершины Закатных гор, за которые медленно садилось вечернее солнце.

– Надо признать, что всё это не вполне честно, – заявила она наконец. – Ведь ты о себе не рассказал почти ничего. Итак, ты родился в Старом мире и проспал под Закатными горами все десять тысяч лет?

– Вы звать его Старый мир... Но для меня не быть другого.

Она прищурилась.

– Выглядишь молодо, вовсе не на десять тысяч лет. Ты заметно моложе тех Чтецов, что мне доводилось видеть раньше. Они все как на одно лицо, но тебе... Будь ты человеком, дала бы лет двадцать.

– Когда я засыпать под горой, лет быть столько, – кивнул великан.

– И каков же он был? Старый мир? Лучше нашего или хуже?

Линкей сокрушённо покачал головой.

– Я не могу всё сказать... Не знать слова... Но там быть большой война. Проснуться здесь – тоже война. Нет разница.

– Война? – удивилась Халида. – Где ты успел тут увидеть войну? Разве в нашей маленькой семье есть война?

– Здесь нет, но Атрия...

– Далеко на востоке, – перебила Халида тоном, не терпящим возражений. – Заруби себе одно: нигде, где колесит наш фургон, войны не бывает. Так что волей-неволей, а с нами тебе от войн придётся отвыкать... Но смотри-ка, солнце уж село за горы, а значит пора на ночлег. Пускай же душа твоя обрящет мир, о дитя Титанов!

– А тебе его не терять... дитя Нового мира... – пробормотал Линкей на родном языке.

Уже в одиночестве.

* * *

– Я разочарован, демон. Даже с твоим колдовством мне стоило немало числа доблестных воинов, чтобы схватить самого Посланника Синода и казнить его. Я с трудом освободил свои города от этих синеглазых колдунов. Ты обещал, что я стану хозяином в собственной стране, но что же я получил? Синод назвал меня еретиком, а какой-то выскочка, наглый юнец, сразу же отобрал у меня несколько городов у никкерских границ! А затем и настоятель Тысячи сверкающих душ отказался впустить меня в монастырскую крепость. Он предал меня, открыто поддержав этого Халара! И теперь вся страна тонет в раздоре и хаосе, а я теряю власть!

Король замолк, ожидая ответа, но мрачная фигура молчала. С ног до головы закутанная в чёрное одеяние, она неподвижно стояла, направив свой взор куда-то в небо.

Он нахмурился и тоже подошёл к окну. С небес явственно доносились переливы странной мелодии, похожие на пение без слов.

– Отвечай, демон, что здесь происходит? Почему я слышу эту музыку? Что это значит?

Король выскочил на балкон и беспокойно взгляделся в синие небеса. Его глаза сузились.

– Я что-то там вижу. Это же... Это что, звёзды?! Они приближаются!...

Вдруг за спиной раздался нежный детский голосок, который заставил его вздрогнуть.

– Цикл завершается... Она всё же пошла на такой шаг... Выходит, я её недооценил. Я ошибся.

Эти слова произнесло существо в чёрном.

Король до сих пор не мог привыкнуть к такому голосу. Хотя давно уж усвоил, насколько он обманчив. Насколько его владелец может быть опасен.

– Объяснись, демон! Что всё это значит?

– Те звёзды, что ты видишь, – зазвенел тот колокольчиком, – и есть сама Шамина. Она испепелит твой город и истребит всех, кто от неё отрёкся. Так она покажет людям, что её возмездие неотвратимо. Эти события останутся в народной памяти извечным преданием, дабы не повторялось подобное впредь.

Фигура шагнула внутрь тронного зала, подальше от балкона.

– Попытка не удалась, вот что значит её музыка. Время ещё не пришло, а мне больше нечего тут делать. Она не должна застать меня здесь.

– Что?! – взревел король. – Ты подвёл нас к гибели и теперь оставляешь? Разве мы с тобой не заключили союз? Ты должен защитить город, демон! Исполни свой долг!

Детский голосок звонко рассмеялся.

– Так забавно выходит, когда ты пытаешься говорить со мной на равных. Как глупая обезьянка пытается нанизать себе очки на хвост, совершенно не понимая сути попавшего к ней предмета. Позволь же я разьясню тебе эту суть. Ты вовсе не союзник мне, король без короны. Ты даже не слуга и не раб. Ты примитивный червь, что должен был отравить кишки моего врага и ослабить его. Но даже с такой задачей ты не справился, а потому стал мне не нужен. Теперь же тебя просто вытравят, как вредоносного паразита. Вот каков смысл того, что видят твои слепые глаза и слышат глухие уши.

Король так и застыл на месте, раскрыв рот. Он словно онемел.

– Ты напыщенная бесполезность, – продолжал насмехаться демон. – Будущее – это неизбежный исход настоящего. Но люди обречены идти лишь к одному исходу. Ветры судьбы сметут вас прочь и рассеют в пустоте.

– Чёрный предатель! Будь ты проклят!

В бессильной ярости король бросился на демона, чтобы придушить того голыми руками. Но под зловещей фигурой тотчас разверзся круг из зияющей черноты.

– Ты так и не смог освободить Вечность!

Слова наполнили зал звонким эхом. Демон провалился в преисподнюю, а король обнял лишь пустой воздух. Звук – всё, что от него осталось.

Король–еретик медленно поднял голову к высоким окнам дворца. Там сиял тысячелетней славой величайший из городов.

А в королевских глазах застыли слезы. Фардор окружали бессчётные хрустальные звёзды, что пели небесную песнь. Арию разрушения и смерти.

Глава 15

«Это не беда, дружище. Стоит ли печалиться из-за куска железа?»

Закатные горы горят снежными вершинами на горизонте. Там, в долине у подножия, находилась родная деревня, от которой нынче один пепел остался... Внизу – как на ладони раскинулась вся столица. С высоты Небесного зала домики кажутся совсем игрушечными... Что за архитектор, интересно, придумал здесь такие окна? Простые прорези в стенах, почти до самого пола. Если случайно оступишься – лететь до земли придётся долго.

– Йед Велунд, сын кузнеца! – раздался приказ командующего. – Покажи, что у тебя в руке. Все должны видеть воочию. Серебро или золото?

Как же так вышло? Почему судьба ополчилась именно на него? Что в нем особенного? Не может же быть, чтобы в мире что-то происходило просто так, безо всякой причины и смысла!

У Йеда не получалось разжать ладонь, как он ни силился. Ведь он точно знал, что держит в руке.

Свое поражение.

* * *

– Время! – гаркнул сэр Тарбис, косясь на песочные часы подле себя.

Верхняя их половина опустела. Финал поединка окончился, а испытания в королевскую гвардию – завершились. Площадь огласил долгожданный звук горна.

Йед облегчённо выдохнул. Он выстоял. Он победил.

Его противник – некий гвардеец-ветеран, чьего лица под шлемом не разглядеть, опустил оружие. Всё это время он походил на ожившую статую Халара – словно бы легендарный правитель прошлого явился самолично проверить, что из себя представляет новый набор гвардейцев.

– А неплох, парень, – заявил он, стягивая шлем. – Отдыха не давал!

По лбу его стекали ручьи пота – правда, больше скорее от жаркой погоды, чем из-за поединка. Вчерашнее ненастье так и не смогло остудить лета.

– Благодарю, – поклонился Йед, не в состоянии сдержать глуповато-счастливую улыбку. Он огляделся.

Принц Киреан свой поединок выиграл уже давно, и теперь просто стоял в стороне, сверкая на всю площадь фамильным серебряным конём. Рядом высился и здоровяк Гиверис с красным овном на груди.

А по другую сторону от статуи Халара радостно обнималась уже знакомая пятёрка во главе с Глахом Кенундом. Как Йед разузнал, это были простые солдаты столичного гарнизона. И каждый раз, когда взгляд его случайно за них цеплялся, на душе у него скреблись кошки. Как ведь глупо он с ними рассорился! Ни за что, ни про что, они теперь считают его кем-то вроде предателя. Но ради чего им быть врагами?

К стану счастливых победителей примкнул и Мерон. Подобно Киреану, он сумел победить своего противника до срока – некоего гвардейца с боевым шестом. Тот, не иначе, когда-то обучался сему искусству там же, где и Мерон – в Тысяче сверкающих душ. Теперь же оба они стояли у стены, любовались остальными и обсуждали нынешнее житие Обители.

Всего же на ногах и при оружии оставалось восемнадцать кандидатов.

Тем временем взмыленный гвардеец, что сражался с Йедом, шагнул напрямик к сэру Тарбису, который вместе с писарями возился над какими-то свитками.

– Здорово, малец! – воскликнул он. – Я же тебя с назначением не поздравил ещё! Добро пожаловать в Совет стратегов!

В ответ на столь фамильярное обращение вечно суровый сэра Тарбис вдруг преобразился. Никто и подумать не мог, что на лице его тоже может сиять улыбка, такая простая и такая человеческая.

– Гаррис, дружище! А я и знать не знал, что ты здесь! Не мою ли работу инспектировал? Оба расхохотались и крепко обнялись – так, как обычно обнимаются старые друзья.

Кто-то из гвардейцев поднёс означенному Гаррису шлем – совсем не такой, в котором тот сражался с Йедом. Новый шлем украшал стоячий гребень в форме гривы давна. Видимо из настоящей гривы и сделанный.

– Кто прошёл испытательный поединок – стройся в линию! – рявкнул сэра Тарбис. – Перед командующим!

– Вот так сюрприз!... – прошептал Йед.

Он, оказывается, только что дрался с самим командующим королевской гвардии!

Все победители спешно выстроились в линию, пока командующий Гаррис надевал свой гривистый шлем.

– Восемнадцать, – бодро молвил он, окидывая строй беглым взглядом. – Итак, после всех испытаний вас осталось лишь восемнадцать, и мне пришла пора представиться. Я – сэра Гаррис, рыцарь короны, командующий гвардией и один из высших стратегов короля-регента Рамиса. Вы все прошли назначенные испытания с честью. До звания королевского гвардейца – всего пара шагов. И всё же, получить гвардейский меч смогут лишь двенадцать из вас и не больше. Осталось два последних испытания, которые и определят, кто именно. Вы все уже знаете, что это за испытания. Но пока... Пока победа ваша. Хвала гвардии!

– Хвала гвардии! – ответил восемнадцатиголосый хор.

– Томить не будем, – заверил капитан Тарбис. – Уже сегодня каждый узнает свою судьбу. А пока – рразойдись!

– Только площадь не покидать, – добавил командующий Гаррис. – Мы скоро будем обратно.

Шутя и посмеиваясь, как закадычные друзья, они вдвоём вышли за ворота. Куда-то в сторону храма Шамины, чья центральная башня возвышалась надо всей столицей грандиозным монументом.

Йед разыскал глазами одного из недавно приобретённых друзей.

– Мерон! – радостно окликнул он.

Тот, едва услышал голос Йеда, сразу направился к нему.

– Нас обоих можно поздравить! – воскликнул он не менее радостно.

– А я даже не ожидал, что вдобавок ко всему ты и с шестом дерёшься так здорово! А помню, ещё и рисуешь этим шестом неплохо! Вот уж монах на все руки! Занятым же вещам в вашей Обители обучают. Даже совсем не монашеским, сказал бы.

– Тысяча сверкающих душ издревле озаряет Междуморье немеркнушей славой, – важно запел «монах на все руки». – Впрочем, что касается боевых искусств, это объясняется просто. Наша Обитель расположена почти что посередине обитаемых земель. В мирное время это даже неплохо, так как через нас проходит много торговых путей. Но в истории не раз случались кровавые смуты, когда монастырь из-за выгодного расположения осаждали самые разные армии, не чтящие Богиню и Синод. А даже если и не осаждали, воюющие войска завсегда оказываются источником бандитов и головорезов всех мастей. Они тогда враз наводняют все дороги вокруг Обители.

– Это как при Короле-еретике тысячу лет назад?

– Например тогда, – кивнул Мерон. – Да, если верить хроникам, то низложение Короля-еретика привело к ожесточённой междоусобице, и Синоду стоило немалых усилий потушить этот пожар. В такие времена монахов некому защитить, кроме нас самих.

Мерон гордо ударил кулаком в грудь.

– Между прочим, в других монастырях такого нет, – продолжал он. – Там занимаются сугубо мирными делами: ведут летописи да укрепляют веру. Мы же бережно храним не только духовные традиции, но и боевые. Мы не забывали их даже в самые долгие годы мира, что нас не раз спасало. Тысяча сверкающих душ столь стара, что никто толком не знает, когда её основали... Однако за всю известную историю ни один враг не смог взять её силой. Наша Обитель вечна, как сами звёзды.

«Мы», «нас», «наша обитель»... Интересно, что Мерон никогда не говорил о себе, как об *бывшем* монахе. Словно изгнания своего он и признавать не хотел, считал это временным недоразумением.

– Странно всё это... – сказал Йед. – Ведь если ты и сражаться с боевым шестом умеешь так здорово, то я вообще не понимаю, как настоятель мог тебя выгнать...

Мерон задумался.

– Знаешь, на самом деле в монастыре я дрался посредственно. Не любил я этого занятия, в отличие от некоторых братьев. Эх, вот брат Фария у нас настоящий боец!... Однако когда меня выгнали... Изгнание – нечастое наказание в Обители, но в моём случае всё... всё даже ещё хуже было. Игумен меня тогда здорово отколотил, а под конец ещё и наговорил целую кучу оскорблений! Он вообще тяжёлого характера человек, но в тот вечер превзошёл самого себя. И знаешь что? Всё это задело меня за живое. Я сделался зол, как демон Старого мира. Тем злополучным вечером я решил доказать, что совсем не таков, каким он меня считает. Надеюсь, король–регент рано или поздно пожелает посетить Обитель. Я хочу, чтобы игумен увидел меня в облачении гвардейца с королевскими давами на груди, и от изумления подавился собственным языком! Чтобы я смотрел, как он задыхается и бьётся в конвульсиях! Ха–ха!

На добродушном лице Мерона было написано, что говорит он не вполне всерьёз.

– Вот оно как! – расхохотался Йед. – А может, такому настоятелю стоит быть благодарным? Он ведь пробудил в тебе волю к победе, а это уже полдела. Без него ты бы и не оказался здесь.

Мерон только нахмурился.

– Даже если и так, человек он всё равно скверный. Про него ещё много разных слухов ходит, что он якобы был... Впрочем, неважно. А ты, пожалуй, в чём–то прав! Знаешь что? Со дня изгнания я ещё не выпил ни капли вина.

Ни капли вина? Йеду последнее слово как–то резануло по уху. Значит Мерона что, всё–таки за пьянство выгнали?

Йед, надо сказать, не являлся праведным поборником трезвости. По крайней мере, его отношение к Мерону из–за одного этого вряд ли смогло бы ухудшиться. Странно другое: прежде Йед даже и не задумывался всерьёз, что у Мерона могли быть проблемы такого рода. Одним нечаянно обронённым словом Мерон вдруг приоткрыл какую–то другую свою сторону, более тёмную, чем привычный образ добродушного «монаха на все руки». А что, интересно, ещё может под этим образом скрываться? За что же его изгнали из монастыря на самом деле?

Впрочем, Йеду не очень–то хотелось это выяснить. Какая, собственно, разница? У кого нет пороков! Ведь достоинств у Мерона более чем хватает, и они как раз – все на поверхности.

Вдруг оживлённый галдёж прервал командный голос.

– Всем победителям – встать!

Вернулся сэр Тарбис.

– Стройся! А проигравшие – немедля за ворота! Вам здесь смотреть больше не на что.

Подле бравого капитана мягкой походкой шествовал служитель Маэл, превосходя его ростом сразу на две головы.

Когда счастливые без пяти минут гвардейцы выстроились в шеренгу, синеокий Посланник Синода заговорил вкрадчиво–певучим голосом.

– Вы успешно прошли непростые испытания: на силу, ловкость, выносливость и тому подобные вещи. Хотя вас всё равно оказалось больше, чем надо... Так или иначе, шестерых придётся отсеять жребием. Однако перед жеребьёвкой я должен проверить чистоту помыслов каждого из вас при помощи Священного дара. Ведь обычными испытаниями трудно определить такие качества, как благонадёжность или преданность... Страшиться не нужно: кто не вражеский шпион и не преступник – тот уйдёт с миром, даже если и не пройдёт сию проверку. Слово кровного служителя Святой Владычицы!

Подобно хищному зверю, он неспешно прошёлся вдоль притихшего строя туда и сюда, впиваясь в каждого своим колдовским взглядом.

– Йед Велунд, сын кузнеца, – молвил Маэл, не поворачивая к тому головы. – По стечению обстоятельств ты мою проверку уже прошёл. Ты здесь лишний. Ступай в храм и жди остальных в Нижнем зале.

А пристальный взгляд его не сходил с Глаха Кенунда.

Йед вышел было из строя, но остановился на полушаге. Он осторожно повернулся в сторону Маэла с Глахом. Те застыли друг напротив друга, как вкопанные.

Вернее, лишь невнимательному взгляду казалось, что Глах стоит неподвижно. В действительности же он тихонько трясся, как в лихорадке, не в силах отвести взгляда от синих глаз Маэла. Четверо его товарищей тревожно обернулись, но помочь ничем не могли. Йеду подумалось: а не точно ли так он сам выглядел, когда Маэл вызывал, что случилось в деревне?

– Противишься? – ласково проворковал Маэл. – Думаешь, можно от меня что-то скрыть? Какая самоуверенность! Знать потаённое – священная обязанность Посланника Синода!

Колдовские полосы на его голове затрепыхались бледными отсветами – едва заметными на полуденном солнце.

Сэр Тарбис недовольно нахмурился, но с места не сошёл.

– Ступай уже прочь, сын кузнеца! – вдруг рявкнул Маэл, продолжая впиваться глазами в Глаха. – Не испытывай терпение!

Голос его внезапно преобразился до неузнаваемости, обнажив опасный металл.

Йед тотчас же развернулся и направился в сторону храма Шамины, что гордо высился над городскими крышами. Однако позади вдруг раздался хриплый бас Глаха.

– Вон из моей головы, Чтец! Это всё ненасто...

Тут он завопил, как от нестерпимой боли.

Йед оглянулся. Бедняга Глах стонал и корчился у ног Маэла. Весь строй в испуге от них отпрянул.

– Ненастоящее? – услужливо подсказал Маэл. – Ну так я тебе и настоящее покажу!

Заметив, что Йед снова некстати замешкался, сэр Тарбис сердито махнул ему рукой.

– Сказано же – вон! – прошипел он. – Дурень!

* * *

Днём Народный храм Шамины – точнее, лишь Нижний зал – оставался открыт для широкой публики. Йед бывал здесь не раз, ещё вместе с отцом. Сам кузнец не был особенно набожен, однако он никогда не отказывал жене в просьбе отнести в Храм то или иное подношение, дабы испросить милости у Богини звёзд.

Просторный Нижний зал находился в самом основании Храма. В центре располагался алтарь в форме четырехлучевой звезды, копирующей очертания самого храма. А над алтарём возвышалась статуя Шамины с широкой чашей на руках. Кровавых жертвоприношений Богиня не принимала, поэтому в качестве подношений люди обычно приносили дары земли: колосья и пчатки, фрукты и иные плоды. А вне урожайного сезона в чаше нередко оказывались разные

мелкие вещи или невзрачные предметы обихода. Предметы вовсе не случайные: по поверью, действенным считалось лишь подношение, ценное лично для просителя.

По всему периметру зала стояли статуи. Статуи Чтецов – с людьми их не перепутать даже в камне. Можно было бы подумать, что они изображали всех Посланников Синода, что несли труды и заботы при королевском троне, однако за тысячу лет существования страны столько Посланников было просто не набрать. Служители Шаminy ведь бессмертны, и каждый Посланник Синода несёт свою службу по несколько поколений.

Йед задрал голову к потолку. Высокий купол Нижнего зала покрывала роспись: местами уже довольно ветхая, но всё такая же прекрасная. Она изображала легендарную сцену из эпохи Старого мира – победу Шаminy в битве с Чёрным чудовищем. Богиня–воительница предстала здесь в грозном боевом облачении – с шлемом на голове и копьём в руке. Величественные крылья плавно перетекали в темно–синее звёздное небо, которое занимало добрую половину купола. В нижней же части жуткими щупальцами била зловещая чёрная масса. Серебряное копье Богини пронзало страшного демона Старого мира, исторгая в воздух яркие молнии.

Любоваться чудесной росписью можно было хоть целую вечность. Йед так бы и стоял, задрав голову к потолку, если бы в зале один за другим не стали появляться люди. Первыми явились принц Киреан и Гиверис, за ними Мерон и остальные.

Йед насчитал лишь тринадцать человек. Глаха с его четвёркой всё не было.

Показался уже и сам служитель Маэл, а значит больше ждать некого.

– Ваша милость, – рискнул спросить Йед, – а где... где Глах Кенунд и четыре его спутника?

Маэл брезгливо скривился.

– Они не допущены к жребию. Их миропонимание не уместно в гвардии короля. Кроме того, я всё теперь знаю о той вашей заварушке с Киреаном. После такого ни о какой гвардии для них и речи быть не может.

– И что с ними теперь случилось?

– Они солдаты из столичного гарнизона, а значит в подчинении у капитана Тарбиса. Я просто поведал ему о том вашем происшествии у конюшен, и он их немедленно уволил со службы. За неподобающее поведение. Однако никаких реальных преступлений они не совершили, потому отпущены с миром. Как и было обещано. Если принц Киреан ещё считает себя оскорблённым, то это уже его дело, а не короны или Синода.

Появился капитан Тарбис, а следом – командующий Гаррис. Последний не расставался со своим шлемом под гривой давна, однако по причине жаркой погоды вынужден был нести его в руке.

– Итак, вас осталось тринадцать, – заговорил сэр Тарбис. – Но жребий определит лишь двенадцать гвардейцев. Один не получит гвардейского меча, несмотря на то, что прошёл все испытания и ничем других не хуже. Многие сочтут это несправедливым... С чем я спорить не стану, однако гвардейские законы непреложны. По древней традиции, церемония жеребьёвки проходит в Небесном зале – под самой вершиной Храма. Знайте: это священное место, куда Посланник Синода Маэл приглашает вас в качестве гостей. Простой люд туда никогда не пускают.

Сэр Гаррис отдал торжественный приказ.

– Тринадцать победителей явились на встречу с судьбой! Открыть для них главную лестницу! Хвала гвардии!

– Хвала гвардии! – ответили два стражника, ударив себя кулаками в грудь.

Створки дверей неторопливо отворились, а следом за ними широко раскрылись и тринадцать пар восхищённых глаз.

Первым с места двинулся принц Киреан. Когда он исчез на широкой винтовой лестнице, за ним последовал Гиверис, а следом и все остальные. Сделав глубокий вдох, Йед тоже шагнул вперёд – навстречу мечте. Мечте, которая на глазах становилась реальностью.

* * *

Йед опасливо разглядывал столицу с высоты Небесного зала храма Шамины. Что за архитектор, интересно, придумал здесь такие окна? Простые прорези в стенах, почти до самого пола.

– А это чтобы проигравших после жеребьёвки сразу вниз и сбрасывать! – пошутил кто-то за спиной. – Ещё одна священная гвардейская традиция!

В ответ грохнул смех – неуклюжую шутку никто не посчитал ни глупой, ни неуместной. Ведь страх перестаёт быть таким уж страшным, если над ним насмеяться. И каждый втайне цеплялся за возможность посмеяться над их общим страхом.

Страхом оказаться тринадцатым.

А действительно: если случайно оступишься – лететь до земли придётся долго. Йед всё-таки шагнул назад. Из глубины Небесного зала виднелись лишь заснеженные вершины Закатных гор – далеко на горизонте. А он ведь ещё недавно стоял на тех самых склонах предгорий и с высоты Поющих пещер точно также взирал на столицу с храмом Шамины! Помнится, он много раз приходил к тем пещерам, чтобы...

Тут мысль его сбилась. Для чего он вообще приходил туда? Он не мог вспомнить. Ведь сами пещеры его вроде бы никогда особенно не интересовали.

Впрочем, какая разница? Наступает самый важный момент в его жизни, а он задумался о каких-то пещерах. Жребий вот-вот отберёт двенадцать кандидатов из тринадцати. Кому-то одному крупно не повезёт...

Йед потёр вспотевшие ладони.

В середине зала находился широкий круглый стол, а на нем – выложены двенадцать мечей. Каждый – в ножнах с вязью золотых узоров. В центре стола – в чашевидных углублениях – покоились две кучки шаров одинакового размера: позолочённые и посеребрённые. Им и предстояло сыграть роль жребия.

Сэр Гаррис надел наконец свой шлем командующего, дабы освободить руки, и принял от капитана Тарбиса пустой мешок особого покроя. В самом верху имелось небольшое отверстие, в которое можно было лишь просунуть руку, но не разглядеть содержимое.

Затем он подошёл к столу и неспешно отсчитал нужное количество шаров: двенадцать золотых и один серебряный. Дабы исключить малейшие подозрения в нечестности, он торжественно поднимал каждый шар над головой, давая всем возможность убедиться, что шар в руке всего один, и что он нужного цвета.

– Золото! – объявлял он во всеулышанье.

А затем опускал очередной золотой шар в мешок. И лишь в последний раз он сказал: «Серебро!». Так в мешке оказались все тринадцать шаров.

Жеребьёвка началась.

Тринадцать победителей вынули шары, один за другим.

Запрещалось показывать свой шар сразу, дабы не смущать оставшихся. Ведь чем дольше не выпадает серебряный шар, тем выше шанс, что следующий, кто запустит руку в мешок, вынет именно его. Это лишь подогрело бы ненужные страсти и ажиотаж к концу церемонии.

Первым показал свой шар Киреан. Золотой.

Командующий Гаррис торжественно заговорил.

– Клянёшься ли ты верно служить короне без страха и сомнений? Клянёшься ли ты защищать монарха, его страну и народ от любого зла, пусть даже ценой собственной жизни?

– Клянусь, – гордо ответил среброродный принц Изерры.

– Тогда бери свой меч. И пусть он служит тебе столь же достойно.

Золотой шар оказался и у Мерона. Командующий повторил речь, и бывший монах тоже принёс священную клятву.

Со счастливыми лицами, они подходили один за другим и произносили слова клятвы, сдавая золотые шары и получая взамен мечи с позолочёнными узорами. Золото менялось на золото. Тот же, кому досталось лишь серебро, не сможет получить золота.

Йед не смотрел, какого цвета шар сжимает его кулак. Он и так это уже знал.

В последний раз подобное случилось перед тем самым землетрясением. Неясное предчувствие чего-то неотвратимого. Такое бывало с ним и прежде – тревожное чувство, словно бы он попался в липкие сети, из которых самому никак не выбраться. Словно бы и не он один, а весь мир в них попался... И всякий раз это заканчивалось чем-то плохим. Ведь именно то землетрясение и привело в итоге к чуме, что разразилась в деревне.

И сейчас то же самое предчувствие подсказывало, что его шар – серебряный. У него никак не хватало духу разжать ладонь и посмотреть, но сомнений почти не оставалось. А происходящее вокруг лишь подтверждало его правоту. Один за другим, победители испытаний подходили к каменному столу и произносили слова клятвы, разбирая гвардейские мечи. А серебряного шара всё не выпадало.

Первым забеспокоился служитель Маэл. Йед не знал почему, но Посланник Синода имел какой-то интерес к тому, чтобы Йед всё-таки вступил в ряды королевской гвардии. Когда мечей на столе осталось меньше половины, он бросил на Йеда пронзающий хмурый взгляд. Юноша пребывал в душевном смятении, которое не могло ускользнуть от дара Чтеца.

Следом почуял неладное сэр Тарбис. От себя он требовал не меньшей дисциплины, чем от других, и потому на испытаниях не мог оказать Йеду никакого предпочтения. Он даже и виду не подавал, что его знает. И тем не менее, все эти дни он пристально за ним наблюдал. Этот юноша успел ему понравиться, даже более того – в душе старый вояка им восхищался. Восхищался его целеустремлённостью, и даже той каплей безрассудства, что недавно чуть было не привела к массовой драке. Но больше всего он восхищался наивной честностью юноши, которую сам давно уж утратил. Потому когда со стола исчезал очередной гвардейский меч, морщины на лице сэра Тарбиса становились всё глубже, а сам он словно бы делался чуточку старше.

Ему было жаль Йеда. Не столько из-за того, что случилось в той злосчастной деревне, сколько из-за того, что с ним сотворил стоящий рядом Чтец. Сэр Тарбис один знал, что у этого юноши есть родная сестра, о которой тот даже не помнит, и которая теперь обретается одна – неизвестно где, если вообще не сгинула. В душе у него не раз возникал благородный порыв: взять да и рассказать Йеду всю правду. Но он не мог послушаться служителя Маэла. Он боялся.

Вот все двенадцать золочёных мечей оказались разобраны. А на Йеда со всех сторон смотрели сочувствующие лица.

– Йед Велунд, сын кузнеца! – раздался приказ командующего Гарриса. – Покажи, что у тебя в руке. Все должны видеть воочию. Серебро или золото?

Как же так вышло? Почему судьба ополчилась именно на него? Что в нем особенного? Неужели всё это просто бесцельная случайность? Не может же быть, чтобы в мире что-то происходило просто так, безо всякой причины и смысла!

У Йеда не получалось разжать ладонь, как он ни силился.

– Серебро или золото? – повторил сэр Гаррис.

Неимоверным усилием Йед вытянул ладонь перед собой и раскрыл её. Серебряный шар упал и покатился по полу.

– Что же, – глухо молвил он, – Мне пожалуй следует теперь спускаться по той лестнице обратно. Если традиция и впрямь не велит выбрасывать проигравших из окон...

На этот раз неловкая шутка усмешек не вызвала.

Вдруг сзади кто-то опустил руку ему на плечо. Оглянувшись, Йед увидел добродушное лицо Мерона.

– Это не беда, дружище. Стоит ли печалиться из-за куска железа?

Тот подошёл к столу и положил на него свой меч.

– Прошу меня простить, – обратился он к сэру Гаррису, – но я должен отказаться от своего места в гвардии в пользу моего друга. Я уверен, что он заслуживает его больше меня.

– Нет, остановись! – воскликнул Йед. – А как же настоятель в Обители? Ведь он ещё должен пода... похвалить тебя за старания и успех!

Мерон лишь молча улыбнулся.

– Твоя преданность другу достойна похвалы, меченосец Мерон, – заговорил командующий Гаррис. – Но правила ясно запрещают то, о чем ты просишь. Если такое разрешить, то кандидаты неизбежно начнут торговать местами между собой. А такого допускать никак нельзя. Ты пока ещё вправе отказаться от службы в гвардии, коли не вышел за порог Небесного зала, но тогда в гвардии просто будет двести девяносто девять человек вместо трёх сотен. Сыну кузнеца твоя жертва всё равно не поможет, потому что жребий уже сказал своё слово.

Мерон успел лишь растерянно повернуться к Йеду, как вдруг на круглый стол упал ещё один меч.

Все с удивлением оглянулись на принца Киреана. От него подобного поступка ожидали меньше всего.

– Тогда и принц Киреан, первый сын среброродного Фарлеана, откажется от этого меча. Да не сочтите это за неуважение королевского дома и гвардейских традиций.

– Как это понимать? – спросил сэр Гаррис. – Ты полагаешь, что таким способом заставишь нас изменить решение? Думаешь, мы испугаемся знатности твоего отца?

– Вовсе нет, командующий... Я, кажется, понял, почему в гвардии приняты такие правила. Почему нет разницы между простыми и благородными... Благородство и высокое происхождение – не всегда одно и то же. Человек, рождённый без титула, всё равно может оказаться благородным в своём сердце. А знатный вельможа – пустышкой с красивым рисунком на груди. Ведь все мы хорошо знаем легенду о предательстве Короля-еретика... По замыслу Халара, королевская гвардия должна собирать лучших из лучших, именно потому происхождение в ней значения не имеет. Думаю, он считал, что не титул наделяет своего обладателя достоинством, а сам человек должен наполнить достоинством титул, дабы он что-то значил для потомков. А раз так, то знатность – не привилегия, а бремя, которое возлагается на нас по рождению.

Гордо подняв голову, принц Киреан направился к Йеду и стал подле него – точно как тот прежде стал подле Киреана во время стычки с Глахом.

На лице принца не осталось и следа от прежнего высокомерия. Казалось, никогда прежде он не был так уверен в том, что поступил-таки правильно. Быть может, брезгливая надменность была лишь маской, которой он прикрывал собственные сомнения?

Остальные десятеро озадаченно переглянулись. Слова Киреана затронули сердца многих, попутно заразив их той же уверенностью.

Третий меч со звоном лёг обратно на стол. За ним – следующий. Кто-то хотел поддержать Йеда, для кого-то авторитетом стал среброродный принц, а кто-то – чего греха таить – просто счёл за мудрость последовать за большинством. Сдав свой меч, каждый становился подле Йеда.

Служитель Маэл подозрительно прищурился, затем отвернулся и о чем-то зашептался с командующим Гаррисом, которому пришлось снова снять свой шлем с гривой давна.

Сэр Тарбис в их перешёптывании не участвовал. Скрестив руки на груди, он просто наблюдал за происходящим и улыбался. И чем больше мечей возвращалось на стол, тем шире

становилась его улыбка, а морщин на лице – все меньше. Он был рад, что сумел отобрать действительно достойных гвардейцев. И сердце уже подсказывало ему, чем всё это закончится.

Однако на стол вернулось лишь одиннадцать мечей. Десять человек обступили Йеда с Киреаном, и только Гиверис остался стоять в одиночестве. Нервно переступая с ноги на ногу, с места он так и не двинулся.

Теперь все пятнадцать пар глаз уставились на него.

– Что вы все на меня так смотрите? Я не сдам свой меч! Я честно прошёл все испытания и заслужил место в королевской гвардии. Командующий же ясно сказал, что это ни на что не повлияет. Раз вы все отказались от меча, то в гвардии будет просто недобор в одиннадцать человек. А сын кузнеца не станет гвардейцем всё равно.

– Ты твёрд в своём решении, лорд Гиверис? – спросил его командующий Гаррис.

– Как я могу быть не твёрд? – удивился тот. – Почему я должен добровольно отказываться от того, что заработал такими усилиями? Я уже прошёл все испытания! Это моя победа, и я не отдам её никому! Только...

Тут он заподозрил неладное.

– Погодите–ка, почему меня назвали «лорд Гиверис»? В гвардии меня ведь должно называть «меченосец Гиверис», как этого монаха. Разве нет?

– Здесь нет ошибки, – сурово произнёс командующий. – Гиверис, первый сын Вандариса! Ты только что провалил испытания в королевскую гвардию. В истории гвардии случалось, что подобное происходило уже здесь, в Небесном зале. Очень редко, но бывало. И вот повторилось вновь.

– Да как такое возможно?! – возмутился Гиверис. – Испытания закончились сегодня утром, и я в них победил!

В спор вмешался служитель Маэл.

– Это не совсем верно. За строгое соблюдение древних законов гвардии здесь отвечаю лично я, как Посланник Синода. И согласно им, кандидат приступает к испытаниям с момента записи его имени в список. А заканчиваются они только как он покинет сей священный Небесный зал. Потому–то гвардейцам и дозволено отказаться от меча лишь пока они не переступили порог лестницы. А за порогом такое действие уже считалось бы дезертирством.

Гиверис холодел с каждым словом Маэла. Победа неумолимо ускользала из его рук вопреки всякому разумению.

– Даже если и так, никаких испытаний здесь сейчас не было, – упрямо стоял он на своём. – Последнее было сегодня утром, и я выиграл тот поединок! Я честно выиграл своё место в гвардии! И жребий это подтвердил!

– Места в королевской гвардии, – перебил его сэр Тарбис, – вовсе не призы. Мы их тут не разыгрываем, как картёжники в кабаке. За некоторыми из этих двенадцати мест кроется чья–то гибель. Так я хочу напомнить, что гвардия существует не для парадов, а чтобы защищать короля от вполне реальных врагов. Но гвардейцев немного, и потому они должны сражаться в бою слаженно. Если нужно – стоять насмерть. Все как один. А теперь оглядись и скажи мне сам, кто в этом зале пригоден для такого, а кто – нет?

Гиверис бросил хмурый взгляд в сторону Йеда и обступившей его толпы.

– Открою тебе секрет, – заговорил уже сэр Гаррис, – что ты был бы принят в гвардию, если бы тоже поддержал своих товарищей по оружию. В будущем сражении это спасло бы ваш отряд. Тогда всех вас можно было бы принимать без опаски, и в гвардии стало бы триста человек и один, а не триста. Такие исключения допускались в прошлом. Но с тобой... Считай, враг нас уже заранее разбил. А теперь, Гиверис, первый сын Вандариса, сдай гвардейский меч и покинь сей священный зал, ибо ты более не вправе тут находиться!

Делать Гиверису было нечего. Он смерил нехорошим взглядом сначала Йеда, а затем и Киреана. Подойдя ко столу, со звоном бросил меч в позолочённых ножнах в общую кучу, после чего скрылся на винтовой лестнице. Ни единого слова так и не обронив.

Когда же он исчез, командующий Гаррис вновь надел свой шлем с давновым гребнем и вытянулся по струнке.

– Гвардейцы!! Слушай мою команду! Мечи – рразобрать!

Йед забрал тот самый меч, что только что держал Гиверис. Он с восхищением разглядывал витиеватые золотые узоры на ножнах и рукоять с благородно выгнутой гардой.

Чья–то рука вдруг опустилась ему на плечо.

– Хочешь знать, что я обо всём этом думаю? – спросил Мерон. – Не знаю как, но тебе только что удалось покорить саму судьбу!

Йед задумался, рассматривая кромку блестящего лезвия.

– Судьбу?... А может ты и прав? Знаешь, многие дают своему мечу имя. Именно так я его и назову. Судьба.

Глава 16

«Даже безмозглый баран, бьющийся лбом о скалу, станет народным героем, если ему всё же удастся эту скалу опрокинуть!»

– Сир Киреан! – воскликнул Йед. – Перед тем как уйти, Мерон произнёс весьма загадочно, что вернётся с компанией, но я и подумать не мог... То есть... Я никак не думал, что сам принц Изерры не побрезгует посетить место вроде этого...

– Королевские гвардейцы не носят знаков отличия, – улыбнулся Киреан. – Кроме, пожалуй, командующего Гарриса с его роскошным шлемом...

Он вдруг опасливо огляделся.

– Только не называй меня больше «принц». А иначе я продолжу звать тебя «деревенщиной»!

Йед не вполне понял, что имел ввиду Киреан: то ли он опасается, что весь кабацкий сброд узнает о его происхождении, то ли просто хочет, чтобы Йед вёл себя с ним проще. Зная горделивый характер принца, Йед склонился бы к первому. Только вот привычной брезгливо-надменной маски на лице Киреана больше не было.

– Вот как... Выходит, ты пришёл просто выпить в нашей компании?

Йед намеренно обратился к нему на «ты», чтобы уяснить его настроение.

– Совершенно верно! – беззаботно кивнул Киреан.

Он сел за стол рядом с Мероном, который уже где-то добыл три больших кружки.

– Неумеренность конечно грех, – лукаво улыбнулся тот, – но что родится от воздержания?...

Киреан при одном виде содержимого только поморщился.

– У нас в Изерре обычно пьют клярз, то ещё пойло из лошадиного молока. Но эта ослиная моча, которую вы зовёте «пивом», не сравнится даже с ним. Да разве можно отмечать такое событие с *этим*?!... Трактирщик! – развязно крикнул он через весь кабак, – давай сюда лучшего из никкерских вин! Всё за мой счёт!

Он обернулся обратно к Йеду. На лице его светилась счастливая улыбка.

– По недоумению вижу, – сказал он, – ты удивлён, с чего это я сейчас такой весёлый?

– Ты обычно более... сдержан, – подтвердил Йед. – Хотя нам всем сейчас положено веселиться. Особенно мне... Кстати, я же ещё тебя не отблагодарил! Без твоей помощи мне бы не удалось ничего не добиться. И ты ради меня рискнул местом в гвардии... Я в долгу перед тобой.

– Ловлю на слове, – хитро улыбнулся Киреан. – Правда, рискнул я не совсем ради тебя. Мотивы мои были несколько... эгоистичными. Представь, всего за несколько дней я сумел вылепить из деревенского мужлана вполне приличного фехтовальщика. И как приятно было смотреть, когда в поединке ты едва не уделал самого сэра Гарриса! Словно я сам его тогда уделал. А в тот миг, как из руки у тебя выпал серебряный шар, меня это порядком огорошило. Получалось, что все мои труды пропадали даром из-за какой-то глупой железяки. А я совсем не люблю, если начатое дело не доведено до результата! И вот ты, Мерон, подкинул мне прекрасную идею. Не стану утверждать, что я заранее предвидел, как всё обернётся, но устроить где-нибудь маленький бунт – это мне всегда по душе! В разумных пределах, конечно.

Йед задумался.

– Значит, ты не боишься рисковать. Помнишь, ты говорил, что в бою я слишком озабочен защитой? Теперь я понимаю: это оттого, что сам я риска боялся. Но из твоих уроков я извлёк, что без риска победа невозможна, и только потому сумел выстоять против самого командующего!

– Без риска победа невозможна?... – задумался Киреан. – Наверное, так и есть... Правильно подмечено! Впрочем, я о другом начал говорить. Так вот, догадываешься ли ты, почему я вообще решил поступать на службу в королевскую гвардию?

– Честно признаюсь, что для меня это в какой-то степени загадка, – ответил Йед. – Зачем людям столь высокого происхождения идти в гвардию короля? Неужели её престиж настолько высок?

– По правде сказать, у каждого своя причина. Для кого-то вроде Гивериса важен и престиж... Но мои мотивы были иными.

Пока Киреан собирался с мыслями, лицо его делалось всё более серьёзным, постепенно приобретая прежний хладно-благородный вид.

– Тебе известно, – начал он, – что я первый сын среброродного Фарлеана, Владыки Изерры. И я уже как-то говорил, что мать моя давно умерла. Я её и не помню почти, если честно... Спустя короткое время отец взял себе другую жену. Так вот: я не просто первый сын, а единственный от моей покойной матери. У меня есть ещё четверо сводных братьев и сестра, но все они – дети мачехи. Думаю, ты уже догадываешься, каково моё положение в собственной семье?

Мерон брезгливо сморщился.

– Твои братья спят и видят, как отнять у тебя титул наследника, – сказал он. – У нас и столетия не проходило без какой-нибудь крупной склоки о наследовании.

– Погоди-ка, – прервал его Йед. – Но если Киреан первый сын своего отца, то какие тут могут быть склоки? О чем спорить?

Киреан нахмурился.

– Конечно, по общему закону я главный наследник отца. Я – среброродный принц Изерры. Однако отец может отдать предпочтение любому из сыновей, если так пожелает. Братья мои ещё довольно юны, хотя и они тоже начинают понимать многое. А вот мачеха... Не проходит и дня, чтобы она на меня не пожаловалась. Не подстроила какую-нибудь пакость, чтобы выставить меня в нелестном свете. Не попыталась убедить отца, что я недостоин короны Изерры. Он, конечно, лишь отмахивается... Пока что.

– Тогда почему же ты покинул Изерру? – удивился Мерон. – Мне кажется, сейчас у твоей мачехи и братьев только больше шансов восстановить отца против тебя. И отнять право на изеррийский престол...

– Да не в престолонаследии тут дело! Разве вам не ясно, в какое змеиное гнездо превратился мой родной дом? Почти всю жизнь я вынужден был доказывать – каждым шагом – что я на голову выше всех сводных братьев, вместе взятых. Что я единственный, кто достоин быть наследником. Думаю, именно по этой причине я и довёл своё искусство владения мечом до совершенства. Это стало источником моего упрямства.

Тут перед компанией явился хозяин заведения самолично – с заказанным вином.

– Лучшее из никкерского, что в погребе нашлось, – поклонился он, ставя грузный бочонок на стол. – Как было велено. Только сразу говорю: в копеечку ох как влетит.

– За кого ты нас держишь, трактирщик?! – возмутился Киреан. – Мы вовсе не нищие оборванцы! С сего дня мы – гвардейцы самого короля-регента Рамиса!

– Ааа... Так вы видать из тех двенадцати... Вон оно что!

Хозяин расплылся в извиняющейся улыбке.

– Нижайше прошу прощения, – поклонился он ещё раз. – Раз был тут случай неприятный... Знаете, как бывает: обжегшись на молоке, на воду дуешь... Что же, мои искренние поздравления, господа!

Пятась задом и непрестанно раскланиваясь, он спешно удалился. Винный бочонок остался в полном распоряжении Киреана.

– Вот почему меня прозвали Серебряным клинком Изерры, – продолжил тот рассказ, быстро наливая вина всем троим. – Упрямство... и упорство... Некоторые любят порассуждать о том, что есть разница между упорством, как чертой закалённого характера, и упрямством, как проявлением глупой твердолобости. Однако отец не раз говорил мне, что они идут рука об руку. И к какой бы цели я ни шёл, завистники обязательно будут корить за наглость или упрямство, потому что они просто не хотят, чтобы я чего-то добился. Но как только я достигну успеха, те же самые голоса начнут восхвалять меня за упорство. Как он любит говаривать, «Даже безмозглый баран, бьющийся лбом о скалу, станет народным героем, если ему всё же удастся эту скалу опрокинуть!». Вы наверное догадались, что Владыка Изерры страшно упрям!

Киреан сам рассмеялся своим словам, а затем выпил кубок залпом. И вдруг выдвинулся корпусом к Йеду, словно собрался сообщить большую тайну.

– А знаешь, что ещё? – понизил он голос. – У нас не раз случались и покушения на жизнь наследников изеррийской короны. Синод, понятное дело, такие преступления всегда тщательно расследует, но даже Чтецам бывает не удаётся найти того, кто вложил монету в руку убийцы. Ведь в таких заговорах часто замешаны люди очень высокого положения, а без веских доказательств Синод не станет огульно проверять умы высшей знати. У них это запрещено какими-то правилами. А если для покушения наняли Длань... – тут он перешёл почти на шёпот, – следов вообще не останется. В таких случаях даже и убийцы не сыскать. Они как тени в ночи.

Тут новый кубок вина излился прямиком в горло сереброродного принца.

– Отец упрям, но не глуп, – продолжил Киреан, едва переведя дыхание. – Он и не подумает лишить меня титула принца Изерры, а все поношения мачехи ему – что зудение комара. Однако опасаясь за мою жизнь, он решил отослать меня сюда. Ведь даже убийцам Длани не так-то просто пробраться в королевскую гвардию. И вот я здесь, среди людей, от которых не опасаясь получить кинжал в спину! Ты даже не представляешь себе, Йед, как это здорово. Вот почему я так рад сегодняшнему дню и готов расцеловать тут хоть каждого босняка!

Едва закончив говорить, он жадно осушил ещё один кубок.

Йед глядел на напивающегося принца и дивился. Он вспоминал, как впервые его увидел: скривившиеся от отвращения губы и надменный до спеси тон речей. Но тогда Йед ничего не знал о тайнах изеррийского двора и даже не представлял себе, что кроется в закоулках души принца. С самого детства весь мир ополчился на Киреана, и тот в одиночку был вынужден с ним драться. Драться вновь и вновь, и каждый раз побеждать.

– Интересно, – молвил Йед. – Я вот что скажу: ваши с Мероном истории чем-то похожи. Вас обоих пытались незаслуженно выбросить за борт, можно сказать отвергли. Однако это лишь укрепило вашу волю – и вот вы оба здесь, празднуете успех. Но всё же, за успехом тут кроется нечто совсем другое... Какая-то червоточина... Как бы лучше сказать? Печаль или беда...

– Трагедия? – подсказал Мерон. – Ты хочешь сказать, что за каждой историей успеха на самом деле стоит трагедия?

Йед кивнул. Мерону удалось точно сформулировать его мысль.

– А что насчёт тебя самого? – спросил Киреан. – То есть, про твою трагедию мы уже хорошо знаем... Про чуму в деревне... Но ты ведь решил идти в гвардию намного раньше? Для чего же?

– Я? – удивился Йед.

Вопрос внезапно застал его врасплох. В его случае за стремлением стать королевским гвардейцем никакой трагедии, казалось, не стояло. Не то, чтобы он тайно сомневался в правильности своего выбора, но вопрос «почему?» тут просто абсурден. Йед словно был создан для этого с самого рождения, и всё тут. Как можно спрашивать такое у него? Всё равно, что спросить, почему у него только две руки и две ноги, а не иное их количество.

– Я всегда хотел быть гвардейцем... С самого детства. Достоинно служить королю... и всё такое. Это моя судьба.

– Вот как? – разочарованно молвил Киреан. – Выходит ничего, кроме слепого подчинения правителю, тебя и не интересует?

Йед задумался. А действительно, зачем ему это на самом деле?

– Нет... Конечно же нет! Помните нашу клятву? «Защищать монарха, страну и народ от любого зла». Я всегда хотел служить... не столько даже королю, а людям. Ведь страна это и есть её люди! И я намерен уничтожить всё зло, что им угрожает! Защищать их, нести добро и помогать им всем!

– Прямо–таки всем–всем помогать и нести добро? – рассмеялся Мерон. – Да ты у нас святые метишь, я погляжу! И даже тем, кто тебя ненавидит и хочет убить?

– Разве правильно огульно помогать всем? – философски спросил Киреан. – Я хоть уже и пьянею, но такой глупости не сказал бы. Шут с ними с теми, кто ненавидит и считает за врага. Сделать добро и им тоже – благородно... Это я хотя бы могу понять. Но разве все люди достойны твоего благородства? Есть такие, которым твои усилия вообще не пойдут на пользу. Всё твоё добро окажется для них бесполезно. Ты поставил себе цель, которой не суждено сбыться.

Йед задумался. Слова Киреана кое–что ему напомнили. События прошлого...

– Я, кажется, понимаю, о чем ты. Мой отец однажды влип как раз в такую историю. Он упорно пытался делать добро одному человеку... И это обернулось ловушкой.

Йед заглянул на дно опустевшего кубка, чтобы собраться с мыслями.

– Был у отца один закадычный друг детства. Звали его как не помню уже, потому так и буду его называть «наш дружище». Мальчишками они с отцом всё время проводили вместе, но потом пути их разошлись. То есть в деревне–то нашей они оба по–прежнему так и жили. Но отец стал работать в кузне не покладая рук. Благодаря его трудолюбию, бедности наша семья никогда не знала. А наш дружище оказался непутёвым. Ни в одном ремесле не закрепился, и жил в нищете. Да и Старый мир бы с ним, но вот беда: он вскоре женился. О его невесте мы тогда мало знали, кроме как что она не из местных. Как позже выяснилось, родом она с юга, из никкерских земель. В её краях в чести одна народная община, что называют себя Добрые люди.

– Я о них слышал, – вмешался Мерон. – Вроде бы Добрые люди тоже поклоняются Богине, как и все, но привносят странноватую философию. В сущности, обычная секта, каких в Никкерии как грибов после дождя, однако Добрые люди рьяно стремятся распространять своё учение по всему Междуморью. Последователи этой веры расселяются по самым отдалённым уголкам среди простых людей, дабы нести «свет Богини», как они его понимают. Надо сказать, Синод никогда не одобрял ни Добрых людей, ни любую другую из никкерских сект.

Кивнув в подтверждение, Йед продолжил рассказывать.

– Вот тогда, женившись на той никкерке, наш дружище и изменился характером. Поначалу он просто стал занимать у всех, кто в деревне ни жил. Просить помочь средствами и едой, жалуясь, что они с женой голодают. Большинство селян скоро его раскусили, но отец всегда относился к нему по–доброму, ведь друг детства всё–таки. Вскоре, однако, и он тоже понял, что просто содержит его за свой счёт, вместе с его никкеркой. Отец пытался намекнуть нашему дружище, что пора бы уже и за ум братья. Но каждый раз тот принимался всячески стыдить отца и обвинять в разных грехах: жадности, самолюбии, эгоизме. Говорил, будто отцу просто повезло, что ему по наследству досталась такая кузня, и это нечестно, что отец стал зажиточным из–за простого везенья. Что если бы такая кузня досталась ему, он и сам жил бы не хуже. А значит Богиня одарила отца не просто так, а дабы он делился по справедливости с теми, кому повезло меньше. Наш дружище жаловался, как тяжела его жизнь, сколько болезней и несчастий валится на него и его жену, и что только из–за этого они и не могут найти себе столь же прибыльного дела. Но однажды отцу все эти рассказы надоели. Он сохранил непре-

клонность и дал нашему дружище от ворот поворот. И вот тогда к нам впервые заявила его жена. Эта никкерка слёзно расписывала всяческие беды и несправедливость, что преследуют её род ещё от прабабки. Обвиняла нашу семью в чёрствости и бесчувствии, а также в том, что мы ослеплены своим эгоизмом и гордыней. Что наше счастье – не отцовская заслуга вовсе, а дар Звёзд. И потому не следует нам воротить нос от ближних, которых Богиня не одарила столь же щедро. Ведь богатство – это вовсе не награда, а испытание, которое Богиня посылает более грешным из смертных. Так она якобы даёт нам шанс очиститься от греха, однако если мы станем в нем упорствовать, то не примет она наши души в мире мёртвой жизни. «Люди по природе своей грешны. Они порочны уже самим своим рождением. Потому и мир, населённый людьми, несправедлив и жесток», рассказывала она. «Боль и страдание – заслуженная кара за нашу нечестивую природу, противную Богине. Но жертва да очистит от греха! Те, кто жертвует ради ближнего, освободят свою душу от врождённых пороков. Лишь они, чистые духом, достойны провести Вечность в благом свете Богини». Не знаю, верила она во всё это сама или нет, но со стороны её заумные религиозные речи выглядели как оправдание, чтобы они с мужем оба продолжали висеть на нашей шее. На шее у всей деревни.

С каждым словом Йеда брови его слушателей поднимались всё выше.

– Дошло до того, что эта женщина пожаловалась на нас деревенскому старосте. Говорила, что о нас следует сообщить служителям Шаminy в столице, ибо живём мы жизнью неправедной и себялюбивой. Что мы отвергаем свет Богини. Что только из-за таких эгоистичных безбожников, как мы, в мире до сих пор так много зла и несправедливости. По счастью, с отцом наш староста всегда дружен был и очень тогда разозлился. Он сказал ей прилюдно, «Ты безумная фанатичка, муж твой – безмозглый лентяй, а вместе вы – позор всей деревни. Откуда знать тебе, пришлой никкерке, чего желает Богиня! Как смеешь ты приписывать ей свои безумные бредни! Чтобы никогда больше я подобной ереси здесь не слыхивал!»

Йед почесал затылок, догадываясь, что история стала уж слишком затягиваться.

– Ну, о тех препирательствах на богословские темы ещё долго можно рассказывать. Наконец, женщина та понесла. И к перечню невзгод их злополучной семьи добавились грядущие хлопоты и нужда из-за нового рта. Мать моя тогда сжалилась над ними и уговорила отца взять нашего дружище на работу в кузню. Мол, если жизнь у него и впрямь не сложилась, то почему бы и не помочь её наладить? Взять-то его взяли, но работать он в кузнечном деле всё равно не умел, да и учиться особо не желал. И вдобавок они вдвоём с женой стали поносить имя отца на всю деревню, будто бы наживается он на труде простых честных работяг, богатеет и жиреет за их счёт, а сам платит лишь жалкие крохи.

– Да эти бездари – просто два волдыря на теле нашей древней земли! – возмутился Мерон. – Так и чем же закончилась их история?

– Увы, жена нашего дружищи скончалась при родах. А он сам из деревни вскоре исчез, перед тем обокрав отца и оставив детей на попечении деревни. С тех самых пор отец хранил сбережения только в особом тайнике. А дружище того вначале кто-то видел побирающимся в столице... А потом он, как поговаривали, в разбойники подался.

Йед наморщил лоб и усиленно зачесал в затылке.

– Как же всё-таки его имя было? А, вспомнил! Его всегда по прозвищу звали. Щекотун – такая у него кличка, ещё со времён их с отцом ребячества.

Воцарилась тишина.

– Со временем отец признал, – молвил Йед, допив кубок, – что зря вообще помогал этому бездельнику. Неблагодарное и совершенно бессмысленное занятие. Получилось в итоге, что отец из добрых побуждений лишь вредил ему всё это время, лишь сильнее закрепляя в нем нежелание брать собственную жизнь в свои руки. Ты не об этом говорил, Киреан? Про то, что не все достойны добра и бескорыстной помощи. Та помощь, которой люди вроде Щекотуна желают, на пользу им не идёт, а иной они не примут.

Пока Йед рассказывал историю разбойника Щекотуна, к Киреану постепенно вернулось прежнее брезгливое выражение.

– Ещё недавно, – заговорил принц, – мне виделось, что все простолюдины таковы, как этот твой дружище... То есть, Щекотун. Но по тебе я вижу, что заблуждался. Происхождение тут не имеет значения, всё куда сложнее... Я видел, с каким упорством ты шёл к цели, вопреки всем временным неудачам. Потому я и решил поддержать тебя на жеребьёвке. Ты из тех, кто достоин помощи. И дружбы.

Принц Киреан задумчиво засмотрелся в трещину на столе. Он тоже что-то вспоминал.

– Раз ты рассказал нам историю из жизни своего отца, – заговорил он снова, – то тогда и я расскажу историю, которую услышал от своего. Пожалуй, она тоже о том, что даже благие намерения, вроде желания выручить друга, могут иногда не просто навредить, а привести к ужасной трагедии. А вообще, она много о чем... О том, как судьбы множества людей спутываются, переплетаясь в единый узел... И это сплетение безжалостно губит его участников. Вы знали, что лет пятнадцать назад Тарбис Бесстрашный, отец нашего сэра Тарбиса, командовал королевской гвардией? Это будет печальная история о его гибели...

– Пятнадцать лет назад? – заговорил Мерон. – Ты не о временах Войны кузенов?

– О них самых, – кивнул Киреан. – Едва наш Старый король Аларис, в те времена ещё вовсе не старый, унаследовал кейлейский престол, как разнёсся слух: будто бы он не от крови Халара. Якобы почивший король не был ему настоящим отцом. И его златородный кузен Вертис слухами тут же воспользовался. Он пожелал отобрать трон у Алариса. Синод не стал поддерживать его притязания – он вообще внутрисемейных споров сторонится – и тогда лорд Вертис не побоялся поднять мятеж. Он, однако, не бунтовал против Чтецов или установленных Богиней порядков, потому реакция Синода так и осталась невнятной. Высшая знать раскололась: кто-то осмелился поддержать Вертиса, кто-то, как мой отец Фарлеан, остался верен Аларису. А следом раскололась и вся страна.

– Но Аларис сумел победить в Войне кузенов и без поддержки Синода, – вклинился Мерон. – За что и получил прозвание Свирепый.

Мерон был явно недоволен, что на этот раз его лишили права рассказчика. Что-то, а выступать в роли знатока исторических перипетий он любил.

– Это верно, – кивнул принц, так и не дав Мерону перехватить разговор. – Войну выиграл Аларис Свирепый, а Вертис Узурпатор погиб. Но Аларис не вкусил от победы никакой радости, ибо заплатил страшную цену... Впрочем, я забегаю вперёд. Уже в самом конце, понимая, что его мятеж обречён на поражение, наш златородный кузен Вертис решился на отчаянный шаг. Он умудрился похитить жену Алариса, королеву Линнею, и двух её малолетних детей, принца Рамиса и принцессу Киру. Он хотел использовать их как заложников, чтобы шантажировать Алариса. Тот, однако, не пошёл на поводу у негодея, и решил брать приступом тюремную башню, где держали в плену его семью. Мой отец Фарлеан бился в том сражении бок о бок с Аларисом. В ваших, Мерон, монашеских хрониках остались лишь сухие записи, но я знаю эту историю из его уст... Всю до подробностей...

Глава 17

«Зачем я не послушал тебя, Посланник Синода? Почему ты меня не остановил?»

Чжирк. Чжирк. Чжирк.

Металл издавал мерзкий звук от каждого движения рукой – к острию или обратно.

У стены аскетично обставленной комнаты сидел угрюмый мужчина с чудовищным шрамом во всю щёку. Одетый в боевое облачение, он мерно водил полустёртым оселком вдоль лезвия обнажённого клинка. Кольчуга на нём была прежде то ли порвана, то ли разрублена в бою, а теперь наспех склёпана. Вылезшие по шву кольца слабо позвякивали всякий раз, как он задевал их локтем, но звук этот тотчас тонул в скрежете точильного камня.

Чжирк. Чжирк. Чжирк.

Тяжёлый взгляд стражника переходил с меча то на окно, то на троих пленников.

Снаружи опускалась ночь, и в нависших сумерках с трудом различались очертания дубравы, высаженной вокруг тюремной башни в стародавние времена. На стене комнаты тускло чадила масляная лампа. Света стражнику едва хватало, потому он перевесил её совсем низко. Прекращая иногда заточку, он подносил клинок к самым глазам – убедиться, вполне ли выправлена очередная зазубринка. И тогда огонёк лампы недобро сверкал в начищенном до блеска лезвии.

Женщина, что сидела напротив, избегала встречаться с ним глазами. Не от страха: взгляд её наполнялся ненавистью и презрением, едва натёк на тюремщика. Но она не желала тратить душевные силы на простую пешку. Ведь сил этих потребуется ещё немало.

Двое детей, девочка лет двенадцати и мальчик лет шести, сидели рядом с матерью, притихшие и подавленные.

– Отец правда придёт за нами? – робко спросила девочка. – Он сможет нас найти? Мы ведь опять на новом месте...

– Имей терпение, Кира. Твой отец всевластный король Великой страны Кейл, а значит может всё. Ему подчиняются многочисленные армии. Он благословлён Богиней и владеет древним магическим мечом, который та даровала людям в незапамятные времена.

Тут королева Линнея повернулась лицом к стражнику, чтобы тот хорошо расслышал её слова.

– А ещё Алариса недаром прозвали Свирепым. Либо я совсем не знаю собственного мужа, либо он очень скоро явится сюда и перебьёт всех, кто похитил его семью. Каждого, кто смел грозить нам оружием. Всех до одного.

В глазах стражника сверкнула искорка гнева, но тут же утонула и погасла.

– Ваш муж должен снять окружение с наших союзников, – спокойно молвил он. – Тогда вы сможете к нему вернуться. Иных требований его величество законный король Вертис Справедливый не выдвигает.

– Пустоголовый фанатик! Ты так и собрался тут с нами всю ночь сидеть?!

– В этом вы виноваты сами, госпожа. После вашей попытки побега его величество приказал усилить охрану. Потому вы теперь здесь, а я остаюсь при вас постоянно.

– Вертис Узурпатор сдохнет самой лютой смертью, какую мой муж только сумеет придумать, – злобно процедила Линнея. – Как и все его прихвостни!

Стражник промолчал. Он продолжил точить меч мерными движениями.

Чжирк. Чжирк. Чжирк.

– А если нас убьют до того, как появится отец? – всхлипнула девочка, – Он успеет?

– Златородная Кира из Галарид! – не выдержала королева. – Прекращай ныть немедленно! Никто здесь никого не убьёт, потому что мы держимся вместе. В нашей семье сильный всегда защищает того, кто слабее. Отец обязательно за нами придёт, но до тех пор я буду защищать вас двоих. Обычно братья защищают сестёр, но за Рамисом придётся присматривать тебе. Он ещё слишком мал...

– Это неправда! – зазвучал упрямый детский голосок. – Меня уже начали учить фехтованию! Я и без отца сам смогу вас защитить!

Королева ласково потрепала сына по голове.

– Вот видишь, – улыбнулась она дочери. – Твой брат не ноет. Когда он вырастет, из него выйдет храбрый и доблестный правитель. Но всё же, Рамис ещё слишком мал. Ты старшая, и за него в ответе. Поняла?

Принцесса Кира утёрла слезы и кивнула.

– Да, мама. Ты будешь защищать нас, а я – маленького Рамиса. Пока не явится отец.

Чжирк. Чжирк. Чжирк.

* * *

Аларис Свирепый вскочил и в ярости саданул кулаком по каменному столу.

– Как ты можешь говорить такое, Маэл?! Он подло выкрал мою семью и держит их в заложниках. Моих детей! Собственных племянника и племянницу! Я не пойду на поводу у мерзавца!

Король даже от боли не поморщился, хотя не мог не отшибить руки после такого.

Посланник Синода терпеливо смолчал, не шелохнувшись в кресле. Он знал, что Алариса бесполезно увещевать, пока тот в гневе.

– Мятеж почти подавлен, – продолжил король, – Это шаг отчаяния! Его надежды все были на подкрепление, которое мы блокировали близ Кинеризы. А сегодня Рубиновая когорта разгромила его южный аванпост. Узурпатор дышит на ладан, и мне теперь отступить?!

– Может ты и прав, – вкрадчиво молвил Маэл. – Но, возможно, стоит проявить дальновидность и толику ловкости, чтобы...

– Нет! – отрезал Аларис. – Даже если я пойду на условия... Он их не отпустит, так и продолжит меня шантажировать. Отец всегда говорил: не торгуйся с преступниками! Это только сильнее раздувает творимое ими зло. Моя семья, мой сын и наследник трона – в плену у врага! Что я за король, если стерплю подобное!

Он стиснул кулак, чтобы снова огреть безвинную плиту, но ушибленная кисть отозвалась резкой болью. Пальцы непроизвольно разжались, и Аларис в досаде упал на стул, обхватив руками стучащие виски.

– Прости, но я не поставлю заботы Синода превыше семьи. Какие ещё судьбы мира? Моя жена и дети в опасности. Нужно штурмовать ту башню, и без проволочек! Дорога к укрытию подлеца теперь открыта, но уже завтра он узнает, что мы совсем под боком...

– Подобный штурм будет делом весьма рискованным, – перебил его Маэл, поднимая ладонь в смирительном жесте. – Твой кузен уверен, что прав, а терять ему нечего. Он всё более походит на отчаянного безумца, и себя окружил такими же фанатиками. Пленников просто убьют при первых признаках нападения. Поверь мне.

Аларис шумно выдохнул.

– Я и сам понимаю весь риск. Не думай, что это лёгкий выбор.

Он отвернулся, затем встал и шагнул к окну, оглядывая сдавшуюся крепость врага.

– Не понимаю я только одного. Вергис почти побеждён. Почему Синод не желает мне помочь? Почему не поддержат? Чего они боятся?

– Они не боятся... Синод держится свода правил, которые отлаживались тысячелетиями. Мы никогда не вмешиваемся в дела правящей династии, тем более в споры о престолонаследии. Богиня и её Синод стоят выше семейных склок!

– «Семейных склок?» – возмутился Аларис. – Да за годы войны у нас полстраны в крови утонуло. Что должно произойти, чтобы Синод наконец вмешался?

Маэл лишь кисло поморщился.

– Там говорят, что оберегать мир внутри страны это обязанность златородной династии, а не Синода. Тысячу лет назад Богиня возвела Халара, чтобы тот установил мир на вверенных землях. Все его потомки должны свято блюсти сей завет, а если страна утопает в крови, значит династия идёт к краху. И тогда Высшая воля отрешит от короны и Вертиса, и тебя. Всех Галарид навеки. Нужно закончить войну, или проиграет сам род Халара. Так мне сказали в Запретной обители. Их слова я уже передал твоему кузену, как сейчас тебе...

Король отвернулся от окна и посмотрел прямо в синие глаза Чтеца.

– Я не оставлю свою семью в руках подлеца. Я их не брошу. Что угодно, но не это.

Служитель Маэл тяжело откинулся на спинку кресла и прикрыл усталые веки, обхватив впавшие скулы ладонью. Он, казалось, обратился во мрачную тень самого себя, и только четырёхлучевые звёзды на рукавах – священный символ Богини – ещё серебрились в вечерних сумерках.

– Я понимаю, Хал... Нет смысла спорить. Но что бы мы ни сделали, события могут обернуться трагедией. Без малого триста лет хожу я под небесами, а теперь не знаю, как поступить правильно...

В комнате нависла гнетущая тишина. Только снаружи слышалась неразборчивая речь – кто-то отдавал приказы.

– Помогите мне, – вдруг произнёс Аларис. – С поддержкой Чтеца отряд сможет быстро продвинуться в башне, не завязнув в боях. Нам придётся атаковать стремительно, но с твоей помощью это куда проще.

– Синоду такое вряд ли понравится... Я как Посланник не должен вмешиваться сам. Только помогать сторонам прийти к миру словом и советом...

– Когда я освобожу семью, война будет кончена. Не этого ли хочет Синод?

Маэл молчал. Помедлив, Аларис снова заговорил.

– Ты ведь знаешь... я всегда считал тебя другом. Не просто Посланником Синода. Не просто одним из Чтецов. И прошу я тебя о помощи, как друга.

Маэл глядел в стол.

– Разве могут быть друзья у Посланника Синода? – глухо произнёс он. – Тем более, среди смертных...

Он снова замолк, погружённый в тяжкие думы.

Король хотел сказать что-то ещё, но только поморщился и опять отвернулся к окну.

– Хорошо, Хал, – зазвучал вдруг голос в полутьме. – Мы вызволим твою семью из лап Узурпатора.

Лицо Алариса озарилось решимостью. Он размашисто шагнул к двери и распахнул её настежь.

Там ждал командующий королевской гвардией – в своём неизменном шлеме с гривистым гребнем.

– Тарбис! Готовь отряд, как условлено. Пускай позовут Владыку Фарлеана... И арбалетчика того тоже приведи. У него особое задание будет.

* * *

Луны–близнецы ещё не взошли, когда гвардейский отряд добрался до дубовой рощи, что окружала вражескую башню.

– Дальше не заходим, – тихо приказал командующий Тарбис. – Иначе стража заметит. Ищем нужное окно.

Соблюдая тишину, они рассредоточились между деревьев.

Окон в башне Вертиса имелось не одно и не два, на разных уровнях. Найти среди них нужное – где держали пленников – оказалось не так просто. Какие–то ярко светились, но там виднелись только вооружённые люди. В тёмных же помещениях трудно было разглядеть хоть что–нибудь. Дело продвигалось небыстро ещё и потому, что одному из отряда часто приходилось лезть на дерево.

Оттого командующий Тарбис, а вслед за ним и сам Аларис, нервно поглядывали на восток, где вот–вот должны были появиться два лунных полукруга.

Наконец, спустившись опять на землю, гвардеец доложил:

– Они там. Женщина и двое детей. И тюремщик настороже.

Тарбис подал знак, и молчаливый арбалетчик с густыми усами, что свисали ему чуть не до подбородка, полностью закрывая обе губы, стал готовиться лезть наверх.

По всему было видно, что усач этот – не простой стрелок, а редкий мастер своего дела. Арбалет его являл собой изощрённый механизм, снабжённый множеством регулируемых приспособлений. На поясе висели угломерные инструменты и иные предметы, назначение которых для постороннего человека оставалось непонятным.

Стрелок взялся уже за ветвь, как Аларис прихватил ему плечо.

– Не подведи меня. Не попади в королеву.

– Атрийские арбалеты самые лучшие, – прошевелил тот угрюмыми усами. – Ветра нет. Стрела полетит метко.

Найдя наверху устойчивое место на развилке толстых ветвей, он начал готовить свой арсенал. Вглядевшись намётанным прищуром в тусклое оконце, достал с пояса один из инструментов, чтобы снять замеры с башни. Затем вынул из угольно–чёрного мешочка небольшой фосфорный камень – тот сразу засиял во тьме бледным светом. Осторожно прикрывая его ладонью, стрелок осветил резную шкалу угломера.

– Восемьдесят... – прошептали усы. – Нет, семьдесят шесть малых локтей до цели... Хватает...

Наконец, он снял со спины сам арбалет. Конструкция была сборной: опоры и механический ворот крепились отдельно. Однако наиболее тщательно усач настраивал хитроумный механизм, чтобы выставить линию прицела на нужный угол. Ведь даже безо всякого ветра стрела не полетит точно по прямой.

Направив прицел в окно с пленниками, он довольно хмыкнул: нос арбалета смотрит немного выше прицела. Как надо.

Убедившись в последний раз, что смертоносный инструмент настроен не хуже, чем скрипка величайшего из мастеров смычка, стрелок помахал светящимся камнем вниз.

Заметив сигнал, командующий Тарбис натянул свой шлем с хищным гребнем.

– Ваше величество! – молвил он. – Мы готовы. Ждём приказа начинать.

Король обернулся на восток – там сквозь деревья уже просвечивала неразлучная пара ночных светил. Приближалось утро.

– Повторяю весь план, – заговорил он. – Мы с Маэлом и отрядом Тарбиса прорываемся в башню. Первыми. Ворота железные, но против Алой зари они не устоят. Узурпатор и сам, возможно, в башне, мы не знаем наверняка. Но там он или нет, наша главная цель не он, а

спасение королевы с детьми. Даже если сам Вертис внутри, даже если он попытается сбежать, пускай бежит. Фарлеан! – он повернулся к суровому бородачу с серебряным конём на груди. – Возвращайся к своим изеррийцам. Как только мы будем внутри, берите наружную охрану на себя. А ты, Маэл... знаешь сам, что делать.

Посланник Синода лишь мрачно кивнул, натягивая капюшон на лысую голову.

– Сэр Тарбис... – тихо молвил он. – Прожжённый вояка здесь вы, а не я. Потому долой церемонии. Считайте, что я особый гвардеец под вашим началом. Когда потребуется избавиться от врага, просто укажите мне на него. Скажите или дайте знак. На кого указывать в первую очередь – выбирайте сами, по боевой обстановке. Лишь бы он был в прямой видимости.

– И что... дальше? – нахмурился командующий. – Что с ним тогда будет?

Служитель Маэл медленно повернул голову, и в нарождающемся лунном свете глаза его блеснули колдовской синью.

– Считайте, что его больше нет.

Получив с земли сигнал начинать, усатый стрелок оживился. Решительно опустил чёрную повязку на глаз, а другим стал целиться в окно башни.

Пальцы потянулись к спуску.

* * *

Королева Линнея уже забылась беспокойным сном, когда услышала странный звук посреди ночи. Спросонья она никак не понимала, что произошло. В тесной комнате ничто вроде бы не поменялось: шаткий столик стоял у окна, на стене догорала тусклая лампа, а на скамье напротив сидел усталый охранник...

И тут она поняла: тюремщик был уже мёртв. Из его головы торчала толстая стрела арбалета. А на хвостовике повязан ало–золотой шнурок, который Линнея тотчас узнала.

– Аларис... – прошептала она.

Это был их венчальный браслет, символ извечных супружеских уз на обряде сочетания.

Королева подскочила к окну. Прямо на глазах дозорные внизу пали замертво, тоже сражённые стрелами.

Аларис решил на штурм. Он не принял условий кузена.

Линнея растолкала спящих детей. Шёпотом велела не издавать ни звука. Затем склонилась над телом убитого тюремщика.

Меч, который тот успел наточить, слишком тяжёл для рук королевы, но зато на поясе оказался удобный кинжал. То, что надо.

Она метнулась обратно к окну. Перегнувшись наружу, отчаянно пыталась найти глазами Алариса, но в ночной кутерьме не смогла никого разглядеть.

– Тревога! – завопил уцелевший стражник. – На нас напали!

Едва крик его задохся в сдавленном хрипе, как темноту у подножия распорол сноп кроваво–красных искр.

Линнея сразу узнала этот цвет. Это Алая заря – древний меч Богини – разрезала ворота башни.

Значит, здесь сам Аларис. Он уже внутри.

Ночной воздух огласил беспокойный набат. Забили в тревожный колокол.

За дверью послышались голоса и суматоха.

– К оружию! Это штурм!

– Убить пленников немедленно! Убить наследника лжекороля!

О Богиня... Дверь запирается только снаружи!

Линнея спихнула мёртвое тело в сторону. Скамьей из–под него едва успела подпереть дверь, как в неё кто–то яростно задубасил, изрыгая грубую ругань.

– Кира, Рамис! – крикнула она. – Помогите!

Все втроём они навалились на деревянную скамью, которая застопорилась одним краем об выступ на полу, а другим – упиралась в ходящую ходуном дверь.

Но надолго хлипкой скамьи не хватило. Мощный удар из коридора – и деревянные перекладины затрещали, надломились. Ещё удар – и слетевшая с петель дверь смела бесполезные обломки прочь. Вместе с Линнеей их придавило к стене.

Под детские испуганные крики в комнату ввалились двое расшвырянных мужчин с клинками наголо.

В тот же миг один из них пал замертво, едва успев схватиться за грудь. Оттуда торчал хвостовик арбалетной стрелы.

Второй недолго пребывал в растерянности. Он с рёвом рванулся к столику у окна и мощным пинком подкинул вверх – заткнуть оконный проем.

В столешницу тотчас воткнулась новая стрела, её смертоносный наконечник блеснул перед глазами солдата. Это стало последним, что он увидел в мире живых.

Сзади к нему подскочила Линнея. Рыча по-звериному, она с размаху вонзила кинжал в шею своего палача.

Оттолкнув дрыгающееся тело, королева попыталась вытащить злополучный стол. Но стол застрял в проёме, не поддавался, и тогда она вытолкала его наружу. Окно должно оставаться свободным.

Неразлучные ночные светила уже поднимались над кронами деревьев, озаряя окрестности. Где-то там, в пляшущих под листвой тенях, скрывался стрелок, от которого зависит жизни её и детей.

А внизу охранный гарнизон Вертиса уже стягивался к воротам башни.

Тут воздух до небес наполнился утробным гулом, подобным реву мифического зверя. Из деревьев выступил стройный ряд всадников. Серебряный конь на груди предводителя блеснул в лунном свете, словно сиял сам по себе.

– Дядя Фарлеан! – выдохнула Линнея, едва не расплакавшись от радости. – Вы победили! Война кончилась! Слышите, дети, дед тоже тут!

Но битвой снаружи некогда было любоваться. С лестницы вновь послышались грубые крики и лязг оружия.

– Нас теснят гвардейцы Алариса!

– Это Рубиновая когорта!

– За них Чтец!

– Где король Вергис?! Ещё людей сюда!

– Стоять насмерть!

– Грасс, Винг! Где вы там сгнули?

Затем какой-то шум и грохот.

– Засада!

– Тарбис!! Маэл, уложи стрелка!

Что? Это был голос Алариса?

– Сбрасывай!!

Снова грохот.

Тут в дверном проёме появился взмыленный офицер из личной охраны Вертиса. В одной руке он сверкал кровавым лезвием, а в другой держал щит с гербом Галарид. На голове – шлем с давновым гребнем, точно как у командующего королевской гвардией. Ведь Вергис считал себя единственным законным королём.

Мёртвые тела, стрела в груди одного и растрёпанная королева с кинжалом в окровавленной руке. Офицеру хватило мига, чтобы оценить ситуацию. Он поднял щит, словно по звериному рефлексу – и в дерево тут же воткнулась массивная стрела.

– Линнея! – гремел с лестницы Аларис, перекрывая шум сражения, – Мы здесь!
Дети сразу встрепнулись, заслышав голос отца.

Он и в королеву вселил надежду. Утро уже скоро! Только продержаться, и мрак рассеется, как ночной кошмар!

– Подыхай, проклятый фанатик!

Она бросилась на вражеского офицера с кинжалом. Как смел он посягнуть на их счастье! Как смел угрожать её детям!

Отброшенная мощным ударом щита, королева стукнулась виском. Комната вся заплясала и перевернулась вверх дном, а перед глазами замельтешили искры.

Не успела она прийти в себя, как грудь пронзил острый холод стали. От боли дыхание перехватило, и повсюду вновь запылали огоньки – на сей раз прекрасные, как россыпи ночных небес. Как звёзды Богини.

И боль отступила. Звёзды унесли её прочь.

Линнея лежала мёртвой.

Офицер небрежно поймал щитом новую стрелу арбалетчика. Он не обращал внимания на звуки сражения за спиной. Неважно, что битва проиграна – надо исполнить волю того, кого он считал королём. Даже если сам Вергис мёртв, никто не в силах отменить его приказ.

Принцесса Кира цепенела от ужаса, глядя на заваливающееся тело матери.

А маленький Рамис подхватил с пола окровавленный кинжал и с диким воплем кинулся к убийце.

– Щенок!! – прорычал тот, отшвырнув ребёнка пинком кованого сапога.

Малолетний принц отлетел в угол, а офицер тут же рывкнул от боли: в плечо ему воткнулась стрела, издав противный хруст.

Только болью его не остановить. Стрелок за окном промахнулся.

Скуля и корчась, Рамис не мог подняться на ноги. И офицер шагнул к нему, заведя меч.

Но в тот миг принцесса Кира встала между братом и смертоносным лезвием. Она дала матери обещание – защищать маленького Рамиса вместо неё.

И собралась его исполнить.

Ужас парализовал её. Вражеский меч сверкнул в лунном свете, но она даже глаза закрыть не смогла.

Вдруг офицер издал глухой стон. Пошатнувшись, словно пьяный, неуклюже повалился на пол. Безвольная рука выпустила меч, который с размаху звякнул рукоятью о стену.

В дверном проёме стоял служитель Маэл, а под капюшоном его медленно угасало мистическое бледно-лиловое сияние.

– Линнея!

В комнату ворвался обезумевший Аларис, весь забрызганный кровью. Свежая кровь струилась и с его меча, орошая каменный пол. Впрочем, меч был красен вовсе не от неё – он сплошь утопал в призрачном багровом огне.

Завидев у стены бездыханное тело, Аларис затрясся.

– Линнея! – бухнулся он на колени перед мёртвой женой. – О, Линнея...

Рука королевы ещё сжимала ало-золотой шнурок. Заметив это, Аларис издал тягостный стон, и беззвучные слезы покатались по его щекам.

Следом в комнату бесцеремонно ввалился внушительного сложения бородач с серебряным конём на груди и боевым молотом в руке.

– Изеррийцы зачищают окрестности, – сообщил он. – Мятажу Узурпатора пришёл...

Он осёкся и замолчал.

– Племянница... Не уберегли...

Молот его гулко бухнулся об пол.

– Ваше величество!

На лестнице показался гвардеец, замызганный в грязи и крови.

– В башне все враги убиты, либо сдаются. Узурпатор найден мёртвым. Похоже, убил себя ядом.

Аларис не отвечал. Как под гипнозом, он молча взирал на мёртвое тело жены.

Гвардеец и сам застыл при виде безрадостной картины. Груда трупов, окровавленное тело королевы, убитый горем король и плачущие в углу дети.

– Каковы потери? – глухо спросил Фарлеан.

– Командующий Тарбис пал. Принял вражескую стрелу, закрыв короля. Убитых считают.

Тем временем, маленький Рамис сумел подняться на ноги.

Увидев убийцу матери, который бездвижно лежал на полу, принц отчаянно закричал. Подхватив окровавленный кинжал, набросился на него и с жестокостью, неожиданной для ребёнка его лет, полоснул лезвием по горлу. Тот, видимо, оставался ещё жив, потому что захрипел и забулькал, не приходя в сознание. Не успокоившись на том, Рамис продолжал наносить беспорядочные удары, вопя и плача, пока сам Фарлеан не оттащил его в сторону, крепко зажав в ручищах–тисках.

– Довольно, принц. Он уже мёртв. Пойдём–ка отсюда на воздух.

Схватив бьющегося Рамиса в охапку, Фарлеан вышел с ним прочь. Теперь тягостную тишину нарушали лишь рыдания Киры, про которую все будто забыли.

– Папа... – позвала она.

Аларис встрепенулся, словно очнувшись от морока. Он только сейчас заметил, что дочь плакала, не отрывая рук от лица.

– Что с тобой, Кира? – встревожился он. – Дай посмотреть...

Тут лицо его побледнело.

– О Богиня! За что?! Целительницу Заэлию сюда! Она должна ждать в роще! Зовите, живее!

Его тон испугал Маэла не на шутку.

– Хал, что с принцессой? Что за напасть?

– Его меч... – вымолвил Аларис, сокрушённо обнимая плачущую дочь. – Он её лезвием задел... изуродовал. Она потеряла глаз...

Король медленно поднял голову и невидящим взором уставился на фигуру Чтеца.

– Зачем я не послушал тебя, Посланник Синода? Почему ты меня не остановил?

Глава 18

«Что же это за космическая сила, которая по мощи превосходит саму Богиню?»

– Ну и историю ты выбрал для застолья, – недовольно вымолвил Мерон. – Мы же тут радостное событие отмечаем. А значит, и рассказы все должны быть весёлыми. Ну где это видано, с меня весь хмель сошёл!

Его рука нервно сжимала священный символ Шамины, который он обычно носил на цепочке вокруг шеи. Впервые Йед увидел у него эту серебряную звезду ещё перед испытательным поединком. Мерон тогда достал её для молитвы. В своём сердце он оставался монахом из священной Обители. И ни изгнание из монастыря, ни даже поступление на гвардейскую службу никогда этого не изменят.

Киреан не успел ничего толком ответить Мерону, как его перебили со стороны.

– Так твой отец сражался среди тех изеррийцев? Под началом самого Владыки Фарлеана? О, ту башню охраняли сущие головорезы! Твоему отцу небось повезло зарубить там нескольких! А вот я в те времена воевал в войске Алариса. Ну как воевал, мы тогда просто держали армию Узурпатора в окружении под Кинеризой, но больших сражений уже не было. Враги, конечно, отказывались верить, что их предводитель повержен. Но им пришлось поверить своим глазам, когда Владыка Изерры привёз тело Вертиса и водрузил его на кол! Ха–ха, прямо перед их рядами! И тогда вся армия Вертиса сдалась на милость законного короля, куда ж им было деваться–то! Эх, а королеву–то и вправду жаль... Добра к народу была.

Ностальгическая реплика принадлежала одному из завсегдатаев кабака. Ветеран старой войны уже давно подсел к Киреану, чтобы подслушать его рассказ.

– Вот уж я–то прекрасно всё помню, – авторитетно заявил другой пьяница. – Сам тогда был в войске Вертиса. Поначалу нам не по себе стало от поражения. Мы ведь верили в то, что нам всё это время говорили... Что Вертис – настоящий король и всё такое... Но в конечном счёте нас всех простили и распустили по домам. О, как я был рад тогда, что война закончилась! А дома–то какой праздник был! Жаль только товарищей, кто с войны не вернётся... Теперь мы вот сидим и пьём вместе, а для чего они тогда гибли, спрошу я?

– Ну, за павших друзей! – деловито поднял выпивку первый пьяница.

– За павших друзей! – согласился второй.

Бывшие враги стукнулись кружками, затем лбами, и громко хохоча осушили свои порции в один залп. Заплетающимися языками они продолжали обсуждать истории из своей молодости, уже не обращая никакого внимания на трёх гвардейцев по соседству.

Киреан задумчиво продолжил.

– Отец рассказывал, что с тех пор между Аларисом и Маэлом будто кошка пробежала. Прежде они вели себя как хорошие друзья, но после той трагедии резко похолодели. Взаимно.

– Они считали друг друга виноватыми? – спросил Йед. – Но они же оба пошли на риск. И им не следует винить друг друга.

– Может ты и был бы прав, если бы речь шла о паре обычных людей, – согласился Киреан. – Но Маэл – служитель Шамины. Он Чтец. А Аларис – простой смертный, хоть и король. Всё–таки они с совсем разных берегов. Не следовало им вообще вести дружбы.

– Почему же нет? – удивился Йед. – Разве дружба не помогает в общем деле?

– Видимо, не тогда, когда речь идёт о Чтецах. Я вообще не слышал особенно, чтобы кто–то из них водил дружбу с людьми. Они всегда сами по себе. Маэл и Аларис – скорее исключение. Впрочем, оба после тех событий сильно изменились. Отец рассказывал, что Маэл стал более отстранённым... Между ним и всем людским родом словно бы невидимая стена выросла.

А Аларис... его эта трагедия надломила. Он изменился характером, стал... мягче, наверное. Даже беззащитней, доверчивей... Они с Маэлом ещё из-за этого стали часто ссориться, а затем и вовсе друг друга избегали. А потом старого Алариса постигло безумие. Он так теперь и бредит о тех временах... О Войне кузенов, когда Линнея ещё жива была. Душа его не выдержала горя и с гибелью королевы не смирилась. Теперь у нас целых два короля: старый Аларис как символ прошлого, и молодой Рамис, правящий король-регент.

– Знаешь, Киреан, – заговорил Мерон. – Думаю, не спроста ты не слышал о дружбе между Чтецами и людьми. Как ни странно звучит, но в той трагедии виновата именно дружба. Ведь на всех Посланников Синода возложена большая ответственность. Они управляют историей мира, не давая ей уходить в неправильном направлении. Они мыслят масштабами веков и тысячелетий... А люди всегда озабочены только личными вопросами, в масштабах истории сиюминутными. Вот Аларис был ослеплён тем, что его семья оказалась в плену. Я не хочу его за это обвинять, это нормально для любого человека, но только потому что он и есть человек. Простой смертный.

– Если так, – возразил Киреан, – то на самом деле вина здесь лежит на слугителе Маэле. Он повёл себя, как простой смертный. Пошёл на поводу своих личных отношений с Аларисом. Но он же Посланник Синода! И должен был поступать соответственно. Он должен был отговорить Алариса от штурма и придумать что-то ещё... Если и не исполнить требования Вертиса, то вести переговоры... Тянуть время... Глядишь, там и подвернулась бы какая другая возможность. Ведь война всё равно шла уже к поражению Вертиса, от него рано или поздно начали бы сбегать союзники...

– Но в таком случае, – ответил Мерон, – Разве правильно возлагать вину на одного Маэла? Что меня в этой истории всегда удивляло, так это бездействие Синода. Он напрочь устранился, словно бы его ничто не касается. А ведь войны бы просто не случилось, если бы только Вертису из Священного города в самом начале сказали «Цыц!» А так они сами довели ситуацию до белого каления...

Киреан недоверчиво поморщился.

– Мы не знаем, что бы случилось, вмешайся в дело Синод. Ведь они не из пальца эти свои правила высосали. Наверняка за десять тысяч лет что-то похожее в истории уже бывало, и они тогда повели себя так, как ты предлагаешь... Ведь очень трудно просчитать отдалённые последствия того или иного действия. А что, если, скажем, тысячу лет назад именно такое излишнее вмешательство Синода и привело к бунту Короля-еретика? Ты об этом думал?

Уподобляясь усталому Посланнику Синода, Мерон тяжело облокотился о стол, закрыв лицо обеими ладонями. Словно судьбы мира легли и на его плечи тоже.

– Ты наверное прав, Киреан. Кто мы такие, чтоб обвинять Синод? Голова идёт кругом от всего этого.

Он внезапно открыл глаза, уставившись на Йеда.

– Йед, а почему ты у нас замолчал? Скажи тоже что-нибудь!

– Да, – согласился Киреан. – Рассуди нас. Кого обвинишь ты? Маэла, Алариса, иль сам Синод? Ну, кроме Вертиса, конечно. Ясно, что он мерзавец мерзавцем и подлец подлецом, но он нам дан таким, каким дан.

Йед вздохнул. Он как раз раздумывал над этим, но дельного ответа не находил.

– Вы оба гоняетесь по кругу, но упускаете при этом что-то важное, – заговорил он наконец. – Обвинять кого-то одного здесь бессмысленно... Копни тут – виноват этот, копни здесь – виноват другой. Печальный итог сей истории – это результат действий всех её участников. Допустим, Аларис проявил излишнюю горячность и пошёл на безрассудный штурм. Но виноват ли он? Мог ли он поступить иначе? А вы на его месте разве смогли бы? Разве все ваши мысли не вертелись бы только о семье, которая попала в беду?

Мерон с Киреаном озадаченно переглянулись.

– Дальше идёт Вертис... Ты назвал его подлецом и мерзавцем, но...

– Ты что, его оправдываешь? – удивился Киреан.

– Да нет, я просто хочу понять его логику. Ведь он тоже обычный человек, а не демон с рогами. Ты хоть и рассказал нам всё, что знал, но на самом деле это лишь половина истории. Я уверен, что у Вертиса тоже была своя правда, пусть и искажённая... Мне кажется, его поступок говорит вовсе не о врождённой подлости, а о другом.

– О чем же? – внимательно прищурился Мерон.

– Он явно полагал, что оказался загнан в ловушку. Кошка, загнанная в угол, начнёт яростно царапаться, и он поступил именно как та кошка. Он не нашёл для себя другого выхода. Не знаю, что им руководило, какие точно соображения и мотивы... Наверняка он тоже попал в цепочку событий, вереницу ошибок, из которых так и не смог выбраться. Я этого всего не знаю, только предполагаю. Но думаю, Посланник Синода при желании смог бы узнать и понять, ведь только так и можно было завязать хоть какой-то общий язык между ним и Аларисом. Но Маэл не смог...

– Так выходит, виноват всё-таки Маэл?

– Нет, на него тоже нет смысла валить всю вину. Видишь ли, после твоего рассказа я укрепился во мнении, что все Чтецы – такие же люди. Ну, опыта у них побольше, так как живут они долго, и ещё у них есть колдовской дар. А в остальном они – такие же люди, как мы. С теми же слабостями. Аларис попросил Маэла о помощи как друга, и тот не смог отказаться. А вот попади ты, Мерон, в беду, отказал бы я тебе в помощи? Стал бы я раздумывать о неких абстрактных отдалённых последствиях? Да нет, конечно. Думаю и ты тоже не стал бы. Тогда какое у нас право обвинять Маэла? На самом деле он просто совершил ошибку – не большую, чем прочие участники этой трагедии. Легче всего обвинить Синод, потому что мы почти ничего о нем не знаем. Но мог ли Синод поступить иначе? Я думаю, что если б мог – обязательно поступил бы. Ведь им всё это кровопролитие было нужно меньше всех. Нет, в случившемся виновата какая-то совсем другая сила. Она превосходит своим могуществом и людей, и Чтецов, и даже сам Синод...

– Ты не про Богиню часом? – подозрительно прищурился Мерон. – Ты это, смотри, поосторожней с такими мыслями... А то и Вертис тут у тебя неплохой парень...

– Да неет... Какая Богиня... Она здесь в одной лодке с Синодом.

– Тогда что же это за космическая сила, которая по мощи превосходит саму Богиню? – спросил Киреан, изучая Йеда внимательным взглядом.

Йед молчал. Он не знал правильного ответа, хотя все мысли его крутились вокруг чего-то смутного... неясного. Он хотел было уже разочарованно вздохнуть, как вдруг взгляд скользнул по собственному гвардейскому мечу. И тут его осенило.

– Я понял! – воскликнул он, чуть не опрокинув Мерону кружку. – Я знаю, что это за сила!

Переглянувшись, Мерон с Киреаном уставились на него в четыре глаза.

– Судьба! – торжественно заявил Йед. – Ведь каждый участник этой истории оказался её заложником. Это сейчас мы тут сидим и с умным видом рассуждаем, как кому следовало поступить, но на деле никто просто не смог бы поступить иначе. Никто. Судьба нашла у каждого слабое место, надавила, – и вот всем им словно волю парализовало. Как ты, Киреан, сам сказал, судьбы людей сплелись в тугой клубок, из которого никто так и не смог выбраться целым. Синод, Маэл. Аларис, даже Вертис – все на самом деле его жертвы. Узел судеб стянул их мёртвой хваткой, сломал и задушил. Никто из них ведь не хотел заранее, чтобы всё вышло так, но оно всё равно вышло – против их воли, но в результате их действий. Словно ими всеми кто-то управлял, как марионетками. Как же так происходит? Я не знаю. Но воистину, это космическая сила, над которой не властен ни Синод, ни даже сама Богиня!

– Эх мы напились, – оборвал его Мерон на самом вдохновенном слове. – В каких дебрях оказались. И как же теперь нам, простым смертным, справиться с такой могучей силой, в случае чего? Если даже Синод и Богиня тут не в помощь?

– Я не знаю, Мерон. Не знаю даже, возможно ли это... Я ведь простой сын кузнеца.

– Вот ведь досада, – рассмеялся тот. – Судьбоносный ты наш! Так или иначе, засиделись мы тут, а дело уже к утру. Не забывайте, что отдыхать нам не дадут. Завтра у нас первый караул на большом королевском пиру. Там будет и сам король–регент, и разные знатные вельможи, даже послы из сопредельных стран. Это дань древней традиции – пышно праздновать окончание испытаний в королевскую гвардию. В какой–то степени, пир будет в нашу честь, и к тому времени мы не должны походить на трактирных свиней, как... как неважно кто.

– А ещё, – добавил Киреан, – ходит слух, что завтра Рамис объявит свой первый военный поход – поход против атрийских мятежников. И я полагаю, что сей слух правдив, ведь лучшего повода просто не сыскать. Величайшее в истории страны войско уже почти собрано. А такие крупные армии нельзя долго держать без дела.

– Что же, выходит завтра начнётся война с новым врагом, – вздохнул Йед, поднимаясь из–за стола.

Он бросил озабоченный взгляд на двух старых пьяниц, которые мирно храпели на другом краю стола. Их война давно окончилась.

– Надеюсь, что хотя бы сегодня мне удастся нормально поспать, – добавил он, уже выйдя за ворота трактира. – Как говорят, хочу заснуть сном мертвецкого пьяницы... Или мертвецким сном пьяницы? Ну вот, уже язык заплетается.

Мерон почесал затылок.

– А что такое? У тебя с этим какие–то проблемы? Со сном, то есть. Кстати, я ведь знаю рецепт неплохого сонного снадобья из трав...

– Вот как? – зевнул Йед. – Быть может, твоё снадобье и вправду окажется кстати. Я почти не сплю с тех пор, как прибыл в столицу. Каждую ночь мне вновь и вновь снится один и тот же кошмар. Странное подземелье... И чёрные щупальца тянут её во мрак...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.